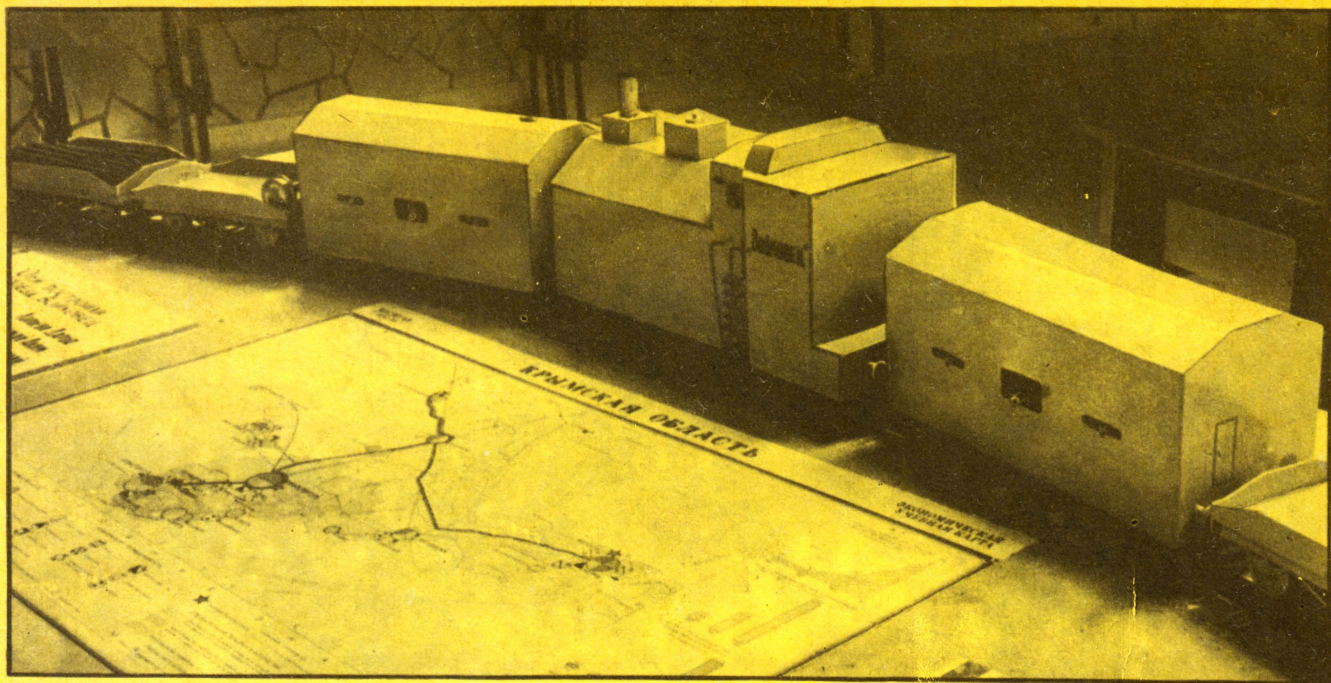

уральский

следопыт

№10*** 1979

«ВОЙКОВЕЦ»

**Борис
СЛУЧАНКО**

До Великой Отечественной войны керченские металлурги давали до двадцати процентов всех производимых в Советском Союзе железнодорожных рельсов. Как и огромное большинство предприятий, Керченский металлургический был заводом, выпускавшим мирную продукцию.

Война дала первый военный заказ — бронепоезд.

Перед инженерами, мастерами, рабочими встало много проблем. Важнейшая — чем обшивать бронепоезд? Своей брони завод не имел. Помогла рабочая смекалка: между двумя листами железа заливали бетон.

Среди рабочих, дневавших и ночевавших у платформ новой машины, бесшумно находился машинист Аким Полежай. Платформы, оборудованные броневыми площадками, Полежай повел в депо. Военные специалисты установили на них восемь пушек и шестнадцать станковых пулеметов; рабочие надели на паровоз защитную «рубашку». Так появился новый бронепоезд, названный «Войковец» — в честь комиссара и дипломата, уроженца Керчи, Петра Войкова.

21 августа 1941 года «Войковец» оставил родной город. Через Джанкой, на фронт повел машину командир бронепоезда майор Попахов. Бронепоезд ворвался во вражеское расположение у Перекопа — это были его первые бои.

Позже с лозунгом «Смерть фашизму!» он отбыл на станцию Сарабуз. В командование вступил боевой офицер, танкист майор Баранов. По заданию командования экипаж охранял железнодорожную линию на участке Симферополь — Альма.

В двухчасовом бою у станции Шакул на бронепоезд обрушились вражеские самолеты... Под шквальным огнем бойцы ремонтировали поврежденное полотно. Экипаж бронепоезда уничтожил восемь вражеских орудий, 12 минометов, около батальона солдат. Тяжелораненый командир руководил боем, пока не потерял сознание. Погибла часть команды, был поврежден сам бронепоезд... Оставшиеся в живых взорвали его и прорвались в Севастополь. Вынесли и командира. Хирурги извлекли из его тела около двадцати минных осколков...

Войковцы продолжали воевать в составе 51-й армии, воевал и машинист Аким Полежай.

А в Керчи, после высадки керченско-феодосийского десанта, уже все заводы и фабрики работали на фронт. К маю 1942 года было отремонтировано 12 паровозов и 506 вагонов, к линии фронта тянулись новые бронепоезда...

Много лет спустя рабочие нового поколения восстановили в макете «Войковец» и поставили в своем заводском музее. В их глазах это не просто экспонат, а пережитое, грозные будни войны.

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Борисихин ПОЛЕ ТВОИХ ДЕРЗАНИЙ	3
Ю. Вахнин ПРИГЛАШАЮТСЯ АКСЕЛЕРАТЫ	4
Н. Сенчев РАБОТНИКИ И НЕРАБОТЬ	6
ВЫ СПРАШИВАЛИ...	9
Ю. Райдугин ГОРОД — СЕЛУ. Фоторепортаж	10
А. Поздняков ТЕРТЫМ РЕМЕНЬ НЕ ЖМЕТ	12
М. Попова ДОЯРКА	15
СЕЛО КОРМИТ СТРАНУ	16
И. Шакинко БРЮЛЛОВСКАЯ «АВРОРА»	17
Ю. Липатников ЗАПОРОЖЦЫ ЗА БРЮССЕЛЕМ	26
В. Карпов КОЗА-ДЕРЕЗА. Рассказ	28
А. Крашенинников БАБКА НЮРА	34
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	38
СНОВА ОСЕНЬ ВСТРЕЧАТЬ НА УРАЛЕ... Стихи	40
Ю. Курочкин И ХРАМ, И МАСТЕРСКАЯ	42
Е. Бирюков ДЕКАБРИСТЫ НА ФОТОГРАФИЯХ	47
В. Блюхер ИЗ РЕЙДА В РЕЙД	48
Бал-Доржи-Бадараев ЧЖУД-ШИ	53
С. Мешавкин ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА КИРГИЗИИ	54
Г. Яковлев РЕЛИКТОВАЯ РОЩА. Рассказ	56
Г. Каета ПОЧИТАЕМЫЙ «КОРОЛЬ»	73
И. Легонькова, А. Конторевич ПАМЯТНИК-САТИРА	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

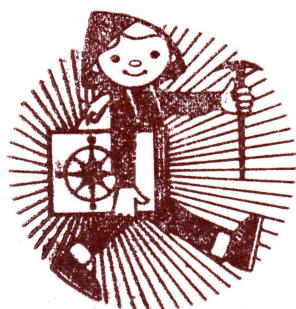
Адрес редакции:
620219.

Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28.06.1979 г.
НС 12145
Подписано к печати 13.08.1979 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,8
Тираж 247 000
Заказ 579.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

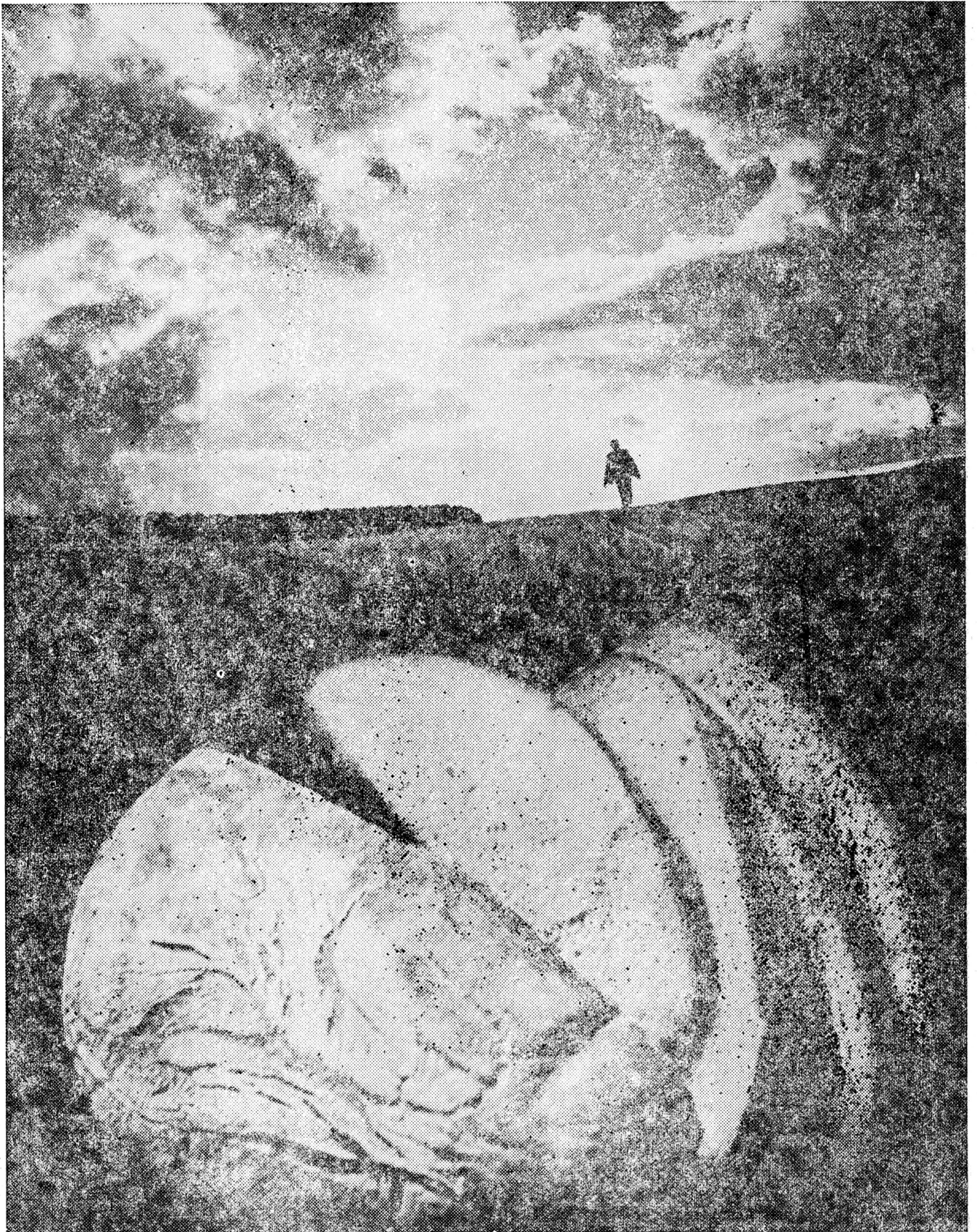
На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1979 г.

№10 * 1979

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ПОЛЕ ТВОИХ ДЕРЗАНИЙ

Паренек аккуратно вырубил к силосной яме, выключал мотор и опрокидывал тележку. Пока городские шефы (чуть постарше, чем сам Иван) соскребали остатки кукурузного месива, он покусывал соломинку... Знал Иван свой маневр, не суетился. Вечером я видел, как он уже на красненьких «Жигулях» вез маму и отца в город, до которого — час езды. А в воскресенье — он же, в красном шлеме, жал на «Яве» за село, и долго было видно, как мелькало красное среди зеленого.

Дом у семнадцатилетнего Ивана под шифером, телевизионная антенна — выше тополей, баня — с лютой каменкой, река Ильинка прямо за пряслами огорода. Живет паренек, дышит чистым воздухом, питается свежим продуктом и, как видите, всевозможно моторизован, прилично получает, у земляков на хорошем счету...

Вечером Иван с друзьями постучал в номер. Гитара у компании, баян.
— Не скучно в гостях? — спрашивают. — Можем повеселить!

Я как раз хотел сам спросить: «Кроме труда, еды, обеспеченного жилья человеку еще что-то надо. С духовными-то как интересами?»

За полночь затянулась наша беседа.

Завидна жизнь уральского паренька Ивана Коробицына. А почему бы нет? В ильинской бригаде — 40 тракторов и 20 механизаторов, 100 рабочих других специальностей — агрономов, доярок, строителей и всего... 5 разнорабочих. И как только паренек садится за руль, он приобретает вес... Помните, в материалах XXV съезда КПСС сказано: «Механизатор — главная фигура на селе...»

...И в самом деле — будь то Тюменщина, где даже за Полярным кругом (факт в мировой практике беспрецедентный) нефтяники получают свежее молоко, будь то Средний Урал с его перелесками, суходолами, нелегким под хлеб суглижком, будь то Оренбуржье с неоглядными степными полями, ковылем, стадами овец, будь то Удмуртия, Башкирия — везде молодые в первых рядах. А какие у них наставники! В Тюмени живет легендарный огненный тракторист Петр Дьяков, и молодые земледельцы борются за его приз, в Курганской области — почетный академик, кудесник урожаев Терентий Семенович Мальцев, в Свердловской — лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда агроном Евгений Константинович Ростецкий, вырастивший не одно уже поколение знатных хлеборобов, в Оренбуржье дедуровская средняя школа — лауреат премии Ленинского комсомола, так сказать, коллективный наставник, — ее закончили 230 из 360 колхозников Дедуровки... Какие имена, какие маяки! Хлеборобство, животноводство — вот как бы два занятия на селе, вбирающих в себя десятки профессий: агроном, механизатор, доярка, мелиоратор, счетовод, строитель.

Но село — это особый миропорядок, это жизнь, мудрость которой придает чувство земли, родство с природой. Деревенское поле — это поле для твоих дерзаний, товарищ сельский паренек! Много проблем на селе — и решать их тебе.

...Помнится, в страшное, засушливое лето 1976 года, когда механизированные отряды отправились на север, где среди болот и озер еще была трава, а в глухие, морозные январские дни и ночи везли корм на фермы Урала, то подростки Гаринского района, никем не понуждаемые, в зимние дни дежурили на лесных перекрестках, показывали дорогу тракторам... Мерзли, жги костры, с поста не уходили...

...Я отогрел тогда руки у их костра.

Здравствуй, сельский паренек!

Сегодня материалы отдела публицистики — про тебя и для тебя.

Ю. БОРИСИХИН,
заведующий отделом публицистики
Фото А. Лысякова

ПРИГЛАШАЮТСЯ АКСЕЛЕРАТЫ

Юрий ВАХНИН

«Акселерата как такового надо понять. И потом уж повертывать на ту дорожку, которая ему больше подходит. А его, акселерата, пока только объясняют. Он и феномен, и социально-биологическое явление, и непредсказуемая сущность. Многие поругиваются этим словом, когда о лоботрясах заходит речь. Даже институты занялись акселератом, вот до чего дошло».

Так думал директор совхоза «Степной» Кошкарев. А сидел он в кабинете механизации средней школы, где старшеклассники сдавали экзамены на права трактористов-машинистов широкого профиля.

Геннадий Михайлович уважал науки. И не только сельскохозяйственные. Педагогика, психология, социология тоже увлекали его. Человек практичный, он понимал, что в наше время строить отношения с людьми, руководить ими нельзя по старинке. Но проблемы акселерации он представлял в несколько другой плоскости. Ему говорили, что он их упрощает.

«Зато и не усложняю их,— утверждал Кошкарев и сейчас, наблюдая за высоким, сильным парнем, уверенно отвечавшим комиссии на дополнительные вопросы.— Прав наш мудрец, наш молодежный наставник Петр Михайлович Мальцев, который говорит, что эти самые акселераты «такие же вертоголовые», какими и мы были в молодости, только знают больше, а умеют меньше».

Кошкарев был убежден, что

юность всегда, во все времена стремилась утверждать себя, быстрее находить место в жизни, у которой много разных дорог. Одни ведут к добру, другие — к злу, и тут для юности очень важно, кто из старших окажется возле, по какой тропинке посоветует шагнуть.

«Наши парни тоже хотят побыстрее повзрослеть. Попробуй не допустить к трактору этого молодца, так он его одной левой на дыбы поставит,— усмехаясь, прикидывал Кошкарев, любящая атлетической фигурой очередного претендента на механизаторские права,— а дай ему по душе дело, через пару лет ополовинит совхозную кассу, на одних премиях разориг».

Вот так рассуждал Григорий Михайлович, пользуясь выпавшей свободной минутой. Свыше шестнадцати лет он в «Степном», что раскинулся по обе стороны речки Уй, не очень далеко от старинного города Троицка.

...И не уходит отсюда молодежь. Интересные данные на сей счет имеются в степнинской средней школе, где директорствует Клавдия Ивановна Воробьева. По ее данным выходит, что за последние двенадцать лет школа дала среднее образование почти шестистам юношам и девушкам и более половины из них остались в селе. В позапрошлом году совхозный кадровик оформил трудовые книжки сорока выпускникам школы, в прошлом — тридцати двум. Совхоз полностью обеспечен кадрами механизаторов для двухсменной работы во время уборки, не говоря уж о посевной.

А во многих хозяйствах десятки тракторов круглый год стоят на приколе: некому их водить. Более девяноста процентов совхозных специалистов в свое время начинали учиться в этой школе.

«Кадровый оазис» — так называют совхоз «Степной». Но не обязательно думать, что кадровые проблемы решались вроде как «по шучелу велению». Доставалось Кошкареву не раз под первое число.

— У тебя контора развалюха, а ты спортзал отстраиваешь.

— Перебьемся с развалюхой.

— Фондов лишим. С какой стати ты школе опять старые тракторы заменил на новые?

— Чтобы знали парни новую технику. Не на «универсалах» же нынче землю пахут.

— В совхозной мастерской оборудования не хватает, а ты школе двадцать слесарных верстаков подарил.

— Зато класс механизации теперь что надо.

Кошкарев умеет считать государственную копейку, но не скопидомничает, ориентируясь на сиюминутную выгоду. «Девять тысяч рублей, говорите, ушло за последние два года на школу? Деньги, что говорить. Но только за одну уборку старшечки возвращают нам по тридцать тысяч. Наглядно?» — говорит он оппонентам.

Оппонентов у него хватает, но единомышленников куда больше! Среди них и родители гривастых, начинающих бриться уже в восьмом классе, и подрастающих пока... Со средним образованием в прошлом году было восемьдесят трактористов и комбайнеров, восемнадцать животноводов, двадцать шесть шоферов, пятнадцать ремонтников. Батальон интеллектуалов! Но и это не все. В вузах и техникумах обучается около сорока совхозных стипендиатов, а заочно еще двадцать шесть. Это дети родителей, работающих в совхозе постоянно, являющихся, как правило, передовиками производства.

Чтобы научить ребят сельской профессиям, совхоз направил в школу агронома Валерия Петровича Синицина, человека молодого, который мог бы в поле принести хозяйству много пользы. Накладно? Нет, считает Кошкарев, на подготовку нашей смены не стоит скупиться.

Много союзников у Геннадия Михайловича. Перечислять — со счету собьешься. Но двух человек он выделяет на особицу. Это шефы-наставники Петр Михайлович Мальцев и Василий Григорьевич Плаксин. Учитель должен быть сильнее ученика. А сегодняшней юнец лучше разбирается в бинамах и пи-мезонах. Но не важничает... Видимо, житейский опыт, бескорыстие наставника не менее уважительно. Тут как в хороших рабо-

чих семьях, где даже сынок генерал уважительно воспринимает советы отца, закончившего службу в ефрейторском звании.

Мальцев и Плаксин, как говорят, университетов не кончали, но у них необходимо выделить, пожалуй, наиболее ценное — терпеливую деликатность. Никогда они не повысят голоса на ребят, не скажут им бранного слова...

Однажды в помощь Петру Михайловичу Мальцеву выделили мастера-наладчика. А у него на языке — мусор да мат...

Петр Михайлович немедленно отвел его в сторону и, поглядывая на обедающих ребят, тихо посоветовал тому убираться отсюда. Грубиян зартачился было, но тут подскочили хлопцы, и один из них заявил ему:

— Читал в столовой объявление «У нас не курят»? А ведь там грязнее бывает, чем в поле. Посмотри, как хорошо кругом. В общем, послушай мастера, не мучь младенцев, — шуточной постарался смягчить он ситуацию.

— Ничего себе младенцы, — пробормотал тот в ответ, опасливо поглядывая на окруживших его парней.

В уборку работают хлопцы на новых машинах. Опытные механизаторы могли бы, наверное, больше «выжать», но посади на старье молодых, и наверняка после десятилетки их в совхозе останется меньше.

Всегда ли хозяйственники учитывают последствия невыгодных для молодежи решений? Нет, конечно. В «Степном» же о перспективе не забывают в самые напряженные периоды.

Да и выработка многих молодых комбайнеров, которым помогают умелые наставники, такова, что механизаторы со стажем удивляются. Алексей Лапшин, к примеру, за прошлый сезон намолотил 538 тонн хлеба, его приятель Анатолий Степанов — чуть меньше. Годом раньше в десятку сильнейших комбайнеров совхоза вошли Михаил Силинских и Владимир Башков.

Теперь судите сами: потянет ли таких ребят в чужие огороды, чтобы таким путем выделиться среди сверстников, а перед взрослыми коверкаться в пьяном виде, не находя других возможностей для утверждения себя? Для них куда приятнее увидеть свою физиономию с мушкетерской прической на Доске почета среди наиболее уважаемых людей совхоза, или потолкаться с ними в очереди перед получкой, а потом с давно продуманной небрежностью, как будто так всегда и было, выложить перед матерью сотни три рэ. А иногда и побольше. Или поздней осенью с показательной неохотой медленно подниматься из-за парты и поки-

дать класс, но не потому, что помешал учебе, а потому, что в клубе подводятся итоги уборки, во время которой ты кое-что сделал, и дирекция, понимаешь ли, приглашает тебя персонально, бумагой, печатью завершенной, «принять участие» в торжествах, отсюда шагать по улице с врученным административной транзистором, включенным, как и положено, на полную мощность.

Все правильно, все законно. Не за красивые глаза получают парни подарки. Каждый год они убирают по пять, по пять с половиной тысяч гектаров хлеба. Во многих хозяйствах зерновых сеют вполтину меньше, и то в страду хлопот с ними хватает.

Любят ли ребята хлебоборское дело, все ли мечтают о такой стезе? Дорог в жизни много. Некоторые думают о других профессиях. Петр Михайлович Мальцев, когда парням выпадает минутка для того, чтобы помянуть о будущем, говорит: «Зря думать, что от печника обязательно печник должен произойти». Да и правомерна ли такая постанова вопроса о том, что человек должен всю жизнь искать одну-разъединственную любимую профессию? Ведь не при коммунизме живем, труд пока — средство существования. И даже от любимого дела в какой-то момент хочется избавиться, и притом немедленно. Как тут быть?

Надо с детства прививать уважение к труду, к любой работе.

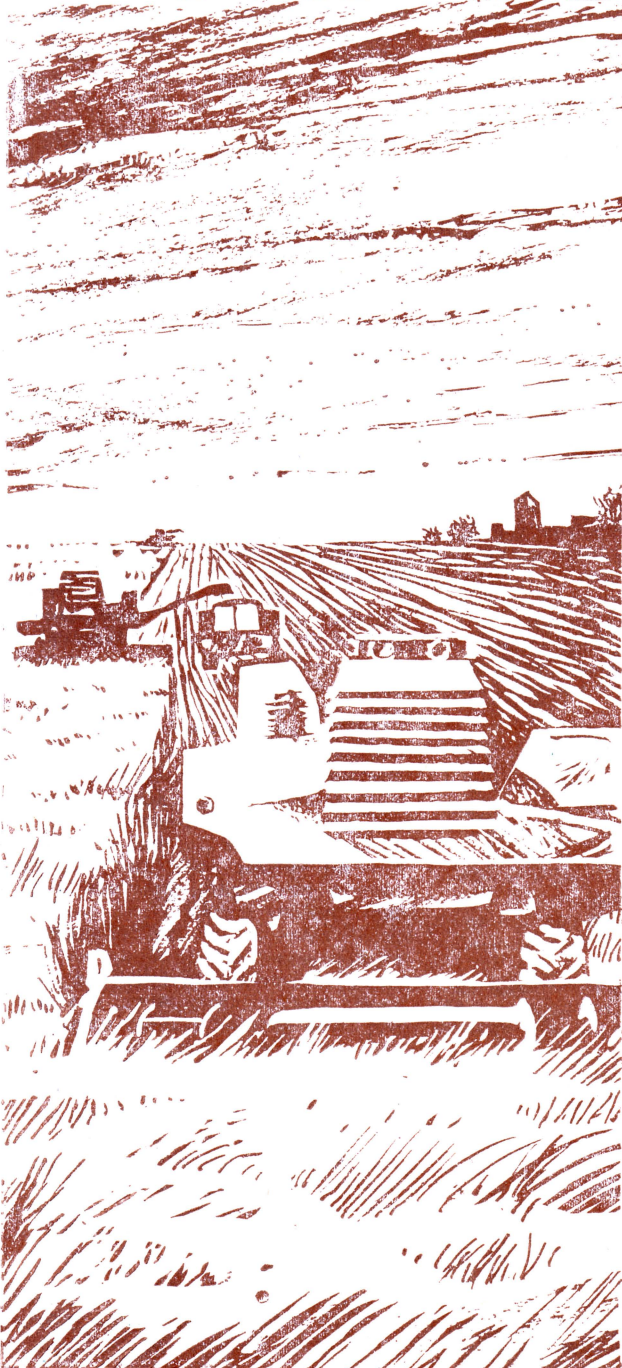
В «Степном» так и поступают. Ребята каждое лето выезжают в двухсменный спортивно-трудовой лагерь, расположенный в ивовых зарослях живописной речки Курасан. Совхоз передал школе орошаемый «Волжанкой» земельный участок в пятьдесят гектаров, на котором выращиваются овощные, зерновые и пропашные культуры. Школьники живут (пока) в палатках, кормит их лучший совхозный повар. Трудятся они по четыре часа, так что покупать, позагорать, поиграть в футбол времени хватает.

И пусть не все эти ребята станут со временем хлеборобами, но определенная часть их безусловно не покинет родное село. А те, кто выберет себе другую судьбу, другие места, наверняка будут крепко стоять на земле.

Директор же «Степного» Геннадий Михайлович Кошкарев, если случается ему присутствовать при разговоре на тему «Что за молодежь нынче», говорит, смеиваясь: «Давайте нам этих самых акселератов, мы из них орденосцев делать будем».

*Совхоз «Степной»,
Челябинская область*

РАБОТНИКИ И НЕРАБОТЪ

Николай
СЕНЧЕВ

Рисунки
А. Копысова

Оказывается, на земле есть такое теплое местечко — тесноватый зал ожидания на станции Уфимка. Так подумали мы, переступив порог из холодной октябрьской ночи. Правда, она не была такой ужасной, чтобы деревянная лавка, притуленная к черной голландке, показалась райским уголком. Нет, ночь была вполне нормальной: после дождей, беззвучно льющих трое-четыре суток, наступало кажущееся равновесие между ведром и ненастьем. По утрам в прорези туч просачивалась полоска зари, обещающая солнце и ветер. Но заронив в душу комбайнеров каплю надежды, небо, до того с прожилками синевы, снова выравнивалось в цвете и снова падали дожди.

Передернин спал. Сначала на вокзальной лавке, спустив кепку на нос. Потом в темном прокуренном тамбуре, когда люди в ожидании проводницы, обещавшей разместить всех по-человечески, стояли плотно, как патроны в обойме. Потом на вагонной полке, подсунув под голову дерматиновую папку. С ней, с этой папкой, он, главный агроном совхоза «Заря», явится завтра в трест «Сортсемпром» для отчета... А пока он спал. Когда поезд пришел в Свердловск, проводница долго и недовольно трясла сонного Передернина, приговаривая: «Он што, после молотбы, што ли».

На редкость неразговорчивый, страшно не любящий обсуждать «очевидные вещи», Передернин однажды выразился, не помню по какому поводу, коротко и ясно: человек трудом живет, от труда помирает и трудом памятен остается.

С первой и последней мыслью его неожиданного афоризма я согласился легко, а насчет того, что «человек от труда помирает», имел, понятное дело, возражение. Труд — отец удовольствия, основное условие всей человеческой жизни — вдруг связывается с таким трагическим моментом как смерть. Как же так?

— Зачем философствовать? — нехотя отвечал Передернин. — Люди-то отчего помирают? Бывает, от переедания. Не редкость, от пьянства. От лени, случается. Но в основном у человека почетный конец: организм, мозг, выработанный до нуля, медленно, внезапно ли отказывает — и готово. Не так, што ли?

Я выставлял какие-то слабые аргументы, и Сергей Степанович остановил меня:

— Не надо спорить. Сам же видел, как механизаторы пластались в поле. Думаешь, в безоблачной старости не аукнутся эти дни? Они понимают это, но вот работают как черти и при этом арифметикой не занимаются.

Сколько прекрасных мгновений унесла из их жизни (но правильно сказать, внесла в их жизнь) та трудная ночь?

Днем работа не клеилась. Комбайны, исписавшие размягченное поле, под вечер сгрудились у вагончика. Кто-то из механизаторов ставил двойные колеса, брызгала синими каплями сварка, другие, передохнув у «буржуйки», копались в «Колосах», «Нивах», «Сибиряках».

Итог дневной работы считать нечего — мизер. Потому между ремонтных дел механизаторы совхоза «Заря» Ачитского района все чаще и чаще говорили о дне вчерашнем. Отряд, слив в одну смену день и ночь, скошил шестьдесят гектаров и намолотил двести двадцать тонн пшеницы. За молотьбой не видели дальше поля: когда над дальним холмом побледнело небо, никто этого не заметил. Косили, потому что можно было косить. Октябрьские ночные заморозки забрали поле в твердую корку. Это позволило переключиться даже на вторую передачу.

— А не повторить ли нам, братцы? — спросил, обращаясь ко всем сразу, молодой комбайнер Хамид Нуратов.

— Я — пас, — возразил ему пожилой механизатор. — Две ночи без сна, не выдержу. Вот если бы вздремнуть часок, ну вот здесь, в вагончике...

Решили всем отрядом снова косить в ночь. Но с твердыми оговорками: чтобы ремонтное звено стояло под боком, чтобы шофера не артачились («уж если заодно, так заодно, пусть работают как часы») и чтобы в двенадцать привезли добрый «полночник» — котлеты, сметану, чай.

Овес, который предстояло жать, стоял высоко и густо. Частые снежные накрапы посеребрили дорогу, ведущую к зернотоку, и первые прокосы со следами колес.

Петр Щелканов, Анатолий Гусев вывели свои «Колосы». Вдруг заминка. Хамид Нуратов погнался за комбайном в обход «Колосов», поставил его поперек пути и, приглушив двигатель, начал кричать, что отсекают загонку будет он лично, потому что лучше других знает что к чему.

— Ну и туз! — поругивали комбайнеры Нуратова, но с ним согласились: если уж он клетку отрежет, то хоть как загоняя комбайн — одинаково хорошо пойдет.

Семнадцать машин косили напрямую. Со стороны казалось, что на поле разыгралось сражение. Свет десятка мощных фар, натапливаясь на идущие навстречу комбайны и грузовики, отбрасывал длинные пляшущие тени. В моменты, когда машины, вползая на подкошенный и переклестнутый ветром овес, с ревом увеличивали обороты, картина боя была почти реальной.

Комбайнеры докашивали третью загонку, и Нуратов помчался отрезать следующую клетку, когда с полевого стана, разбитого близ леска, заговорила сигнальная фара.

— Кажись, повар приехала, — сказал кто-то, и сразу же отовсюду посыпались шутки, довольные возгласы.

Сцена, которую наблюдаешь и главным действующим лицом которой является каждый из нас каждый день, — трапеза. Люблю это старинное слово, но с ним почему-то связываю не боярскую, извините, обжираловку, не богатые пиры подгулявших купцов и даже не скромные вечеринки российского студенчества.

Нет, не с праздничными обедами ассоциируется это слово. Когда после трудов праведных человек садится за стол, он ищет не удовольствие, а возможность, необходимость напитать свои мышцы, каждую клетку уставшего тела новой силой. Это — трапеза. А чувство настоящего человеческого удовольствия приходит само собой вместе с ощущением вливающейся в тебя силы.

Группками и поодиночке жнецы стекались к вагончику, где совхозный повар Надежда Ботова уже накрывала стол. Самые изголодавшиеся уселись первыми. Пока Надя разбирала посуду и прикидывала, на сколько едоков разлить, механизаторы завели старый неоконченный разговор о том, управятся ли к утру с этим полем, хорош ли будет овсяшка или нет и не притянет ли западный ветер всем надоевшие дожди. Только здесь, в вагончике, где в железной печке пицали дрова и где острый нежный дух свежее испеченного хлеба перемешался с запахом раскаленной «буржуйки», комбайнеры почувствовали, как холодна и ветрена ночь.

— Все, мужики! Сигареты убирайте, давайте к столу, — вдруг скомандовала Надя и при этом коротко пристукнула черпачком.

Ночной ужин был щедрым. Шницели, по два в каждую чашку, еще дышали жаром кухни и были непомерной величины. Комбайнеры, смертельно уставшие, разобрали чашки, хлеб, ложки. И как ни силен был голод, кто-то застыл в дремоте, так и не одолев свою порцию. И тогда заводила свою речь повар:

— Степаныч, видно, как работаешь, так и ешь. Давай, поднажми, — тормозила она пожилого механизатора и тут же, через плечо, с улыбкой выговаривала другому: — Мало намолотил сегодня, — скажу твоей, чтобы домой не пускала...

— Ты чего, Кондратыч, сметану не доел, — не умолкала ни на минуту Надя. — Ну-ка, дай я песочку подсыплю, слаще будет...

Все шумней и веселей в вагончике. «Отстрелявшие»

уступали свое место другим и, перехватив две-три сигаретных затяжки, уходили в ночь — к комбайнам.

Минули месяцы. Уже другие события занимают меня, но эпизоды прошедшей жатвы-78 крепко держатся в памяти. Агроном Сергей Передернин, комбайнер Хамид Нуратов, повар Надежда Ботова... В те дни они, черные от недосыпания, серые от усталости и пыли, были значительны и великолены. Для них длинный хлебный марафон был естественным ходом бытия, нормой, законом, условием их крестьянской жизни. Вздумай я тогда доказывать Надежде Ботовой, что ее благодарное поварское дело — настоящий трудовой подвиг, что ее работа по своему внутреннему напряжению, самоотдаче не легче механизаторской, вздумай я все это доказывать, то в глазах Надежды был бы, вероятно, весьма наивен.

Как привычны, будничны эти слова — труд, работа. Но обыкновенность, прозаичность тому и служит, чтобы подчеркнуть масштабность этих понятий. Пожалуй, не было философа, который бы не задумался над значением, ролью труда в жизни. Энгельс сказал определеннее, точнее всех: труд создал самого человека. Но если следовать обратной логике? Безделье, лень, праздность разве не могут возратить современного человека к первобытному состоянию? Увы, с отдельными представителями нашего великого цивилизованного рода это еще случается.

От троллейбусной остановки до дома всегда хожу напрямик, через двор, мимо винного магазина и автоматически фиксирую группу «синюшек» — молодых запившихся парней, у которых носы, как на медицинском плакате, выделяются неестественной синевой. Наперед знаю: от группы отделится один или два человека и с дистанции, с которой нельзя не услышать их голос и нелегко посмотреть им прямо в глаза, полупробовательно-полупросительно скажут: «Друг, дай семь копеек».

Каждый раз при таких встречах перебираю варианты ответов и каждый раз убеждаюсь: ничего умного здесь не скажешь.

Их лица вскоре примелькались. Я уже знал, что один из них работает грузчиком в соседнем гастрономе, другой — на машиностроительном заводе, остальные — ядро, постоянный кружок — жили на «подножном корме»: собирали по закоулкам бутылки, продавали за гривенник место в магазинных очередях, но в основном «трудились» вот так: «Друг, дай семь копеек».

Хоть и говорят, что у всякой пташки свои замашки, эти «птички» своими повадками ничуть не отличались друг от друга. Их нивелировало состояние праздности. Однажды, ранее уверенный в том, что компанию «синюшек» знаю в личность и по именам, я обнаружил, что путаю их, и очень часто, друг с другом; что уличные эпизоды, происходящие на моих глазах, связываю не с тем, с кем следовало бы; что каждый из них в отдельности и все вместе представляют в реальности безымянный тип, отмеченный в народе грубовато, но метко — «опойкой», «неработью».

Связываю две противоположные, нарисованные мною картины, и, естественно, возникают такие вопросы. Насколько полно воздается по заслугам трудовому человеку, настолько решительно, всеми средствами должна бы вестись борьба с бездельниками и пьяницами — с теми, которые живут по принципу «работа дураков любит».

В народе жили и всегда будут жить презрение, нетерпимость к этому пороку. Но, согласитесь, как только дело доходит до конкретной борьбы с этим злом, мы часто бываем непоследовательны и робки. Как ни странно, иной человек объясняет свое примиренчество соображениями такого порядка: дескать, вольному — воля, спасенному — рай.

Вспомним факт, поразивший Льва Толстого. Когда ссыльные декабристы наконец-то вернулись на берега Невы, то своих сверстников они застали в ужасном состоянии. Каждодневные балы, ужины, столичные интриги, беспорядочное ленивое состояние превратили некогда молодых, пышущих здоровьем людей в жалкие разва-

лины. Декабристы же, должные по замыслу императорского двора сгинуть на сибирской каторге, вдруг явились крепкие телом, чистые духом, ясные умом. Но судьба героев Сенатской площади могла бы сложиться иначе, если бы царь, высылая их за Урал, среди прочих многочисленных запретов наложил бы строжайший запрет на труд. Какой бы утонченной была эта казнь!

Говорят: если хочешь узнать, как человек относится к труду, посмотри на него, как он празднует. В Щелкуне каждый год в один из воскресных дней, когда уходит с поля последний комбайн, когда на токах замирает шум механизмов, когда табуны скота меняют летнее приволье на зимние квартиры, — в Щелкуне в этот момент всем миром начинают готовиться к празднику улицы. Женщины, суетясь и покрывая на домашних, колдуют у кухонных плит, мужчины наводят блеск во дворах, в палисадниках, на улице.

Потом целая серия конкурсов-смотров определит лучшую домохозяйку и сноровистого домохозяина. У кого чище двор, у кого стряпня самая вкусная, у кого цветы под окном ухожены с любовью — это тоже определит комиссия и свое расположение отметит интересным призом.

Все это происходит с известной долей юмора, с безобидными подковырками, шутками, смехом. Как и полагается на празднике...

Однажды Федор Васильевич Партин, директор совхоза, рассказывая о праздновании дня улицы, на полном серьезе сказал: «Здорово мы в этот день потрудились...»

Смысл этой фразы я понял позднее, когда увидел, из каких моментов складывается это своеобразное народное гуляние обитателей старинного уральского села Щелкун.

Когда на моих глазах механизаторы в поте лица своего подправляли расшатанные летними ветрами ворота, когда широченными ладонями они неумело и оттого конфузясь друг перед другом, оглаживали подсыпанные свежей земелькой георгиновые клумбы, я, увидев все это, подумал о том, что праздник улицы — это, конечно, празд-

ник, но он не был бы им, если бы щелкунские жители не почувствовали при этом несравненное удовольствие от перемены трудовых занятий. И поэт несколько не ошибся, выразив свою мысль таким образом: «Даже будни может труд сделать праздничными днями».

С чего начинается непрерывное духовное восхождение? Может быть, с тех первых шагов, которые совершает маленький человечек? Или позже, когда он сталкивается с первыми жизненными головоломками и решает их в свою пользу? Или еще позже — в день совершеннолетия?

Некоторые родители, напугав в этот день своих детей, искренне убеждены, что уже сама по себе пора совершеннолетия несет в себе некий колдовской момент: был ребенок пайнкой, не умеющий и не желающий вбить даже гвоздь в доску, а теперь неожиданно стал мужчиной, способным преодолевать все трудности, готовым к насыщенной благородными делами жизни.

Увы, такие метаморфозы невозможны. Не было еще примера, когда шоколадно-пряничное воспитание рождало полноценного человека. Примеров же обратных сколько угодно.

Молодежная жизнь в овощесовхозе «Свердловский», что под боком у миллионного города, требует специального исследования социологов. Так вышло, что прямо в центре агрогородка расцвел пышный букет тунеядства. Семьины, Телегины, Рогулины — эти имена стали в поселке символом потребительского отношения к жизни. Почему же эти молодые люди, еще не успев расцвести, увядают прямо на глазах? Может быть, они родились с такой печальной программой жизни?

Рассуждающие жители совхоза считают, что саморасположение поселка оказывает нехорошее влияние на подрастающую молодежь. Застрял поселок между городом и деревней, и городскими люди не стали, и от села, с его многими добрыми чертами, отошли далеко-далеко. И вместо сплава превосходных качеств, который мог бы выйти в этом случае, — интеллигентности и деревенской непосредственности, тяги к театру, книге и физической активности — получился уродливый синтез: город с богатыми возможностями развлечений нашел и искажил восприимчивую натуру бывшего сельянина.

В этих соображениях есть, конечно, своя правда. Ведь неспроста городские окраины считаются самыми тяжелыми районами. Но, с другой стороны, негативное влияние городских условий должно бы нейтрализоваться правильным трудовым воспитанием. Те же самые Рогулины, чьи родители заботились только о том, как получить накормить и одеть детей, с самого детства не знали истинного вкуса труда. А не познав его, возможно ли потом испытывать на него голод?

...В конце недели меня манит за город. Сосед по дому, токарь с Уралмашзавода, собирается на рыбалку. Другой сосед, подручный сталевара, облачившись в свежую рубашку, договаривается с женой насчет кино.

Все это естественно: намяв руки в заводских цехах, они ищут передышку для мышц и работу для мысли. Меня же, чувствую, съедает голод по физическому труду. Подхватываю своего сына под мышку, тащусь на трамвае через весь город — и нет во мне ни огорчения, ни досады. Знаю, предвкушаю, как на тестевом огороде вольюсь лопатой в упругую землю, как с каждым пластом суглинка, с хряском вывороченного к солнцу, в мои руки вливается так необходимая мне сила.

Тем временем, пока я неистовствую на огороде, четырехлетний сын мой начинает строить замок, который, по его замыслу, должен быть как настоящий! Но, конечно, получилось по пословице: ладил мужичок челночок, а свел на ухвертку. Но такой оборот моего мужичка не огорчил. Не вышло одно, выйдет другое. Схватив свою лопаточку, он пристравляется рядом со мной и принимается копать землю. Можно начинать и с этого!

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

В № 8 «Уральского следопыта» опубликована подборка писем наших читателей о конкретных адресах учебных заведений, где можно получить ту или иную профессию. Естественно, сегодня отвечаем на вопросы тех, кто интересуется сельскими специальностями, работой на селе.

«Дорогая редакция! Я живу в Средней Азии, а точнее — в Ташкенте. Работую на счетной машине. А тянет на природу, хочется простора. В Средней Азии ведутся обширные работы по обводнению пустынь, орошению. Наверное, сельскому хозяйству нужны мелиораторы. Где научиться этой специальности?»

Диляра БЕКИРОВА.»

Вообще, Узбекская ССР богата учебными заведениями по интересующей тебя, Диляра, профессии. Одних гидромелиоративных техникумов шесть — в Ташкенте, Нукусе, Андижане, поселке Кумаркан Сурхандарьинской области, городе Ургенче. Вот адрес Ташкентского гидромелиоративного техникума имени В. А. Былбаса: Луначарское шоссе, Кольский переулок, дом 1.

«Здравствуйте, «Уральский следопыт»! Меня интересует профессия пчеловода. Но сомневаюсь, что в наших не очень лесистых местах и разводят пчел и учат этой специальности.»

Анатолий ДЕНИСОВ,
г. Бийск.»

Как раз напрасно сомневался, Анатолий. Учат пчеловодческой профессии на Алтае. Этим занимается Горно-Алтайский зооветеринарный техникум (г. Горно-Алтайск, Коммунистический проспект, 50). Специальность — пчеловодство.

«Уважаемая редакция! Часто читаю, что в стране строится много животноводческих комплексов. Это же почти целье предприятия со сложной современной техникой. Вот где поработать! Я живу в Рязанской области — подскажите, куда обратиться.»

Виктор ВЕТРОВ.»

То, что ты ищешь, Виктор, есть и в твоей родной области. Очень

интересно в этом отношении Костинское среднее сельское профессионально-техническое училище № 9. Здесь готовят мастеров животноводства 2-го класса, плодоовощеводов, мастеров цветоводов-декораторов. Те, кто получил специальность мастера животноводства, могут работать на комплексах по производству молока, бригадирами, заведующими фермами, лаборантами, мастерами машинного доения.

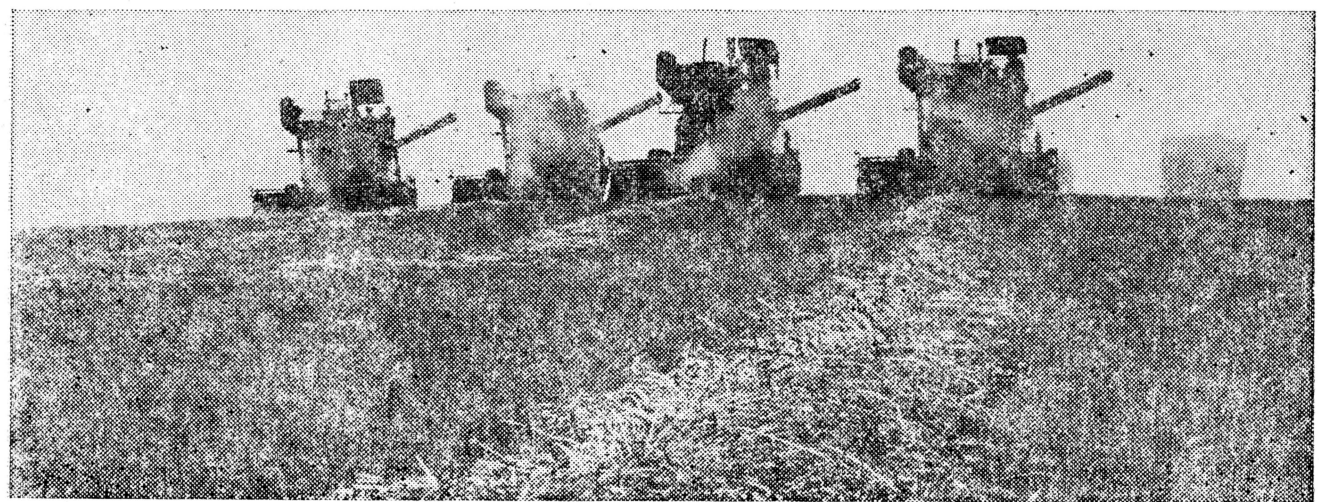
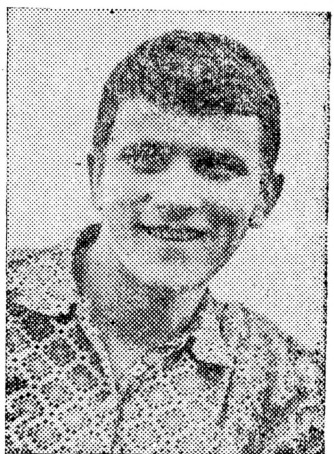
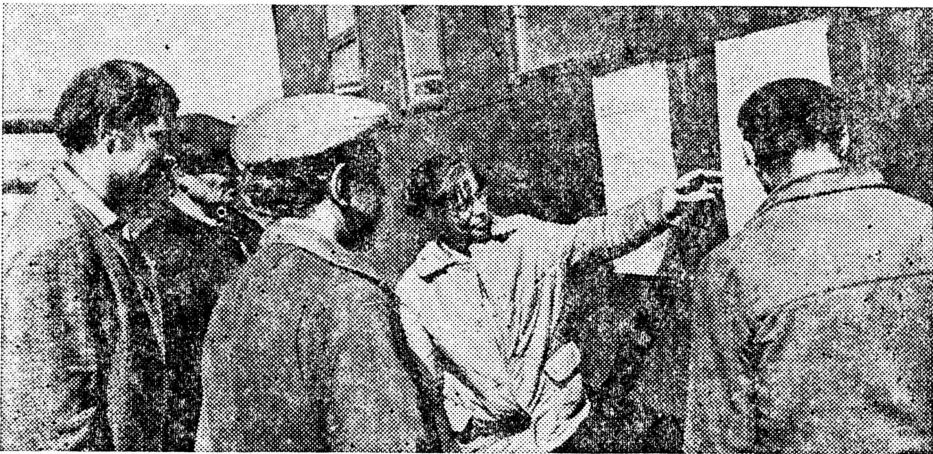
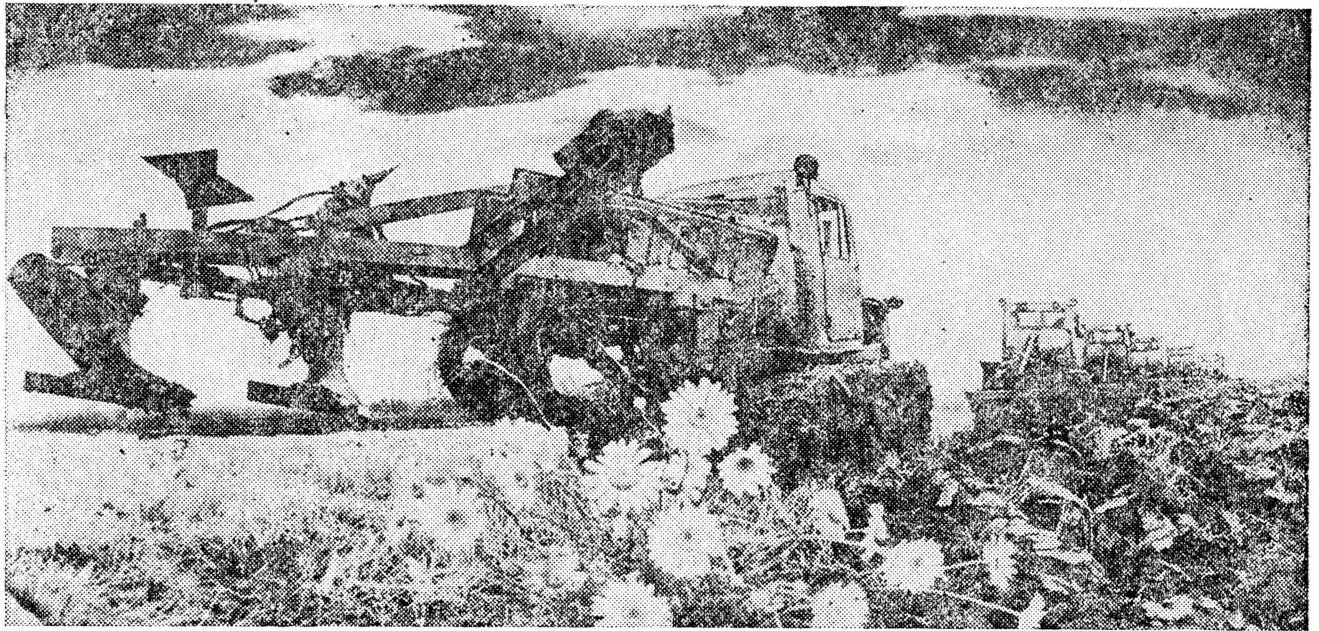
Адрес училища: п/о Костино Рязанской области, Рыбниковского района.

«У меня серьезный вопрос: а вдруг я ошибусь в выборе профессии? Ну, скажем, наскучит профессия сельского механизатора, о которой я сейчас думаю? Переучиваться? Это же трагедия... Подскажи мне, «Уральский следопыт», сколько профессий в стране и можно ли будет сменить одну на другую?»

Петр ВЕШТЕМОВ,
г. Барнаул.»

В нашей стране 6500 училищ системы профтехобразования предлагают 1300 профессий. Выбирай любую! Да, бывает, что профессия со временем перестает удовлетворять. Вспомним: выдающийся физик И. В. Курчатов готовился стать кораблестроителем, а микробиолог Пастер сначала увлекался кристаллографией. А вот выдержка из свода международных прогнозов «Мир в 2000 году»: «К этому времени мобильность в профессии достигнет такой степени, что каждый работающий будет готов в течение жизни сменить профессию по меньшей мере трижды». Как видишь, Петр, смена профессии — вовсе не трагедия, а назревающее правило. К тому же, доля квалифицированных рабочих возрастет в ближайшее время в сельском хозяйстве до 80 процентов. Очевидно, что совсем неплохо иметь несколько профессий. Пригодится в жизни!

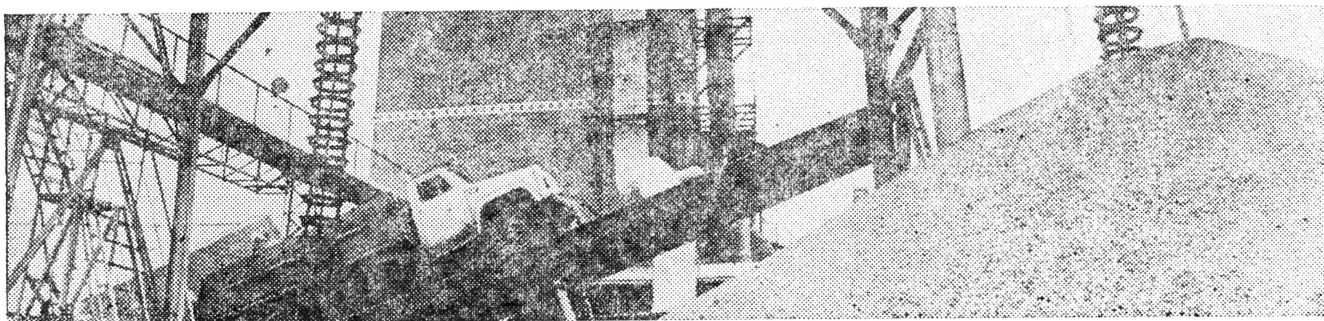

Город — селу

Земля и плуг. Хлеб и комбайн. Серп и молот... И на деле, и в самом высоком нашем символе село и город неразрывны. Посмотрите эти снимки. Вот мощные тракторы пашут трудные земли пермского нечерноземья, вот ладный строй комбайнов берет хлеб оренбургских степей, вот вышли сеялки на осушенные земли Тюмени... И технику шлет город. Шлет, потому как немислимо без мощной техники обработать миллионы гектаров пашни, обиходить многотысячные стада... Сельское хозяйство страны прочно становится на индустриальные рельсы, а это еще и означает ко всему прочему, что урожай крестьянского поля все меньше будет зависеть от капризов природы...

Но даже самая совершенная техника умеет не все, что требует труд на земле. Очень нужны и прилежные, терпеливые руки. И здесь горожане — помощники. Умеют они трудиться. И поет в их руках коса — пусть не так звонко и ладно, как у коренных сельчан, но верно! Веселее работать юному уральскому механизатору из совхоза имени Ворошилова Свердловской области Юре Коровину с городскими помощниками (снимок в центре).

Фоторепортаж
Юрия Райдугина

ТЕРТЫМ РЕМЕНЬ НЕ ЖМЕТ

**Александр
ПОЗДНЯКОВ**

*Рисунки
С. Сухова*

Отец запомнился строгим и честным. Вот к его комбайну на легковой машине подъехало начальство. Отец остановил самоходку, спустился с высокого мостика на щетинистую землю. Приезжие уважительно пожали руку отцу, коротко спросили о делах и, наверное, скорее по привычке, чем по необходимости, шагнули к свежей куче соломы проверить качество вымолота. Один из них взял сверху пучок и стал прощупывать легкие пустые колосья.

Тогда отец, широко расставив ноги, пожалуй, даже бесцеремонно отодвинул проверяющего чуть в сторону, согнулся и раскидал копну до самой земли. Там открылся ворошок серой соломы. Отец выпрямился с горстью ее и сказал:

— Уж если где искать потери, так в мякине.

И сдул ее, пересыпая с правой руки в левую. На большую широкую ладонь упало единственное щупленькое зернышко — неизбежный отход.

Получалось, что проверяемый учил проверяющих, как надо вести контроль.

Начальство уехало, и Вася опять взобрался на комбайн к отцу и, цепко держась за железные поручни, стал смотреть вокруг. С мостика машины видно далеко.

День был пасмурный, но не серый, как при низкой сплошной слоистой облачности. День был скорее синим, потому что кучевые, занявшие все небо облака роились высоко над землей, и оставалось еще много простора для света. Где-то далеко-далеко, за березовыми лесочками, вдруг открылась ослепительно желтая полоса, как будто совсем другая земля, и в том ярком золоте узналась родная деревня. Вася перевел взгляд на небо и понял, почему это так. Сквозь облака на горизонт опустился сноп солнечных лучей и как бы вызолотил остров на хлебном просторе.

Между тем комбайн ходил и ходил от края до края большого пшеничного поля, подбирая валки. Медленное, размеренное движение машины порою почти совсем прекращалось, но не прекращался шум молотилки и не переставал крутиться игольный вал подборщика. В таких вот местах слабого, узкого или просевшего через стерню валка отец, чувствовалось, напрягался до предела. Ему надо было во что бы то ни стало подобрать хлеб до последнего стебля, до последнего колоса. А Васе вдруг стало совсем любопытно. Комбайн походил на живое существо, копающееся в валке. И вспомнился Полкан дяди Сергея. Дядя — кукурузовод. Бывалый, а теперь можно сказать и бывший, охотник. Стрелять теперь почти не в кого, и ружье давно запылилось. Полкану — собаке охотничьей породы — тоже стало скучно, но он неожиданно обрел за-

нятие на пашне. Кукурузоводы высезают зерно с помощью мерной проволоки, это не простое дело, нужно обязательно разместить гнезда с семенами так, чтобы получились квадраты. Приходится часто сходить с трактора, искать в земле, а так ли легло зерно? Полкан подглядел и теперь выслуживается. Не успеет остановиться трактор, собака мигом за сеялку и разгребет передними лапами почву точно там, где и нужно. Смотри, хозяин, три, а то и четыре восково-белых зерна на дне черной влажной бороздки.

Вот и комбайн в момент остановки гребет и гребет валок, пофыркивает будто живое существо...

На другую весну отец помог Васе отремонтировать «ничейный» комбайн и разрешил работать уже без опеки. А раз разрешил отец, то не стал возражать бригадир. Взрослые, как водится, принимали обязательства. Юный комсомолец тоже не смолчал, взял да и объявил, что скосит хлеба на семистах гектарах. Мужчины не то чтобы сконфузились или обиделись, нет, они покашливанием, покрыванием, пошаркиванием ног под скамейкой как бы хотели сгладить чужую неловкость, неловкость Михаила Васильевича, необдуманность его сына. Ведь сам-то идет на обмолот, то есть на подбор валков, а сыну косить, значит, работа в разных местах, как же с ответственностью? Вася, однако, смелого слова обратно не взял.

Тут мы сделаем маленькое отступление в историю комбайна. Его придумали, чтобы сразу и косить и молотить. Так поначалу и было, и продолжается теперь, но при исключительных обстоятельствах. Чаше же прибегают к раздельной уборке. Сначала срезают подчас незрелые стебли, укладывая их в валок, а потом через неделю подбирают, обмолачивают. Машина делает два захода.

Самое главное при этом то, что удастся избежать зеленой примеси сорняков. Лежа в валках, колос дозреет, а всякий живой мусор высохнет. В барабане он легко крошится и отвеивается в солому. В бункер же идет чистое сухое зерно. В ворохе на складе оно хранится сколько угодно, не то что с зеленой примесью, когда хлеб, как говорят, загорается. Не натуральным, конечно, пламенем, просто он истлевает от повышенной температуры и влажности.

По явно ошибочному предубеждению первую фазу уборки — косьбу — часто поручают молодым и неопытным. Расчет, казалось бы, очевидный. Первая фаза, мол, не последняя, хлеб еще не берется окончательно, возможные потери не явственные. Вот на подборе-де сложно.

Вася знал о таком мнении, но принимал его, похоже, по иной мерке. Чисто технической. Что тут при косовице? Шум лишь спереди. Работают двигатель, колеса да жатка. Весь же остальной корпус машины безмолвен. А ведь интересно, когда в согласном действии грохочет все, от сверкающих цепей по бокам до шамкающего соломотряса сзади. Тут же ничего особенного, наблюдай лишь за формированием валка да соблюдай ширину захвата. Стрекошет длинный прямой серп, мерно бежит белое полотно жатки с ворохом золотых стрел пшеницы, и остается бесконечный, аккуратно растянутый сноп на свежем живье.

Только не стал в дальнейшем на Васином пути валок

гладким и выпуклым, с колосьями по одному краю, как причесанный чуб. Вздрыбился валок, встопорчился, колосья уже не один к одному, а вростопырку. То копешка, то ниточка жалких стеблей. Попался на Васином пути сорный участок, вот и заупрямился грубый, темный осот, буйствует и колошматит заодно с собой и пшеницу.

А в другом месте еще похуже. Пшеница кошмой легла, пластом настоящим. На самый низкий срез настроил жатку, все равно не берет серп, кочки земли срезают, а хлеб — наполовину... Пришлось косить только с одной стороны, только в том направлении, когда серп ныряет под колос. Морока, не уборка. И не оглядывался

бы. Стерня, как и валок, вся растрепанная, похожая на кочковатое болото, неровная по высоте, рваная и неряшливая. Будто худой парикмахер обнарнал голову человека тупыми ножницами.

Как ни бился парнишка — нет красоты. Понял: все как под гребенку не взять. И уж старался в одном, чтобы не было сади ни одного несрезанного колоса. Это закон отца. И старался еще, чтобы валок получился все-таки сходным.

Первого сентября торжественная школьная линейка открылась не в полном составе. Существой по такому случаю переключки, правофланговый бы отчеканил:

— Десятиклассник Василий Игнатов находится на боевом посту в поле, завершает выполнение социалистического обязательства.

Да, он доказивал урожай на последнем десятке гектаров в счет седьмой своей сотни. Никто на линейке объявления не сделал, но все знали, что и к чему. О Василиных успехах не раз писалось в газетах.

В жаркий день бабьего лета собрались у Игнатовых гости. Родственники и просто знакомые. Прошли в горницу, видят, возле стенки на спинках стульев нарядные пиджаки мужчин, хозяев дома. Пиджачек сына даже чуток впереди отцовского орденосного. Наверное, мать так поставила. И на нем, на лацкане, знак комсомольской славы «Золотой колос». Точь-в-точь как на памятном собрании последовал шумовой эффект: запокашливали, запокрывали, запошаркивали подошвами по полу гости, но теперь с противоположным значением.

— Сколько же ты, Вася, на свал свалил? — раздался вопрос.

— Что за выражение? — возмутился кто-то другой. — «На сва-ал!» Вот и в обязательствах пишем: «Свалить на свал». Выходит, лишь бы на корню не торчал! Сбросить абы как. Не согласен! Ибо потом мучаемся. Не можем чисто поднять с земли. О Васе не скажешь, что он свалил.

Скосил — другое дело. Уложил честь по чести. Гордись, Михаил Васильевич, сам я убедился.

— Ты полегче, друг, в выражениях. Вскружишь кое-кому голову, — неодобрительно заметил отец:

...Потом была поездка в райком партии. Васю встретил первый секретарь Г. И. Чайковский.

— С чем пожаловал?

— Да... как бы это... это самое...

— Не узнаю. Ты, парень, вообще не робкого десятка.

— Мотоцикл бы купить...

— Это как? В порядке льготной продажи? В виде поощрения?

Мнет Василий руки на коленях.

— Но у отца же есть? Или и тебе уже надо?

— Нам одного хватит.

— Тогда не понимаю.

— Попросили другие, — признался Игнатов, спустив глаза.

— Наседают, значит. На чужой славе хотят привилегиями воспользоваться.

Густо покраснел посетитель.

— Добрым быть хорошо. Если не в ущерб принципиальности, — заметил секретарь райкома.

— Извините.

— Пожалуйста. Это тебе урок.

Уже учась в сельхозтехникуме, Василий на летних каникулах занял первое место в соревнованиях молодых комбайнеров области и по экскурсионной путевке ездил в Москву. Был на приеме у космонавта Шаталова, фотографию опубликовали в газетах.

Василий сейчас дослуживает свой срок в армии. По сведениям, и новая жизнь у него не в перекося, а даже по интересу. Тертым-то ведь ремень не жмет.

*с. Ново-Ильинка
Курганской области.*

ДОЯРКА

Мария
ПОПОВА

☉ Однажды пришлось подменить на ферме сестру. Собиралась, как на свидание. Слышала, что животные привыкают не только к голосу хозяйки, но узнают и по внешнему виду. Одежда сестрины халат, косынку. Зашуршала в ведре пена — теплая, белая, воздушная. Но скоро исчез куда-то веселый звон молока о подойник, все медленнее убывали в загоне нелоденные еще коровы...

Назавтра болели руки, не разгибалась спина.

Но неизменно приходила и приятная минута: все вместе сносили полные фляги в вырытую на дне студеного ключа яму. Радость это...

Как я понимала тех девочек-доярок, когда познакомилась с комсомольско-молодежным звеном с Алеурской фермы в Читинской области. Советую поехать именно туда, в районном управлении сельского хозяйства говорили: «Удивительно: самые плохие в районе условия для работы и самые высокие показатели. Исключительно добросовестный коллектив». Вот он, этот коллектив: группкомсорг Валерий Бумажкин, звеньевая Катя Ташлыкова, телятница Таня Маркова, скотник Михаил Ташлыков, доярки Светлана Баранова, Нина Мальцева, Александра Харина, Валя Эпова, Лариса Иочетыгова. И втолковывали мне: «Нам интересно, радостно работать, понимаете?»

Я понимала, конечно... Но кроме задора и воля нужна — я тоже понимала. Посудите сами: условия на Алеуре неважные — ферма старая, доят вручную по двадцать коров два раза в день. Подъем — в пять утра... Но сказали ребята: «Будем держаться...» И держатся!

Да, целые классы остаются работать в колхозах. И это — большая сила. А доярки, ох, как нужны селу! Приведу несколько цифр: в 1978 году по стране «выпито» только от общественного животноводства 93 миллиарда литров молока. У нас 8 миллионов доярок, значительно больше, чем к примеру, шоферов.

Считается, что вроде бы доярке и знать ничего не надо. Дои да дои... Но нынешней доярке хорошие знания просто необходимы. Доярка — это и зоотехник и ветеринар, агроном и кормозаготовитель. Ведь надо знать, как и какие готовить корма,

чтоб получить больше молока и лучшего качества. Доярка — это, если хотите, психолог. Конечно, «молоко у коровы на языке», но подойди к животному с грубым окриком, не вовремя покорми, подои, и потеряются сразу драгоценные килограммы. В масштабе страны — миллионы тонн. Но профессии доярки до сих пор, к сожалению, нигде не учат. С давних пор единственной формой передачи мастерства является наставничество... А работать в животноводстве становится легче и интересней, чем, допустим, десять лет назад. Потому что больше техники. Увеличиваются фермы, приближаются к городам. К примеру, до молочного комплекса совхоза «Орджоникидзевский» можно доехать за 20—30 минут. А какие там места! Озеро, сосновый бор. На работу людей возят на автобусе, специально выделенном. Заработная плата на МТФ — 184 рубля (в среднем, например, по Свердловской области). И таких комплексов по стране очень много.

Дело не только в материальном поощрении. Доярка — одна из самых престижных профессий. Возьмем свежайший пример: по итогам 1978 года десять доярок отмечены премиями Ленинского комсомола. Известнейший педагог В. А. Сухомлинский говорил: «Далеко не каждый станет ученым, писателем, артистом, далеко не каждому суждено открыть порок, но поэтом, художником в своем труде должен стать каждый».

Заметку я назвала «Доярка», хотя и сомнение берет — сохранится ли это название профессии впредь. Много парней идет на фермы — в Свердловской области, например, уже сейчас на восемь тысяч доярок — тысяча дояров. Посмотрим, чья возьмет...

Село кормит страну

Ты решил остаться в родном селе, посвятить жизнь труду на земле. Может быть, ты, горожанин, насмелился (и мы приветствуем!) предпочесть сельские просторы городским удобствам. Почему бы не быть и такому! Но встает законный вопрос: «Чему и как будет обучен человек, решивший стать специалистом сельского хозяйства?»

На него и отвечает нештатный корреспондент «Уральского следопыта» писатель Лев Бураков беседой с начальником Оренбургского областного управления профтехобразования С. Н. Анциферовым.

Вопрос: Хотелось бы сначала услышать, как в целом поставлено обучение будущих сельских рабочих?

Ответ: Я бы подчеркнул слова «профессиональное обучение», ибо сегодня на селе без специальности делать нечего. Крестьянский труд требует солидных знаний и не случайно сеть профтехучилищ все расширяется, база их крепнет.

В нашей области действуют 67 училищ, из них — 19 сельских и 17 строительных. Согласитесь, что цифра — 130 профессий, которые мы даем сейчас молодежи, — внушительна. Всего в училищах обучается более тридцати тысяч учащихся.

Вопрос: Сельская профессия — это знания плюс практика и еще раз практика... Как с материальной базой?

Ответ: К услугам учащихся около двухсот учебных кабинетов, 28 учебных, хорошо оснащенных современным оборудованием мастерских, 713 тракторов, 292 комбайна и около пяти тысяч различных других сельскохозяйственных машин. За учащимися закреплено более десяти тысяч гектаров пахотных земель. И, во-вторых, наши учащиеся работают и на практике и в каникулы самостоятельно в хозяйствах сеют, пашут, убирают хлеб наравне со старшими товарищами. О качестве обучения свидетельствует хотя бы такой факт: Бугурусланское СПТУ № 3 за высокие достижения в подготовке сельских кадров награждено дипломом и премией ВЦСПС.

За всеми сельскими училищами закреплены городские профтехучилища. Кроме того, есть еще, так

сказать, базовая организация — тот или иной колхоз или совхоз. Так, на целине Адамовский райсовет народных депутатов принял недавно решение: за счет средств совхозов района в СПТУ № 22 построить еще 12 кабинетов и 16-квартирный дом для инженерно-педагогических работников. Строятся также на средства шедов общежития для учащихся в Адамовке и Соль-Илецке. Всего за прошедшее пятилетие на развитие базы сельских профтехучилищ в области было освоено 9 миллионов рублей. В строительстве объектов, в воспитании молодежи во всех вопросах подготовки кадров селу большую роль играют и наши выпускники, одни из первых героев целины, знатные механизаторы.

Вопрос: Не можете ли назвать некоторых из них?

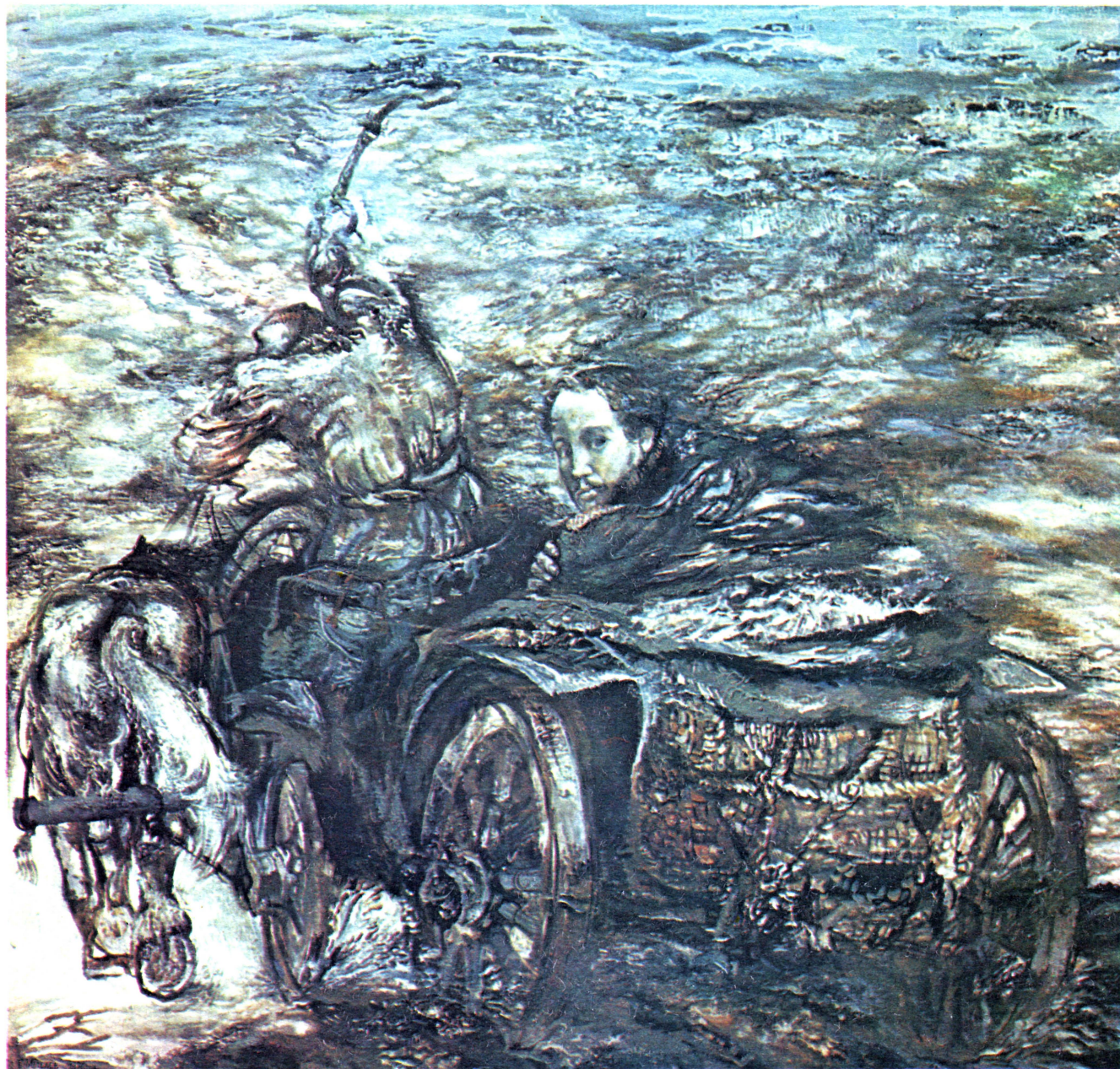
Ответ: Что может быть приятнее! Записывайте. Выпускник Акбулакского СПТУ Иван Никитович Шелкоусов в числе первых отличившихся на целине был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Воспитанник Адамовского сельского училища Василий Григорьевич Задойный проложил в совхозе «Аниховский» первую борозду, он также за свой труд отмечен званием Героя. Далеко за пределами области известен знатный комбайнер совхоза «Советская Россия» депутат Верховного Совета СССР Николай Васильевич Ширшов, окончивший в свое время Адамовское СПТУ. В 1978 году его звено из трех комбайнов намолотило 36 640 центнеров хлеба. Добавляю, что только за последние два года наши учащиеся в колхозах и совхозах

вспахали поле в 210 гектаров, засеяли 727 тысяч гектаров и убрали хлеба более чем на шестистах тысячах гектарах... И каждый хорошо заработал. Зрим пример, зрима и отдача. **Вопрос:** Весомый вклад. Но это в основном работа будущих механизаторов-ребят. А как с профессиональной подготовкой девушек?

Ответ: Это проблема острая. Действительно, сегодня многие ребята, имея профессию тракториста, комбайнера, строителя, охотно остаются жить и работать на селе. А вот девушки порой после школы уходят в город. Тут также сказывается чисто психологическое, я бы сказал, устаревшее название профессий. Как не хочется, чтобы в трудовой книжке юной девушки писали: «скотница» или «уборщица навоза». По инициативе некоторых передовых хозяйств области у нас сейчас введены новые названия профессий по животноводству, скажем, вместо скотника — «животновод» или «оператор». Но дело не только в названиях. С механизацией животноводческих процессов характер труда на фермах изменился. Соответственно ему также расширяем в училищах подготовку мастеров животноводства, что дает возможность девушкам овладеть этими новыми профессиями. Все большим вниманием пользуются специальности, по которым мы сейчас развернули обучение: мастер-овощевод, пчеловод, птицевод, младший ветфельдшер, штукатур и др. Правда, и среди механизаторов все чаще встречаются сейчас девушки. А получение в училище одновременно с профессией еще и среднего образования становится все более притягательным для молодежи. **Вопрос:** В училища, значит, идут охотно?

Ответ: Да. К примеру, в прошлом году план приема в сельские училища перевыполнен. Мнение, что сельские профессии непопулярны, устаревает не по дням, а по часам. В связи с этим мне хотелось бы напомнить слова Л. И. Брежнева, сказанные им с трибуны XVII съезда ВЛКСМ: «Наше время — век грандиозной научно-технической революции. Она охватывает все стороны жизни общества, предъявляет большие требования к каждому человеку, его знаниям, профессиональной подготовке. Это особенно должно волновать молодое поколение, на которое завтра лягут все заботы о дальнейшем умножении материальных и духовных сил нашего государства». Многие главные и острые государственные проблемы решаются на селе — сегодняшний подросток должен понять это четко. Село кормит страну.

Г. МЕТЕЛЕВ. «Лермонтов. 1841-й».

Репродукция А. Нагибина

Михаил Лермонтов

Кому воздать? С кого мы взыщем
тут, у забвенья на краю?
Я в Пятигорске на кладбище,
сняв шапку, медленно стою.

Ах, я-то знаю, что поэта,
внушавшего любовь и страх,
давно в могиле этой нету,
лишь крест печальный в головах.

Над опустевшею могилой
остался только навсегда
тот крест, которым осенила
Россия вся себя тогда.

Его без пастырского слова,
как будто пасынка земли,
на лошадях в гробу свинцовом
сквозь пол-России провезли.

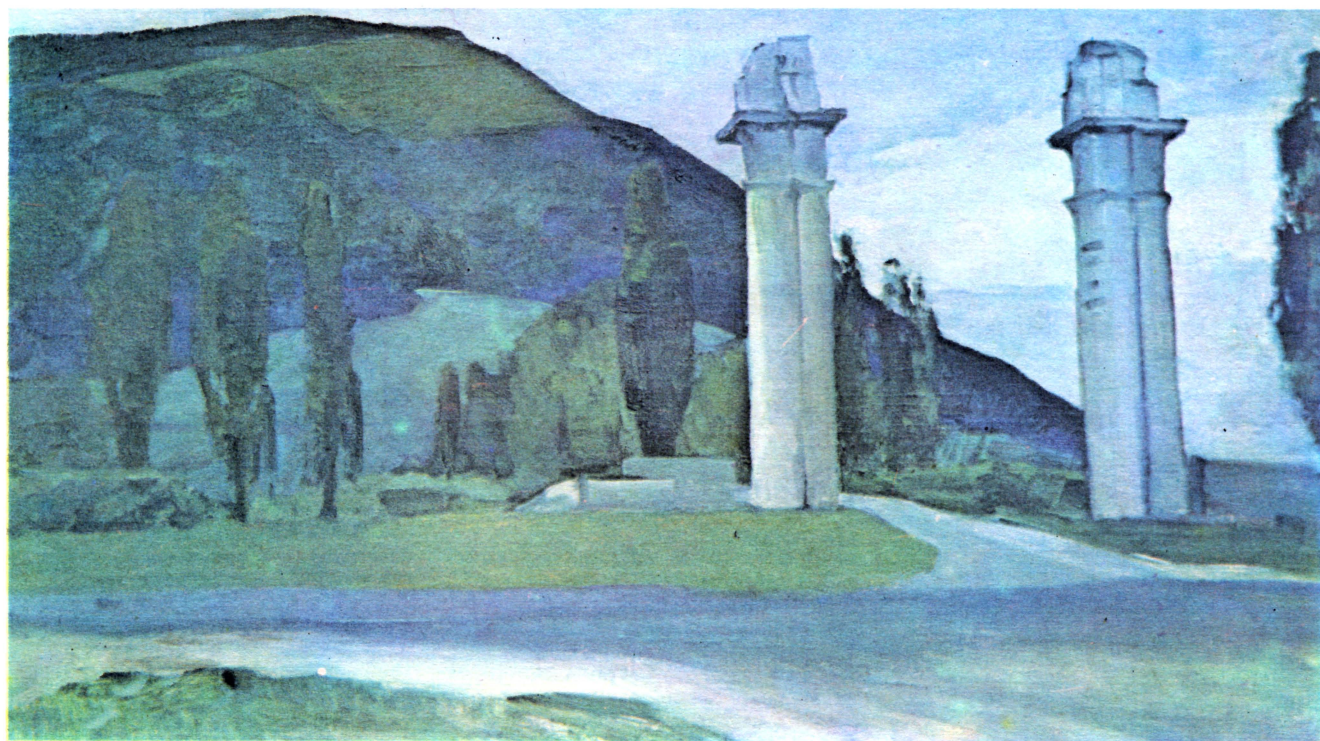
Он был источник дерзновенный
с чистейшим привкусом беды,
необходимый для вселенной
глоток живительной воды.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Дорога на Машук. Октябрь

Дорога к месту дуэли
М. Ю. Лермонтова

ЛЕРМОНТОВСКИЕ МЕСТА. ПЯТИГОРСК.

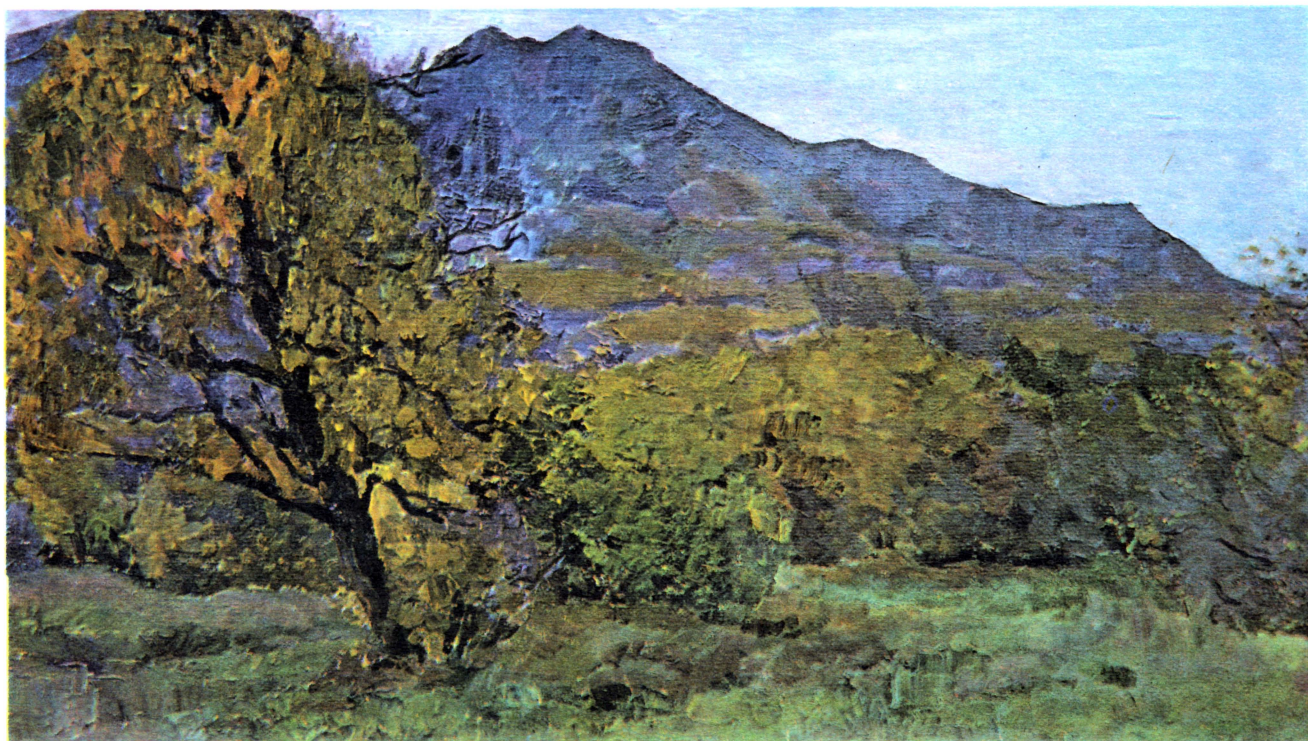
Картины В. МАМОНТОВА

Репродукции
П. Евладова

Последний приют
поэта

Осень на склонах
Машука

ΑΡΧΙΣΤΡΑΤΗΓΙΣΣΑ
ΚΑΡΑΪΣΚΑ
ΣΤΗΝ ΕΠΙΣΤΑΣΗ

БРЮЛЛОВСКАЯ 'АВРОРА'

**Игорь
ШАКИНКО**

*Оформление
З. Баженовой*

Он

висит в одном из залов Тагильского краеведческого музея. И когда экскурсовод обращает на него внимание — «Это портрет Авроры Карловны Демидовой, принадлежащий кисти Карла Брюллова!» — то обычно вызывает восхищение посетителей. Хотя вроде бы портрет как портрет, далеко не самый знаменитый «Великого Карла». Тем более что рядом — в этом же музейном зале — произведения других известных живописцев и ваятелей: Федота Шубина, Антонио Кановы, Корреджо, Морелли, Гроота...

И все-таки брюлловская «Аврора» возбуждает особый интерес. Почти у каждого, кто впервые видит портрет и что-то узнает о изображенной на нем женщине, возникает ощущение тайны. Загадочна, окружена дымкой таинственности сама Аврора. Неясны многие обстоятельства рождения полотна и его приключений до появления в музейной экспозиции. Спорен и образ женщины, созданный художником.

Эти странные, широко раскрытые глаза. Их выражение неопределенно и многозначно. Иногда кажется, что они не выражают ничего, то в них чудится глубоко спряятанный трагизм, то спокойное равнодушие. В устах только угадывается полунамеки на улыбку, смысл которой тоже непонятен. Что хотел сказать художник? Мадонну или Венеру мы видим на портрете?

Как известно, портрет — таинственный сплав того, кто изображен, и того, кто изображает. Говорят даже, что почти любой портрет — это одновременно и автопортрет. Портрет как бы перекресток, где встретились два разных человека.

Наверное, не является исключением и портрет А. К. Демидовой, написанный виртуозной кистью Брюллова. Здесь тоже была встреча двух людей. Какая же? И кто они, эти встретившиеся люди?

Но прежде чем выйти на перекресток, где родился живописный образ знаменитой красавицы, следует пройти жизненными дорогами Авроры Карловны Шернваль-Демидовой-Карамзиной и Карла Павловича Брюллова. Ведь все, что принадлежит кисти Брюллова, достойно внимания.

Р

едкую красоту этой женщины еще современники называли роковой. Потомкам же Аврора начинает казаться уже злой колдуньей, которая испытывает свои губительные чары на всех, кто встречается ей на пути.

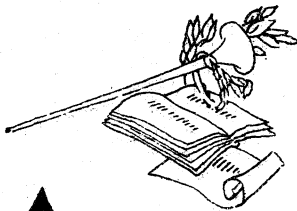
Перед свадьбой умирает ее жених Александр Муханов. (Иногда биографы «убивают» и первого жениха Авроры Шернваль — Карла Маннергейма). После сравнительно короткой супружеской жизни смерть

уносит двух ее мужей — П. Н. Демидова и А. Н. Карамзина. Аврора Карловна пережила не только отца, мать и отчима, но также двух младших сестер и брата, своего единственного сына и его двух жен, прожив сама на белом свете девяносто четыре года.

Чем далее в прошлое отодвигалась реальная жизнь этой женщины, тем более зловещие оттенки приобретали воспоминания о ней и поэтические толкования ее образа. Брюллов же писал портрет после смерти первого избранника. Это было воспринято как несчастная случайность, тогда молва о смертоносных чарах красавицы еще не возникла.

Однако ведь бывает, что «колдовской» взгляд художника с особой пронизательностью может заглядывать в будущее человека...

Авроре Карловне, — и Шернваль, и Демидовой, и Карамзиной — повезло необычайно. Красотой ее восхищались, перед нею преклонялись, ее боготворили. Больше того, красота этой женщины не исчезла бесследно — она воспета и увековечена поэтами и художниками.

До появления в балльных залах и аристократических салонах Петербурга и Москвы она жила в Финляндии, хотя по национальности ее считают шведкой. Родилась она в 1808 году, за год до того, как Финляндия перешла от Швеции к России. Отец ее служил Выборгским губернатором, он умер, когда Авроре было всего семь лет.

Благодаря положению отчима, барона фон Валлена, который стал в Финляндии сенатором и вообще значительной персоной, Шернвали относились к высшим кругам тамошнего общества. Шестнадцати лет, как и положено, Аврора начала выезжать в свет. В те времена на гельсингфорских балах царила огненная красавица графиня Закревская — молодая жена финляндского генерал-губернатора. Медная Венера, как называл графиню влюбленный в нее Пушкин, победоносно шла по мужским сердцам. Но вот появились сестры Шернваль — Аврора и Эмилия, — и своей юной красотой затмили блеск Закревской. Все молодые русские офицеры, которых было немало в Финляндии, оказались у их

ног. В гельсингфорских гостиниых звучали стихи Евгения Баратынского, посвященные «Авроре Ш...»:

Выдь, дохни нам упоением,
Соименница зари;
Всех румяным появляем
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит с милою тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

И потом, уже в Петербурге и Москве, Аврорину красоту заметили и восторженно оценили и опозитизировали многие другие. Князь Петр Андреевич Вяземский писал в сентябре 1832 года Александру Тургеньеву:

«Вот тебе и наш романс с Виельгорским. Здесь проезжала финляндская красавица, Аврора, воспетая и Баратынским. Дурная погода и хорошенькое лицо ее, а к тому же имя, которое ей по шерсти, так в рот и влагали стихи. Заставь их пропеть кого-нибудь. Музыка очень мила».

И вскоре во многих светских гостиниых пели и танцевали романс-мазурку:

Нам сияет Аврора,
В солнце нужды нам нет:
Для души и для взора
Есть и пламень и свет...

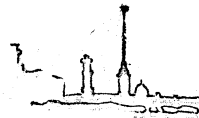
Кроме Брюллова Аврору Карловну писали и другие живописцы. Не так давно Тагильский музей получил из Финляндии репродукции двух ее портретов. Вместе с сестрой Эмилией она запечатлена рядом с А. С. Пушкиным на рисунке Григория Гагарина. Облик прославленной красавицы остался на акварели В. Гау.

Непонятно: когда от словесных восторгов о красоте Авроры Карловны обратишься к брюлловскому портрету, то он несколько разочаровывает. Нет, конечно, на портрете — красивая женщина, благородно-красивая. И все-таки после свидетельств современников ждешь какую-то необыкновенную, исключительную красоту. Или все дело в том, что у каждого времени свои красавицы? Или есть другие причины этого?

А может, дело в том, что природная красота Авроры как бы вставлена для нас в драгоценную оправу — поклонение таких поэтов из пушкинского созвездия, как Евгений Баратынский и Петр Вяземский, Василий Жуковский и Федор Тютчев?

Для светских же людей в оценке женской красоты не менее, а для многих и более важным, было и другое — мнение императора и императрицы...

Но здесь придется остановиться на светской биографии Авроры Карловны.

К

ак это ни парадоксально, с замужеством блестящей красавице долго не везло. Романтическая любовь к молодому офицеру — адъютанту финляндского генерал-губернатора Александру Муханову почему-то не кончилась свадьбой. Затем двадцатилетнюю Аврору сватал ее кузен граф Карл Маннергейм. И здесь не дошло до женитьбы. Судя по всему, Аврора не торопилась с выбором жениха и с достоинством ждала будущего супруга. Однако и задуматься ей было о чем: сестры Шернваль отнюдь не были выгодными невестами и по понятиям их круга считались бесприданницами. Недаром Сергей Соболевский писал в эпиграмме:

Сияет Аврора, свежа и
румяна,
В ней много для взора и шиш
для кармана.

Но вот в 1830 году Гельсингфорс посетил император Николай. На пышном приеме Аврора замечена и даже получила титул фрейлины. Правда, титул еще не придворная должность, дающая положение при дворе и хорошее жалованье, а только надежда на нее. Эта надежда скорее может стать явью там, в Петербурге, вблизи императорского двора и высшего света. И Аврора Шернваль едет в столицу.

Высший свет в Петербурге — это каста, куда неохотно принимают посторонних. Провинциалке же и попасть туда непросто, а еще труднее утвердиться там. Ей не простят ни неловкости в манерах, ни запинки в французском произношении. Авроре помогли столичные связи отчима, а еще больше — муж Эмилии, граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, для которого теперь снова были открыты двери столичных и московских гостиниых и салонов.

Граф — странный и не совсем понятный Авроре человек. Но он любит свою жену и очень добр. В семье Шернвалей и Валленов поначалу боялись этого брака. Ведь граф, тогда гвардейский капитан, состоял в тайном обществе, хотя в декабрьских событиях не участвовал — случилось уехать по делам в Могилев. Там и был арестован, доставлен в Петербург, шесть месяцев содержался в Петропавловской крепости, затем его сослали в Петровский нехотный полк, стоявший в Гельсингфорсе. Здесь в мае 1828 года и состоялась свадьба.

Вскоре Владимира Алексеевича перевели на Кавказ, в действующую армию. По дороге он встретился с Александром Пушкиным, с которым был давно знаком и который «сердечно ему обрадовался». Поэт пересел в коляску графа, и они вместе доехали до Тифлиса. На Кавказе Мусин-Пушкин отличился в сражениях, получил два ордена и в 1831 году добился отставки. Ему разрешили жить в Петербурге и Москве, однако тайного надзора так и не сняли.

С этого времени Аврора на много лет стала как бы членом семьи Мусиных-Пушкиных, подолгу жила в их домах то в Петербурге, то в Москве, лишь изредка выезжая в родную Финляндию.

Сестры ценили в самый круговорот столичной жизни и закружились в светском вихре.

Сестер приняли сразу. Главным пропуском в свет стала, пожалуй, красота их. Каждая была хороша до-своему.

Белокожая, «белее, чем лилия», как заметил Михаил Лермонтов, Эмилия с синими глазами, в которых тот же Лермонтов увидел «небо Италии», и, какой прелестный контраст, черными бровями была очаровательно жива и беспечно весела. А темноволосая и смуглая Аврора, с красотой строгой и пластичной, всегда приветлива и полна спокойного достоинства. К тому же, у обеих сестер было какое-то особое обаяние и искренняя сердечность.

Главное занятие женщин в свете — очаровывать — они осуществили блестяще.

В июле 1832 года Аврору Шернваль официально представили императору и императрице.

«Когда появился император с императрицей, все словно растворилось в покорном поклоне. Царь медленно шел своей особой походкой — он носил специальный корсет, который стеснял движения, но зато придавал походке и фигуре внушительность, делая его похожим на изваяние».

У Авроры подкосились ноги, когда она посмотрела в выпуклые глаза подошедшего императора. Взгляд их, как всегда, был строг, и от этого взгляда становилось плохо даже боевым офицерам. Но губы царя улыбались и произнесли какой-то комплимент... Низкий голос императрицы был мягок.

Аврору поздравляли с успехом, даже опытные царедворцы теперь открыто восхищались ее красотой.

Однако время шло, а, несмотря на прятливую благосклонность императорской четы, Аврора так и не получила должности придворной фрейлины. Старый друг отца генерал Ребиндер ждал удобного случая поговорить об этом с царем.

Между тем заболела Эмилия, и муж решил увезти ее в Москву —

подальше от петербургского климата. Вместе с ними уехала и Аврора. И здесь, в светских салонах второй столицы, сестры имели успех необыкновенный.

В Москве Аврора Шернваль общалась с самыми интересными людьми светского общества: талантливыми поэтами и литераторами, художниками и музыкантами. В том же 1832 году в гостях у Мусиных-Пушкиных не раз бывал и Александр Пушкин. Одну из таких встреч и зарисовал художник Григорий Гагарин, запечатлев рядом с первым поэтом России сразу трех Шернвалей — Аврору, Эмилию и их брата Эмиля. Аврора, кажется, не очень заинтересовала Пушкина (по крайней мере, никакого упоминания о ней в бумагах поэта нет), зато имя Эмилии нередко звучит в пушкинских письмах.

П

ока Аврора очаровывала москвичей, генерал Ребиндер занимался устройством ее придворной карьеры. И был смысл заниматься этим: фрейлины императрицы получали от двух до четырех тысяч рублей в год на всем готовом — не всякий генерал имел такое жалованье...

Ребиндер в письме к Валлену сообщал, что он дважды имел елущую говорить с его величеством об Авроре.

Император сказал генералу: «Она очаровательная девушка, посмотрим, что решит императрица...»

Но давнишнее заветное желание занять место при дворе для самой Авроры отодвинулось куда-то в сторону, теперь его заслонила любовь...

Эта встреча была неожиданной и счастливой — встреча с первой любовью. Казалось, все было забыто — ведь прошло восемь лет, но вдруг оказалось, что какая-то искра не угасла в сердце Авроры.

Шестнадцатилетней девушкой встретила она в Гельсингфорсе корнета Александра Муханова. Романтическая любовь могла завершиться свадьбой, но они расстались в 1825 году, когда Муханова перевели в другой полк и он покинул Финляндию. Он мечтал о дерзких подвигах, видел себя прославленным полководцем, считал, что ради главной цели жизни нужно жертвовать всем,

мешающим ее осуществлению. И он пожертвовал своей любовью к Авроре и ее любовью к себе.

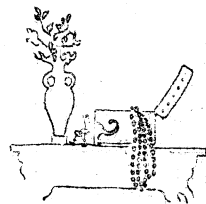
И вот почти через восемь лет встретила Аврора Шернваль Александра Муханова — и того, кому она подарила свою первую любовь, и совсем другого. Теперь это был молодой (ведь ему всего тридцать с небольшим) полковник, который участвовал в русско-турецкой войне, штурмовал крепости и города, получал ордена и титулы. Он честно выполнял свой воинский долг. Но реальная война сожгла его воздушные замки. Он увидел бесполезную гибель людей без блеска и славы, горе и страдания, бедствия и болезни, интриги и подлость... Это было не просто разочарование, а душевный надлом, который усилили болезни — сначала тяжелая лихорадка в Румынии, потом холера, после которой его едва вернули к жизни.

К человеку душевно расстроенному, усталому и разочарованному, к человеку, который так нуждался в утешении, в теплой ласке, и потянулась любовь Авроры.

Любовь, казалось, исцелила Муханова, болезни временно сдались, отступили, душа его ожила и просветлела. Они уже тайно обручились, и жениху до свадьбы предстояло заняться разными делами — добиться отставки от военной службы, устроить свои денежные дела, получить церковное разрешение на брак с лютеранкой.

В родном доме, в Гельсингфорсе, куда Аврора уехала в марте 1834 года, продолжалось ее счастливое ожидание свадьбы. Со дня на день должен появиться жених. Для свадьбы уже все приготовлено... Но Александр Муханов вдруг заболел, а в начале сентября умер.

Аврора уехала в Успенское — на могилу жениха. Здесь она провела всю осень и почти всю зиму. Она словно оцепенела в своем неутоленном горе, отрешилась от всего, что не было связано с ее погибшей любовью.

П

еред новым, 1836 годом Ребиндер сообщил, что Аврора назначена, наконец, придворной дамой императрицы, и в феврале мать отвезла ее в Петербург. Теперь она

стала жить в Зимнем дворце. Новая фрейлина была терпелива, спокойна и приветлива, а потому удовлетворяла своенравие ее величества — Александры Федоровны. Первые недели после поступления на придворную службу Аврора почти не выходила из покоев императрицы, которая чувствовала себя болезненно. Потом наступил пост с его вынужденным затиханием в придворных увеселениях. Но после пасхи светская жизнь вновь оживилась. Жизнь брала свое, и оцепенение, которое охватило Аврору, стало постепенно слабеть.

Летом в петербургском свете пошли слухи, что фрейлина Шернваль выходит замуж за богача Павла Демидова. В узких придворных кругах поговаривали, что именно императрица советовала и даже настойчиво уговаривала ее дать согласие на этот брак. Некоторые утверждали, что это идея самого императора, который хотя и недолго любил своего придворного егермейстера, но хотел женить его на русской подданной и тем избежать возможного брака одного из богатейших людей России с иностранкой и не дать ему, подобно отцу и брату, промотать крупнейшее состояние за границей.

Подобные браки, совершаемые по желанию императора, являлись тогда делом обычным и, в принципе, не вызывали в высшем обществе никакого осуждения. Более того, Авроре завидовали: ведь ей «выделяли» одного из лучших женихов России — сказочно богат, образован, имеет положение при дворе, не стар — всего лишь на десять лет старше невесты.

А в Гельсингфорсе гордился, что их соотечественница «сделала самую блестящую партию в истории Финляндии».

Авроре же, даже если бы она и очень хотела, невозможно было противиться высочайшим желаниям. Кроме того, ей уже двадцать восемь, она явно засиделась в невестах.

Свадьбу сыграли в ноябре 1836 года в Гельсингфорсе. Павел Демидов постарался ослепить светским блеском своих богатств — ведь он брал в жены одну из первых красавиц Петербурга. Сказочно пышная свадьба, на которую жених сверх намеченной поначалу суммы потребовал с тагильских заводов еще полмиллиона рублей. Поистине царский свадебный подарок невесте — великолепная шкатулка из золота и платины, добытых на уральских рудниках, а в ней, кроме четырехрядного ожерелья из жемчужин размером в лесной орех, лежал знаменитый алмаз Санти — седьмой по величине в мире. Щедрые благотворительные пожертвования в честь супруги для ее родного города. И, наконец, портрет жены, заказанный лучшему живописцу России и Европы...

В то время, когда Карл Брюллов работал над этим портретом, Аврора Карловна Демидова уже в новом качестве — жены миллионера — наслаждалась светскими развлечениями в Петербурге.

И

так, Брюллову позировала удачливая красавица, которую судьба после горестного удара наградила всем, о чем только может мечтать светская женщина той поры и к чему сама Аврора и ее семья готовились с ранних лет. Может быть, теперь с нее можно писать портрет счастливой женщины?

И в самом деле, не отражает ли весь облик брюлловской Авроры — ее лицо, ее глаза — спокойное счастье?

Или эти глаза — маска, которая скрывает что-то другое?

Супруг Авроры — Павел Николаевич Демидов — прямой потомок известной династии уральских горнозаводчиков. Первые Демидовы вошли в историю не только крутым и жестоким нравом, но и как талантливые оружейники и металлурги, предприимчивые пионеры, освоившие горные богатства тогда еще дикого уральского края, фундатеры крупнейших не только в России, но и в Европе, заводов. Беспощадно принуждали они тысячи людей гореть на огненной работе и в шахтах, но ведь они и сами трудились, как каторжные. Получая от своего горного хозяйства огромнейшие прибыли, первые Демидовы — Никита и его сын Акинфий — тратили их не столько на роскошь, сколько на новое дело, основан на Урале свое горное царство с десятками рудников и заводов.

Но их потомки, получив в наследство колоссальные богатства, не унаследовали деловых талантов и мощи характера своих предков. Проследившая историю рода уральских магнатов, нельзя не убедиться в том, как от поколения к поколению вырождались династия. И жизнь Павла Николаевича Демидова — убедительный тому пример.

Павел Демидов был уже не создателем, а расточителем. Нет, если судить по его внешней биографии, то он покажется довольно деятельным человеком. Получил блестящее

образование в Наполеоновском лицее в Париже, служил и по военной части (вышел в отставку 28 лет полковником), имел придворное звание егермейстера, был даже гражданским губернатором в Курске, был учредителем и финансистом известной Демидовской премии Российской Академии наук, за что был избран почетным академиком, занимался щедрой благотворительностью...

Павел Демидов прожил в основном за границей. Богатство развратило его, не дав созреть, если это и было возможно, его личным дарованиям. Любое желание, вплоть до самых странных и дорогостоящих, осуществлялось почти без малейшего усилия с его стороны. Наступила пресыщенность, пропал вкус к жизни, ослабла воля. Психические расстройства, нервная тоска проявлялись в диких приступах необузданного самодурства.

Тридцативосьмилетний жених Авроры настолько поспешил до брака пожить в свое удовольствие, что к свадьбе истратил почти все свои физические и душевные силы и вынужден перед брачными церемониями несколько месяцев поправлять свое весьма подорванное здоровье на курортах Баден-Бадена. Вначале свадьбу назначили на один из октябрьских дней, уже были приглашены и съехались гости, причем многие из дальних мест. Но жених заболел, и церемонии пришлось отложить на неопределенное время.

Как только жених почувствовал себя немного лучше, родные невесты с решительной поспешностью поторопились провести свадебные обряды, что и случилось 21 ноября. По свидетельству очевидцев, церемония бракосочетания представляла самое жалкое зрелище. Рядом с цветущей невестой находился полупарализованный жених, который оказался настолько слаб, что во время венчания не смог сделать и шагу, и его пришлось нести вокруг аналога в кресле.

К тому же у супруга оказался сквернейший характер. В нем, в этом огромном и тучном мужчине, самым странным образом уживались самые противоречивые качества. То он бывал любезным, внимательным и приятным собеседником, то вел себя грубо и оскорбительно бесцеремонно. Его видели добрым, отзывчивым и щедрым человеком, которому в минуты sentimentalного настроения ничего не стоило пожертвовать сумасшедшие деньги на больницы для бедных и детские приюты, то вдруг становился мелочно скуп и бесчувственно жесток. Обычно он с упрямством избалованного ребенка добивался исполнения своих желаний и прихотей, не считаясь ни с чьим мнением, иногда даже мнением... самого императора, чем и вызывал его неудовольствие. Стоит заметить, что Демидов наотрез отказался, несмотр-

ря на самые старательные уговоры жены и ее родственников, нанести свадебный визит императорской чете.

С первых же дней замужества Аврора добросовестно и терпеливо ухаживала за постоянно больным мужем, безропотно и покорно, но без унижения и даже с достоинством носила его капризы и причуды. По своей натуре конформистка, она без всяких сомнений принимала образ мыслей и поведения своей среды, без всякого скептицизма подчинялась традициям. И в супружеской жизни она вовсе не жаждала самостоятельности, наоборот, она хотела бы жить интересами мужа, отдать себя всю заботам о семейном очаге.

Ее собственный выбор мужей (Павел Демидов не в счет — здесь выбирала не она) довольно любопытен. Она дарит свою любовь не сильным и самоуверенным красавцам, а отдает ее страдающим, нуждающимся в поддержке и утешении. Случай о Владимире Мухановым как раз тот, когда «она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним». В какой-то мере Аврора здесь сродни и чеховской Душечке. А последний муж Авроры Андрей Карамзин тоже был очень болезненным (последствия тяжелого ранения) и слабовольным человеком, которого нужно было опекать и поддерживать.

Она добра не только к близким людям, но сочувствует всем несчастным, которых видит, и старается им помочь. Оставшись богатой вдовой, Аврора Карловна занялась широкой и щедрой благотворительностью. Мы отлично знаем социальную цену подобной благотворительности, но здесь нам важны не результаты, а намерения, пусть наивные, полные иллюзий, но искренние намерения помочь близким.

«Население заводов, — писал Д. Н. Мамин-Сибиряк о тагильских жителях в 1885 году, — до сих пор с радостью и благодарностью вспоминают «мать Демидова», которая провела целое лето на заводах и оставила о себе самую хорошую память, главным образом благодаря своей благотворительности и доступности... Аврора Карамзина, как никто из прежних владельцев, умела обращаться с людьми, она была необыкновенно приветлива со всеми и занималась всевозможными вещами в жизни заводских рабочих: она крестила детей рабочих, бывала посаженной матерью на свадьбах, дарила бедным невестам приданое и т. п. По ее инициативе были построены богадельня, родильный дом, несколько школ и детский приют, стали выделять пособия при несчастных случаях...»

Мы уже знаем Аврору, которая любила блистать на балах, хотела быть окруженной поклонением. Но желание блистать в свете уступало в ней другому желанию, и с годами,

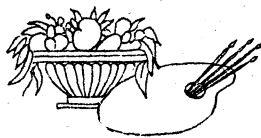
естественно, все более и более. Все-таки судьба жестока и странна в своих парадоксах: женщине, которая создана для тихой и размеренной семейной жизни и которая всем своим существом стремится к самому простому счастью, она вдруг отводит роль роковой красавицы, что гораздо больше подошло бы какой-нибудь неистовой авантюристке, натуре, которой претит пресное однообразие...

Аврора жаждала отдать свою любовь и сострадание, свою верность и терпение, свою доброту и заботу, но она хотела, чтобы и ее любили — она не могла без этого. Она надеялась, что со временем полюбит Демидова сама и вызовет у него ответное чувство. Эти надежды не оправдались. Всю супружескую жизнь чету Демидовых сопровождала взаимная неприязнь — то явная, то скрытая, то слабеющая, то обостряющаяся. И только терпимость Авроры, ее мягкость в отношениях с супругом не дали развиться семейному конфликту. Она вела себя с внешним достоинством, но в глубине души была оскорблена отношением мужа, его мелочной скупостью и болезненной подозрительностью.

После отъезда из Петербурга Демидовы постоянно находились на разных европейских курортах, откуда Аврора посылала своим родным обширные письма, в которых почти ничего не сообщала о супруге, а после рождения сына имя его отца уже совершенно исчезло со страниц писем.

Муж перестал существовать для Авроры. Вся ее нерастратченная любовь и теплота отдавались только сыну Павлу, по крайней мере, до тех пор, пока в ее жизни не появился Андрей Карамзин.

Но все это было потом. А тогда, когда создавался портрет, Аврора Демидова переживала самую разнообразную гамму самых противоречивых чувств. Что именно из них воплотил в портрете Карл Брюллов? И воплотил ли? Для ответа на эти вопросы нам нужно понять состояние художника, его мироощущение.

обычно Карл Брюллов писал портреты быстро — иногда всего за один сеанс. Над портретом же Авроры Демидовой художник работал около года, а может, и больше.

Исследователи творчества художника датируют портрет Авроры 1837 или 1838 годом. Однако в дневниках

Александра Тургенева можно прочесть: «9 декабря 1836 г. ...был у Брюллова, видел портрет Авроры».

Но Аврора Карловна уехала из Петербурга в Финляндию еще в августе и вернулась только в середине февраля 1837 года. Сомнительно, чтобы Брюллов начал писать портрет без натур, несмотря на свою превосходную зрительную память. В июне он болел, присутствовал на посвященных ему торжествах в Академии художеств, ездил в Псков. Да и Аврора в это время находилась то в Петергофе, то в Красном Селе. Вероятнее всего, что портрет был начат в июле или в августе, а затем продолжен уже в феврале...

Павел Демидов обратился к лучшему живописцу России с просьбой написать портрет своей невесты не в самое лучшее время для художника: Карл Брюллов переживал период творческого спада. Но отказать, как он часто отказывал даже самым высокопоставленным и выгодным заказчикам, Карл Павлович на этот раз не мог. Могушественные владельцы нижнетагильских заводов так много сделали для него за последние годы, что отказ выглядел бы самой черной неблагодарностью.

Портрет Авроры долго не получался — Брюллову не работалось. Что-то странное происходило с ним, словно нарушилось равновесие в его душе. Он то раздражался, то капризничал, то неистово работал в мастерской. И не находил удовлетворения...

Началось это еще в Италии, где вместо четырех лет пенсионерства он провел тринадцать. И почти никогда его не мучила ностальгия, наоборот, он цеплялся за любую возможность, чтобы остаться здесь еще и еще, чтобы идти в своем мастерстве дальше. И вдруг он почувствовал, что топчется на одном месте, что пропал вкус к работе, что не может взять себя в руки. И сразу потеряли свою прелесть красоты Италии — он словно пресытился ими, хотя раньше никогда не представлял, что это возможно.

И проснулся в его памяти воспоминания — и о родительском домике на Среднем проспекте Васильевского острова, и чопорная Академия, и Строгановский сад на Черной речке, где он писал своего «Нарцисса». Впервые за много лет защемило сердце и неудержимо потянуло домой. Но что-то противилось в нем этому желанию, он уже не знал — ехать или не ехать.

Он таки уехал из надоевшей Италии, от этой шумной и обременительной, но так нужной ему славы, от любимой женщины с экспедицией по Греции и Малой Азии. Через год посол в Константинополе объявил ему волю императора: немедленно вернуться в Россию. Теперь уже нельзя было не ехать.

Никогда и никого из русских художников не встречали в России с таким триумфом, как автора знаменитейшей картины «Последний день Помпея». Брюллов был расстроган.

А ведь, казалось, он уже познал вкус мировой славы. «Помпею» сравнивали с творениями Рафаэля, Микеланджело, Тициана, Брюллова похваляли, в его честь устраивали приемы и балы, художника носили на руках с музыкой и цветами, поэты посвящали ему сонеты, Болонская, Миланская, Флорентийская академии избрали его своим членом.

И все-таки родная Москва встретила прославленного живописца по-особому радушно. В зале Художественного класса, только что открытого в доме Долгорукова на Никитской, в честь Брюллова дали великолепный обед. Любимец первопрестольной столицы баритон Лавров пропел, обращаясь к Брюллову:

Тебе привет Москвы радушной!
Ты в ней родное сотвори,
И, сердца голос послушный,
Взгляни на Кремль и кисть
бери!

Тебе Москвы бокал
здравный!
Тебя отчизна видит вновь;
Там славу взял художник
славный,
Здесь примет славу и любовь.
Искусства мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень,
И был «Последний день

Помпея»
Для русской кисти первый
дни!

Петербургские торжества в Академии художеств проходили по специальной программе. Ничего подобного не бывало раньше. «Великого Карла» воспевали соло и хором, торжественным маршем гремел оркестр, горячо кричали «Ура!» и «Да здравствует Брюллов!», пронесли его на руках через весь зал к стене, где висела «Помпея». Уже почти два года толпами ходили на поклонение к этому полотну люди и восторгались, восторгались, восторгались. И какие имена славил картину! Жуковский, Лермонтов, Баратынский, Пушкин, Гоголь...

Божественные почести, неземной успех! Брюллова вознесли на Олимп, и он оказался там один.

Писать, как Брюллов, быть, как Брюллов, достигнуть такой же славы, как Брюллов,— вот предел мечтаний молодых художников. Даже внешность, манеры, тон его голоса — все стало предметом подражания.

Хотя, казалось, что было в нем особенным-то? Ниже среднего роста, с короткими ногами человек... Нет, было в нем и что-то особенное. Гордо посажена голова Аполлона, правильны черты лица, красивы кольца белокурых волос, окружавших высо-

кий лоб, голубые глаза. А его небрежно-снисходительные и в то же время властные великолепные жесты! А его гениальные причуды!..

Он сам почувствовал свой талант еще в Академии и довольно скоро стал первым учеником. Профессора хвалили его за отличное знание анатомии, за красоту штриха, за безукоризненность свето-теневой проработки, за редкое чувство цвета. Уже тогда на него смотрели, как на чудо. И уже тогда он мечтал о славе и решил добиться ее во что бы то ни стало.

На выпускных экзаменах — первая золотая медаль, и затем пенсионерство в Италии.

Он умел работать с упорством необычайным и без усталости копировал антики, Рафаэля, Тициана. Он знал, что делал.

«Надо было пережевывать 400 лет успехов живописи, дабы создать хоть одну достойную нынешнего требовательного века», — заметил он в одном из своих писем.

С неустой страстью пытался он проникнуть в тайны величайших колористов. Он работал до изнеможения, до дрожи в руках и ногах, до головной боли, до обморока...

Нет, не зря он гордился собой, и недаром другие восторгались его мастерством.

Так откуда же это ощущение неуверенности, даже, скорее, зыбкой ее тени, которая то набегаёт, то пропадает? Откуда это ощущение не реальности, иллюзорности, непрочности его высокого положения? И почему ему постоянно хочется доказывать себе и другим свою гениальность?

Брюллов очень любил писать женские портреты. Женщина для него была наивысшим воплощением красоты.

Ранние брюлловские портреты — это восхищение физической красотой. Позднее, в петербургский период особенно, он стал искать на женском лице отражение «истории сердца». Но, как правило, отдавал предпочтение какому-либо одному настроению или одной страсти. Лучшим по выразительности считается портрет Юлии Самойловой, единственной женщины, которую он по-настоящему любил, знал, понимал. Но достаточно посмотреть на портрет Самойловой, чтобы понять — художник глядел на нее неравнодушным взглядом.

Другие же его женские портреты обычно не отличаются психологической глубиной. Окном во внутренний мир человека для Брюллова были глаза. Даже недружелюбный к художнику Стасов отмечал, что «во всех портретах кисти Брюллова лучше всего глаза».

Вглядимся в широко раскрытые глаза брюлловской Авроры. Они тщательно выписаны. Художник возвращался к ним не раз, пытаясь понять

этот взгляд. И не понимал, не мог понять, поймать его выражение. Что спрятано в глазах? Сдержанность? Покорность судьбе? Равнодушие? Или глаза — маска, которая что-то скрывает, утаивает? А может быть, в глазах просто ничего нет? Но вот какая-то легкая тень пробегает по лицу, в глазах что-то меняется, но так неуловимо, так неопределенно...

Он чувствует свое бессилие проникнуть в мир переживаний человека, срывающегося перед ним. Разговорить, расшевелить, заставить хоть на минуту скинуть маску... Нет, не удастся. Лишь слабая улыбка тронула губы. Что это — улыбка спокойного удовлетворения или горечи?

И он вдруг понял, что опять — уже не в первый раз — ему не дано заглянуть в человеческую душу и понять ее.

Но почему же?

Имей он талант Брюллова, или имей Брюллов душу и сердце Иванова, каких чудес мы были бы свидетели», — так сказал о Брюллове и Иванове И. С. Тургенев.

Иногда Брюллову казалось, что все это от усталости, от нервов, от болезни, которую он перенес во время путешествия на восток. Казалось, что странное наваждение скоро исчезнет, и придут покой и уверенность.

А иногда ему почему-то вспоминался Александр Иванов. Странно, ведь он почти не обращал внимания на этого юного художника, появившегося в Италии, когда он, Брюллов, был уже почти у вершины славы. Он даже старался избегать его. Почему?

Как и другие поклонники, Иванов молился на восходящее светило. И он никогда не видел в нем соперника — чувствовал, что ни в рисунке, ни в колорите Иванов не приблизится к нему. И сам Иванов, называя Брюллова «сильнейшим в искусстве», признавался друзьям, что «никогда бы не хотел состязаться с ним Геркулесом». Иванов только вымаливал у него совета, помощи в своем ученичестве, Брюллов же обычно равнодушно отмахивался. И тогда Александр упрашивал в письмах своего отца — одного из учителей Брюллова в Академии, — «чтобы он, уважая

вс, согласился быть моим советником по искусству».

Нет, не поэтому, конечно, он избегал Александра Иванова — Брюллов любил покровительствовать. Его рассердило тогда, что этот мальчишка стал поучать его, давать советы, как стать настоящим художником: «Владеть кистью — этого очень мало для того, чтобы быть живописцем». И что-то смущенно бормотал о душе, которая должна страдать и мучиться, что он (Брюллов?) несчастен, ибо не может быть ни добрым, ни спокойным...

Страдать?.. Он вовсе не любил страдать, он всегда бежал от страданий, старался, по возможности, не замечать их. Ведь в мире есть красота, и это — главное. Он видит красоту, чувствует ее, восхищается ею, переносит на свои полотна и заставляет восхищаться ею других. И напрасно этот мальчишка советует прислушаться к Байрону:

Терпи и мысли — созидай
в себе
Мир внутренний, чтоб
внешнего не видеть:
Сломи в себе земное естество
И приобщись к духовному
началу...

Нет, он, Брюллов, предпочитает земное естество, ведь оно так прекрасно. И чтобы понять это, стоит только по-брюлловски всмотреться в окружающий мир или в его картины. И надо не страдать, а наслаждаться, радоваться всему прекрасному...

Они так и не сошлись, несмотря на все старания Иванова. Даже пожитейски они были несовместимы. Брюллов вне мастерской всегда окружен свитой друзей и поклонников, веселый, остроумный, уверенный в себе. А Александр Иванов — вечно одинокий, угрюмо-сосредоточенный, углубленный в себя, неловкий, сомневающийся...

Но ведь у них был один и тот же кумир — искусство. Да только поклонялись они ему по-разному. И они разошлись, и каждый пошел своим путем.

Александр Иванов ушел в исканию. Он медленно и внимательно, без суеты всматривался в мир и одновременно не менее внимательно — в себя. Он творил себе душу, прежде чем творить картины, он растил в себе пылкую душу пророка, жаждущего истины и не боявшегося мученичества. Он сам обрек себя на самое скромное, даже аскетическое существование. До конца своей жизни он часто за целый день довольствовался стаканом кофе и черствой булкой или чашкой чечевицы, которую сам варил в мастерской. Друзья и доброжелатели настойчиво советовали поторопиться с его главным полотном или на время отвлечься от него, чтобы написать небольшие картины для продажи. Как это

было соблазнительно... Но... «он, — вспоминал один из его близких, — как Иов, пораженный проказою, стонал от боли, и однако же, не слушался друзей». Он знал, что цена такой слабости была бы для него непомерно велика, ибо взамен надо отдать душу.

«Вы полагаете, — писал Иванов в 1836 году отцу, — что жалование в шесть-семь тысяч по смерти, получить красивый угол в Академии — есть уже высокое блаженство для художника? Я думаю, что это есть СОВЕРШЕННОЕ ЕГО НЕСЧАСТЬЕ. Художник должен быть совершенно свободен, никогда никому не подчинен, независимость его должна быть беспредельна... Купеческие расчеты никогда не подвинут художества вперед, а в шитом, высоко стоящем воротнике тоже нельзя ничего сделать, кроме как стоять, вытянувшись...»

Всю жизнь упрямо Иванов шел к одной цели, к одной картине, заблуждаясь, отчаяваясь, страдая, вместе с красками выплескивая на полотно свою измученную от поисков душу. Иванов понимал, что он хочет. «Мирный предмет мой станет выше изображения пожара и язвы, — намекал он на брюлловскую «Помпею», — «здесь все должно быть тихо и выразительно».

Он отказался от проторенной дороги и топтал свою тропу...

...После «Помпеи» Брюллов очень устал. Несколько месяцев не брал в руки кисти. В Милане кто-то спросил его: не порадов ли великий Брюллов миланцев чем-нибудь и новым? Брюллов разозлился. Тут же попросил холст, мастерскую и семнадцать дней не выходил из нее. А когда вышел, показал полотно «Инесса де Кастро» — драму женщины, на глазах у которой придворные закололи ее детей. Казалось, в картине было все: отличная композиция, безупречный рисунок, знаменитый брюлловский колорит. Не хватало только живой воды — картина была мертва. И это увидели все...

Вот тогда-то Брюллов впервые почувствовал что-то неладное. Но он отгонял сомнения, ставил на мольберт все новые и новые холсты, искал новые сюжеты. Нужен только хороший сюжет, думал он, и все будет в порядке. Но не одну картину в то время так и не закончил. Вот тогда-то он и покинул Италию.

Потом уже в Москве, когда Пушкин пытался увлечь его сюжетами из русской истории, горячо рассказывая о Петре, Брюллов загорался, приступал к множеству эскизов на разные сюжеты, но также быстро потухал. Тогда же он показал поэту свой давно вынашиваемый сюжет «Нашествие Гензерика на Рим» — тема страшного народного бедствия. Эскиз очень понравился Пушкину, он даже сказал, что это может быть

выше «Помпеи». «Сделаю выше!» — с искренним жаром воскликнул тогда Брюллов. И не сделал ничего.

Пушкина обычно безоговорочно записывают в ряд самых восторженных поклонников «Помпеи», упоминая при этом, что после осмотра картины поэт написал в ее честь стихотворение:

Везувий зев открыл — дым
хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое
знамя.
Земля волнуется —
с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ,
гонимый страхом,
Под каменным дождем, под
воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит
из града вон...

Но это только описание сюжета — стихотворение осталось незаконченным. Может быть, потому, что картина не вдохновила поэта на более глубокие мысли, не дала достаточно сильный толчок его воображению? Пушкин не мог не оценить таланта Брюллова. Сам отличный рисовальщик, он неплохо разбирался и в живописи. И судя по тому, как он сказал Брюллову «Выше...», Пушкин вовсе не считал «Помпею» непревзойденным шедевром. Он, пожалуй, смотрел на Брюллова как на будущую надежду русской живописи.

Как хотелось Брюллову после «Помпеи» подтвердить себя в новой большой картине. Еще в Москве он переберет множество сюжетов. И, кажется, выберет. По крайней мере, во время встречи с императором в июне 1836 года ему будет казаться, что он выбрал.

«Я хочу заказать тебе картину», — такими словами встретит царь художника в своем кабинете и после молчаливого поклона Брюллова объяснит свой замысел. «Напиши мне Иоанна Грозного с женой в русской избе на коленях перед образом, а в окне покажи взятие Казани». После молчания Брюллов скажет: «Можно написать вместо этого сюжета «Осаду Пскова?» Николай будет недоволен таким своевольем, но все-таки произнесет свое сухое «хорошо».

Как будет рассказываться потом

Брюллов. Лучше бы император ответил тогда отрицательно и настоял на своей теме. Тогда можно было бы сослаться на то, что ему навязали сюжет, а потому у него и не получилось.

А как рьяно он взялся. Через несколько дней после разговора с императором он был в Пскове. Но уже по дороге пропало вдохновение. Он ходил по древнему городу вялый, хмурый, так ничего и не зарисовав. Ни старые стены Псковского кремля, ни великолепие Печерского монастыря не взволновали его. Искры не было — огонь не загорелся.

Почти восемь лет будет работать он над этим самым огромным своим полотном и работать очень добросовестно — он отдаст холсту гораздо более времени и сил, чем «Помпее». Но ничто — ни самое тщательное изучение источников, ни внимательное знакомство с этнографическим материалом, ни воинское учение со взрывом стены, которое устроил император по просьбе художника, — ничто не спасет его от неудачи. «Последний день Помпеи» до конца жизни художника останется лучшим его творением.

Это полотно и сам Брюллов очень любил. Ученик художника Мокрицкий вспоминает, как его учитель однажды долго стоял перед своей картиной и потом сказал: «Право, в ней много хорошего; не написать мне другой «Помпеи!» — «Бог милостив!» — возразил я, — к чему отчаиваться». — «Нет, меня здесь много сердят...»

«Сердило» Брюллова в Петербурге много. В том числе и царь. Это может показаться странным. Ведь, пожалуй, ни к кому из художников сначала император так не благоволил. Владелец «Помпеи» Анатолий Демидов, привезя полотно в Петербург, подарил его Николаю и «удостоился благосклонного принятия». В своих письмах Демидов настойчиво уговаривал Брюллова как можно быстрее приехать из Италии в русскую столицу, «не опасаясь ничего», что встречен он будет отменно и Академией, и самим императором, а захочется опять в Италию, «удержены здесь не будете».

Последнее Демидов обещал зря, а насчет остального была истинная правда. И почет, и уважение, и профессорский чин, и огромнейшая квартира-мастерская в самой Академии, и первое место среди придворных художников, и самые лучшие, самые выгодные заказы, и высочайшая благосклонность...

И все-таки Брюллов страшно боялся николаевского Петербурга; боялся каким-то нервным, болезненным страхом. Уже вернувшись в Россию, еще в Москве, как не хотел он ехать в Петербург.

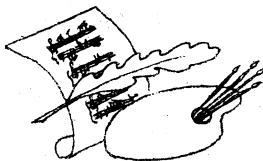
После первой же встречи с ним Пушкин сообщал жене 4 мая

1836 года: «Он хандрит, боится русского холода и прочего...» 14 мая поэт писал: «Засываю Брюллова к себе в Петербург — но он болен и хандрит». И еще 18 мая: «Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист... черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать».

Брюллов испытывал к императору болезненный страх и внутреннюю антипатию. Его самолюбие было все время настороже, и он постоянно демонстрировал свою независимость, часто вел себя капризно и дерзко. Уже на первом приеме он не принял предложенного императором сюжета. Он, как мальчишка, удирал из Петергофа, не закончив портреты императрицы и великих княжен, которые писал по просьбе Николая. Он бежал из мастерской от портретного сеанса с царем, воспользовавшись тем, что тот опоздал на несколько минут. Он притворился больным и забрался в постель при посещении самодержца его мастерской, хотя знал, что император видел его здоровым в окне, когда подъезжал к дому.

Николай выражал недовольство его выходками. Но и только. Монарх, считавший любое неповиновение тяжким преступлением, словно не придавал выходкам художника серьезного значения, он как будто понимал, что Брюллов не опасен, и разрешал ему капризничать по мелочам и только иногда журил. Николай I был беспощадно жесток с теми, кого он боялся. Брюллова он не опасался и поэтому снисходительно разрешил ему тешиться иллюзиями.

Брюллов любил похвастаться своей независимостью (за все годы профессорства в Академии ни разу не надел обязательного для других профессоров мундира), но чутко чувствовал на себе власть петербургских обстоятельств, раздражался, мучился, искал выхода своим творческим желаниям. И кажется, нашел.

аже самые жестокие критики Брюллова — Стасов и Бенуа — признают, что в портретах

талант художника «проявился... до полного великолетия». Самые благожелательные исследователи брюлловского творчества также считают, что именно здесь он достиг самых «глубоких достижений», что как портретист «наиболее интересен».

Портретный мир Брюллова заселен сотнями разных людей. Объединяет их только одно: все они чем-то заинтересовали художника, иначе же не попали бы на холст. И самые великолетние портреты — портреты петербургского периода.

Большая сюжетная картина, так называемая историческая живопись, считалась официальным, казенным жанром, ее писали по строгим канонам, она находилась под властью и контролем Академии и самого императора. Жанр же портрета причисляли к разряду низших. Портрет был частным делом художника, за исключением, конечно, парадных портретов. В портрете Брюллов чувствовал себя не только свободнее, но и сильнее, портрет у него получался, он отдавал ему самые вдохновенные часы своей жизни и работал с величайшим удовольствием. Здесь он был властелином, магом, волшебником, он пускал в свой портретный мир только избранных и делал с ними все, что хотел. Он мог сделать несчастного счастливым, безобразного красивым, злого добрым... Но он делал эти чудеса только с теми, кто ему нравился. А в этом выборе он был своенолен и капризен. Ни самые настойчивые уговоры, ни бешеные деньги, ни высокий чин заказчика не могли принудить его взяться за кисть, если человек ему чем-то не понравился. А причуды у него были самые неожиданные. Он отказался сделать портрет признанной красавицы (а больше всего на свете он любил писать красивых женщин) только под предлогом, что в ее лице, как ему показалось, «есть что-то кислое». В лицах людей он искал красоту — свою, брюлловскую красоту — и переносил ее на холст. Здесь у него были свои правила. «Удерживать лучшее в лице и облагородить его — вот настоящее дело портретиста», — говорил он.

Посмотрите на его итальянские портреты двадцатых годов — от них веет радостью бытия, молодым восторгом, восхищением красивой плотью... Ему дела нет до тайников человеческой души, где спрятаны огорчения, печали и заботы, — ему там просто нечего делать. Это портреты художника, который молод и счастлив и который пишет только счастливых людей, живущих не на нашей грешной земле, а в беззаботной идиллической Аркадии...

А теперь рассмотрим в петербургские портреты. Брюллов здесь уже другой. В этой серии интереснее всего, пожалуй, портрет Нестора Кукольника. Застывшая в смятении фигура, в лице отразилось и безнадеж-

ное сомнение, и едва уловимая горькая насмешка... А эта рука, точно протягивающая вам шляпу — подайте надежду. И все это на фоне глухой, мрачно-серой облупившейся стены, и только слева — узкий просвет с далеким голубым небом надежды...

Портрет Кукольника явно выпадает из всего, что написал до этого Брюллов. Неужели жизнелюб и весельчак Карл Брюллов создал его? Ведь никогда до этого не изображал он человека в минуты уныния. Да, не писал, а теперь — написал. И не только Кукольника, но еще и себя, и не только себя, но и образ эпохи с ее горьким привкусом сомнения и раздвоенности.

Кукольника Брюллов знал лучше других петербургских знакомых. И не просто знал. Нестор Кукольник был самым близким, самым задушевым другом Брюллова и Михаила Глинки. Правда, очень коротко они сблизились позднее. Тогда же, осенью 1836 года, когда писался портрет, художник был знаком с Кукольником всего несколько месяцев. Но уже тогда он понял настроение этого человека, может быть потому, что оно было созвучно его собственному. Именно в эту свою первую петербургскую осень он страшно хандрил, страдал и раздражался от холодной и мокрой здешней погоды и от всего «прочего», как говаривал Пушкин. Он вошел тогда в один из своих циклов депрессии, которые отныне будут повторяться до самой смерти. Во время такой депрессии и в душе и на палитре исчезали светлые и радостные краски, наваливались тоска и тревога, и он жил в беспокойном душевном смятении, где смешалось все — и сомнение и надежда.

И поэтому в портрете Кукольника он писал то, что сам глубоко пережил, и именно поэтому на холсте проявилась истинная жизнь, а не голубая мечта, и он получился искренен и правдив.

И все-таки мы не знаем, насколько портрет этот близок к оригиналу. Ведь обычно Брюллов брал что-то одно в человеке, преувеличивал одну черту, отстранив все остальное в нем. Примером может служить блестящий портрет Василия Перовского, тоже близкого знакомого художника. Он изобразил на полотне героическую личность, человека сильной воли и решительных поступков. Брюллов как бы любит и гордится своим персонажем. Но Василий Перовский был не только таким, каким предстает перед нами на портрете, он был и олицетворением худших сторон николаевского времени. Недаром Лев Толстой назвал его «крупной фигурой», «вполне выражавшей свое время», «тенью Николаю Павловичу».

Но ведь Кукольник автор главным образом трескучих фальшивых патристических драм и романов, ко-

торые уже тогда вызвали омерзение. Для нас Нестор Кукольник — символ верноподданного холоуя, поэта и человека, которого терпеть не мог Пушкин. История твердо определила ему в литературе и в общественной жизни отнюдь не почетное место. И этот человек был наилучшим другом Карла Брюллова и Михаила Глинки?..

Это был странный триумvirат. Бересаев ядовито писал по этому поводу: «Триада, с теперешней точкой зрения, была курьезная: гениальный, для всякого времени нужный Глинка, талантливый, нужный для своего времени Брюллов и ни для какого времени не нужный Кукольник».

Н

е менее странными, если повнимательнее взглянуть, окажутся и отношения Брюллова с Пушкиным.

Познакомившись с художником в Москве на одном из обедов, данных в его честь, друг Пушкина Павел Нащокин сразу же сообщил об этом поэту.

Едва Брюллов появился в столице, как Пушкин посылает ему поздравительную записку, приглашает к себе в дом на ужин, приводит к Петру Вяземскому на прощальный вечер с Жуковским, уезжающим в Дерпт... Но в Петербурге они встречались редко, и не по вине Пушкина. Самое странное, что в воспоминаниях Брюллова мы почти ничего не найдем об этих встречах.

Последний раз они встретились за два дня до трагической дуэли, 25 января 1837 года. Пушкин и Жуковский приехали в мастерскую художника, и тот стал показывать им свои рисунки. «Весело было смотреть, как они любовались и восхищались этими рисунками, — пишет в своих воспоминаниях Мокрицкий. — Но когда он показал им недавно оконченный рисунок «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне», то восторг их выразился криком и смехом. Да и можно ли глядеть без смеха на этот прелестный, забавный рисунок?.. Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллова подарить ему это сокровище: но рисунок принадлежал уже графине Самойловой, и Карл Павлович, уверяя его, что не

может отдать, обещал нарисовать ему другой. Пушкин был безутешен; он с рисунком в руках стал перед Брюлловым на колени и начал умолять его: «Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня; отдай этот!».

Но Брюллов так и не отдал, хотя после гибели Пушкина очень жалел об этом.

При жизни поэта Брюллов явно не стремился к более частым встречам, он словно опасался, что они принесут какие-то новые беспокойства. И эти опасения не были случайностью. Еще раньше, как мы знаем, он пренебрег общением с Александром Ивановым, в России он уже не ищет встреч с Чаадаевым, которого знал еще по Италии, он отказался познакомиться с Михаилом Лермонтовым, сославшись на то, что «физиономия поэта заслоняет мне его талант», он не развивает, а наоборот, прекращает начавшиеся контакты с Белинским, не давая прорасти первым взаимным симпатиям в дружбу... Он словно сторонится всех, кто всерьез мучается проклятыми вопросами века, кто старается проникнуть в «тайну времени».

Он бежит от них в компанию Кукольника, как в отдушину, где можно отрешиться от всего, что может принести неразрешимые сомнения. Он бежит от людей в самого себя, в свой идеальный мир красоты, чтобы спрятаться в нем, как в крепости, в которую не могли бы проникнуть горькие истины действительности. Он отгораживается от людей, от их раздумий и страданий. Карл Брюллов перестает понимать людей.

...Очень редко при рождении живописного произведения присутствует кто-нибудь посторонний. В мастерской же Брюллова все это время находился его ученик А. Мокрицкий, который внимательно следил за каждым взмахом кисти учителя и все свои наблюдения записывал в дневнике, на основе которого и написал потом воспоминания.

Брюллов работал над портретом долго. 3 апреля 1837 года Мокрицкий записал в дневнике:

«С утра уже был я в мастерской. Брюллов продолжал портрет Демидовой... Большая картина «Распятие» ждала вдохновения; по временам обращался он к ней, смотрел на нее пристально и опять подходил к портрету, оживавшему более и более от каждого прикосновения его кисти...»

Если в дневнике Мокрицкого не описка и дата поставлена правильно, то работа над портретом Авроры продолжалась и в 1838 году — всего около двух лет. Почему так долго? Ведь, как правило, Брюллов завершал такие холсты за несколько дней, иногда недель. Кроме того, судя по

ЗАПОРОЖЦЫ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Этот бой был 333 года назад... Вдали от родины украинские казаки сражались с властительной Испанией за самостоятельную Францию. Как они попали в эту битву? Что с ними случилось в чужих краях? Многие ли казаки вернулись? Увы; исчерпывающих ответов на эти вопросы нет, но все-таки загадочный эпизод истории однажды несколько прояснился...

Русский историк Н. И. Костомаров в первом томе своей книги о Богдане Хмельницком мимоходом указывает, что «2 400 охочих казаков отправились во Францию и участвовали в 1646 году при взятии Дункерка у испанцев герцогом энгийским Кондэ». Прояснить это скупое упоминание о походе казаков семнадцатого века взялся исследователь А. Половцов, пустившийся в странствия по местам былых сражений. О его исследовательском поиске в самом конце прошлого века писали русские газеты, например, «Московские ведомости» и «Правительственный вестник». Осенью 1898 года он прибыл в Дюнкерк, где, однако, пережил острое разочарование, хотя и заранее знал о бедности провинциальных архивов, но что не сохранилось даже и архитектурной старины в этом приморском городке, он не предполагал. Только и нашел он у гавани неинтересную круглую башню да древний готический собор с поразительной судьбой. Вздумали проложить новую улицу в том месте, где собор, и проложили, и разрезали храм поперек. Колокольня оказалась на одной стороне улицы, а все остальное — на другой. Но, странное дело, гильотинированный собор остался величественным... Не только в Дюнкерке, а и в Париже, и в Лиле русский следопыт не нашел документов середины семнадцатого столетия.

дневнику Мокрицкого, художник писал Аврору охотно и даже с удовольствием. Может быть, и не все зрелая с удовольствием; но, по крайней мере, в дни, когда его видел ученик.

Брюллов работал долго потому, что пытался разгадать Аврору, но так и не разгадал. В ее лице было что-то от мадонны, а мадонн он не понимал.

Когда через много лет, незадолго до смерти, итальянский друг художника попросит его написать образ мадонны, он с раздражением и картинным пафосом закричит на него: «Я просидел всю жизнь по горло в грязи, а ты говоришь мне: пиши идеал чистоты и непорочности! Я его не понимаю! Если тебе нужна кающаяся Магдалина, то я могу написать ее».

Но бог с ней, с этой непонятной душой Авроры! Ведь есть еще чудесный цвет лица, его очаровательный овал, эти роскошные плечи, этот волшебный мех, который он отделяет так, что захочется к нему прикоснуться... Он, правда, всегда учил своих учеников, что аксессуары не должны пересиливать и быть превосходящее лица. Он и сам это делает, когда чувствует и понимает лицо. Тогда оно становится главным на холсте, тогда все остальное, что окружает лицо, он выписывает лишь настолько, насколько улавливает, если смотрит только на лицо. Но когда оно не поддается разгадке, то пусть о нем рассказывают вещи. Он любит писать вещи и когда они связаны с человеком и его привычками, и когда они сами по себе.

Ну а лицо, лицо на этом портрете все же будет похоже на оригинал. И это внешнее сходство подтверждают очевидцы. Тот же Мокрицкий, которому так нравился портрет Авроры Демидовой, вспоминал, как, зайдя однажды вечером в мастерскую Брюллова и не застав его дома, «взял свечу и начал рассматривать одну работу за другой, наконец, прильнул к портрету баронессы Шерваль и не мог надивиться необычайному сходству и прелести манеры, с которой был написан этот портрет...»

Что же касается истинных переживаний женщины, то кто же их поймет. Женщина всегда загадка и пусть останется ею. И пусть на портрете будет эта неуловимая застенчивая улыбка, пусть будет никуда не устремленный, но что-то видящий взгляд, взгляд, в котором недосказанность и таинственность. И пусть каждый видит в этом лице все, что он видит.

Может быть, в этом главная прелесть портрета?

ЗА БРЮССЕЛЕМ

Повезло в Шантильи, неподалеку от французской столицы, где в очаровательном замке располагался музей и хранились раритеты принцев Кондэ. Тут-то и обнаружили письма кардинала Мазарини к полководцу Кондэ, в коих неоднократно упоминалось о казаках на французской службе.

Вспомним: тогда шла Тридцатилетняя война (1614—1648), в результате ее Нидерланды обрели независимость, освободившись от испанской воли, и также воспрянула в те времена Франция, добившись выгодного Вестфальского мира с «длиннорукой Испанией». Французы одержали блестящие победы над испанцами при Рокруа, Фрейбурге, Нёрдлингене. Чашу капля полнит, битв было много, была и осада Дюнкерка, и она-то со всей очевидностью придвинула кубок победы, и помогли в этом французам украинские казаки.

Хоть и правое было дело французам биться за независимость, но почему все-таки запорожские казаки пришли и встали под чужие знамена? Ищи женщину... Верно сие и в этом случае. Осенью 1645 года в Париж въехало с особой помпой польское посольство. Король Польши, Владислав, женился на французской принцессе Луизе де Невер. Так отношения Франции и Польши стали более тесными. А судьба коронованной француженки, кстати, таила любопытную неожиданность. Ей было суждено после скорой смерти первого славянского мужа выйти замуж за его преемника и младшего брата Яна Казимира и таким образом дважды стать польской королевой. Вот почему казаки оказались во Франции — кардинал Мазарини обратился к новому союзнику, польскому королю Владиславу с просьбой прислать вой-

ско для окончательной победы над испанцами в Дюнкерке.

Казаки прибыли во Францию на кораблях. В письме к полководцу Кондэ говорится о «полковниках десяти полков»: Значит, действительно, казаков было не меньше двух тысяч, как и написано в книге о Богдане Хмельницком. Из другого письма видно, как относились к казакам: «...с ними будут обходиться также, как с другими войсками, находящимися на службе короля». Признавая силу казачьего войска, осторожный Мазарини опасался, «чтобы они не были самыми сильными». Впрочем, Кондэ был более решительным и пускал казаков в дело всегда, «где только было можно и нужно». В одной из французских книг по истории дана такая характеристика казачьему войску: «Нация эта презирает опасности...» И еще о казаках писали, что они «более воинственные, чем обученные воинскому искусству неустрашимые всадники...» Об участии казаков в военных действиях сохранились отрывочные сведения. То говорится, что они взяли контрэскарп, то выбили испанцев из траншей. И казаки по заслугам были включены в почетный отряд, который после сдачи города торжественно вошел в Дюнкерк.

Финал истории неясен. Отчего-то казаков сразу не отправили на родину морем, а послали еще в Лотарингию, хоть, надо думать, и рвались они домой, на Украину, которая в это время тоже стремилась к равенству среди государств, готовила воссоединение с Россией.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЛЯ БРЕМА

Альфред Брем, автор до сих пор знаменитой «Жизни животных», одну из своих статей сопроводил фотографией, сделанной... госпожой Полторацкой.

О. Финш и А. Брем будущи в 1876 году в Семипалатинске познакомились с местным губернатором, генерал-лейтенантом В. А. Полторацким, известным путешественником, который, как они писали потом в книге «Путешествие в Западную Сибирь», ежегодно совершает поездки по Алтаю, вдоль китайских границ и в этих поездках его нередко сопровождают супруга и дочь.

В предгорьях Алтая для гостей был устроен массовый праздник. В скачках приняла участие сама хозяйка. Потом, «как не была благоприятна погода для занятий фотографией, неутомимая генеральша успела все-таки удачно снять еще несколько групп».

Сами европейские знаменитости не владели фотографией, и снимки Полторацкой оказались как нельзя кстати. А публикация их в популярном журнале, в статье Брема, открыла фотографа и для широкой публики.

В 1879 году на Московской антропологической выставке Л. К. Полторацкую удостоили большой серебряной медали за альбом «Виды и типы Западной Сибири». Полторацкую приняли в члены фотографического отдела Русского Технического общества.

Евгений
ПЕТРОВ

КОЗА— ДЕРЕЗА

Рассказ

**Владимир
КАРПОВ**

Рисунки
Н. Мооса

У каждого есть своя заветная мечта. Одному хочется хороший фотоаппарат, другому — гитару, третьему — еще чего-нибудь в этом роде. А у Витьки мечта необыкновенная, редкая, между тем хочет он самого простого: он хочет, чтоб у него была коза. Коза! Он бы за ней ухаживал, косил ей сено на зиму, ходил бы с ней в лес, на луга!

Серезка, тот с ума сходит по велосипедам. Юрку от книжек не оторвешь, Дима собирает радиоприемники. Павлик Жиркин страстно увлечен колбасой: в школе с ломтиком, на улице с пластиком, и мать то и дело орет: «Па-а-авлик, ку-у-уушать!»

Это все ничего, тут другое... Во-первых, если кому сказать — засмеют, во-вторых... Да нет, и думать нечего, бредовая идея. Вот, когда жили они в старом доме и дед живой был, — другое дело. Тогда были у Витьки голуби, кролики, вымолил бы и... Сначала бы дед отмалчивался, хмыкал, но однажды, как-нибудь утречком, словно между прочим, сказал бы: «Иди-ка во времянку сходи». Витька влетает, а там — бе-е-е! — здравствуйте. Мигом сносился бы за капустой.

Эх! Да что мечтать-то. Деда нет. И живут они теперь в новом доме, в пятиэтажном. Газ, вода горячая, холодная, и печку топить не надо, короче — все удобства. Но козы не будет, как нет голубей и кроликов. Есть только щенок. Можно, конечно, голубей-то держать: сварить железную будку-голубятню и поставить во дворе.

Владимир Александрович Карпов родился в г. Бийске Алтайского края в 1951 году. Рано начал трудиться — вначале рабочим на заводе, затем руководителем художественной самодеятельности. Закончил Ленинградский театральный институт, работал в Челябинском ТЮЗе.

В нашем журнале публикуется впервые.

Витька такие видел. Но отец говорит, что и со щенком-то делать нечего. Не то чтоб он животных не любил или там жадный был — нет, просто не понимает как-то... Прямо замкнутый круг получается, ткнуться некуда.

А коза!.. Она... она смешная, добрая, с ней можно ходить в лес и на луга! Коза бы там бегала, щипала травку и кричала: «Бе-е-е!»

И откуда в Витьке это желание, он и сам не знал.

Был месяц май. И в сибирский маленький городок, где родился и вырос Витька, стало заглядывать солнышко. Прошла река, подсохли ручейки, все никак не мог «просохнуть» друг и товарищ местной детворы дядя Юра Скороходик: по-прежнему сшибал у андреевского магазина пятаки, наливался и рассказывал пацанам о давней, удивительной своей службе на границе. Зазеленели деревья, завизжали кошки на крышах, и сестра Витькина, девятиклассница, расцвела, стала где-то подолгу задерживаться, приходиться домой не одна, а с провожатым, десятиклассником Мишей Звягинцевым.

В былые времена Витька поделится бы с ней, а нынче — куда там — взрослая! И никакая не взрослая, просто Мишке подражает, а тот самолюбленный задавака. Все прошлое лето он околачивался на речке с собакой по кличке Жульбарс. Рисовался им как мог. Жульбарс пользовался у публики неоспоримым авторитетом, пока однажды простая дворняга не разделалась с ним по всем статьям. Правда, дворняга — пес Валерки Бедарева, Витькиного одноклассника. «Черт в ступе», — говорит о нем отец Витьки.

Мишка выделялся перед толпой зевак на берегу: бросал палку в воду и кричал: «Апорт». Жульбарс плюхался и, точно рассчитывая траекторию, плыл за ней.

Подошел Скороходик, поглядел, звякнул пустыми бутылками в сетке и авторитетно заявил:

— Для границы он не пригоден. Пограничная меньше должна быть. Чтоб вертче! А это не собака, это боров.

Миша оскорбился, однако промолчал. Скороходик не унимался:

— Нет, не годен для границы. Туберкулезнику какому-нибудь пойдет: за милую душу сожрет! А на границу не годен.

— Слушай, ты, алкаш, а ну, дергай отсюда по холодку! — взбесился Мишка.

— Ты чо, паря? Я шесть лет на границе... — Скороходик завел старую, всем известную песню. — Через мои руки их десятки прошло. Чо я... Не знаю. Вон они, гляди! — Дядя Юра показал ладони. — Брала диверсантов! — Перебросил сетку в левую руку, а правую выставил вперед и наглядно сжал в кулак. — Маленький! Сухонький! Врежет — смерть!

Тут встрял Валё:

— Я тоже думаю, что на границе эта лоснящая тварь не сможет.

— Ты-то куда, шкет?

— А что? Да мой Тарзан вон, дворняга простая, твоего пса, как котенка, уделает.

— Веди, посмотрим. Пограничники...

Валё сбежал за Тарзаном. Вот говорят: собака похожа на своего хозяина — и точно. Тарзан какой-то пегий, лохматый, с удивленными глазами, вечно срывается с цепи и шастает по помойкам, смешно гоняется за своим хвостом. А у Валё — волосы торчком, домой не загонишь, а летом — первый мастер по чужим огородам.

Мишка и Жульбарс — оба важные, степенные.

Собаки сцепились. Жульбарс сразу Тарзана подмял, а потом стал использовать свой коварный дрессированный прием: схватил зубами сверху, за шею. Но тут-то и сказался известный каждому характер хозяина. Тарзан завизжал, рванулся, отскочил в сторону, оскалился, глаза налились, и бросился на своего противника с такой силой, что двум Жульбарсам не устоять. Еле оттащили.

Валё — это надежный человек. Может, с ним поговорить насчет козы? Они вдвоем с матерью живут, она для него ничего не жалеет. Валё попросит — она ему не откажет.

В школе его не было, и Витька решил узнать, в чем дело, а за одним...

Переулоч, в котором живет Валё, проходит таким образом, что одна его сторона на горе, а другая — под горой. Валё живет на горе, а внизу, напротив, Павлик Жиркин. Наверху стоит беленький, аккуратный домик, а внизу — огромный, кирпичный, с красивыми узорными воротами, с гаражом. Вообще-то, фамилия у них Протасовы, но все зовут Жиркины.

Валё закатывал к себе на горку автомобильную покрышку. Три там уже лежало.

— О! Витька! — обрадовался он. — Пойдем на Гоголевскую быстрее, я там две покрышки видел. Одна вкопана, правда, но мы лопату возьмем. На, закатывай, — передал покрышку Витьке и побежал в сарай.

Валё, когда даже просто идет, кажется — бежит, просто говорит, кажется — кричит, а в любом деле, которое он задумывает, глаза горят так, будто это самое важное в жизни дело.

— Зачем тебе?

— Надо. Пойдем!

По дороге он объяснил:

— Буржуев будем бить. Натаскаем шин, а потом с горки будем пускать. Жиркиным ворота раздолбим!

Витька почувствовал, как ослабли колени.

— А если Жиркины выскочут?

— Уехали. С утра ее тер, тер... Потом сели и укатали. Павлика не взяли, — Валё говорил взахлеб, больно нравилась ему задумка.

— Так он дома? — насторожился Витька.

— Ну, дома, — Валё усмехнулся. — Долго теперь дома будет сидеть...

— А чего?

— Да-а...

Одну покрывку, вкопанную у палисадника (чтоб машины рядом не ездили), бабка Горошиха не дала вытащить, затарахтела на всю улицу. Другую, с обгоревшими боками, благополучно вытащили из лужи, прикатали в переулок, затащили наверх.

Валё прошелся — примерился, откуда лучше действовать. Витьке не хотелось долбить Жиркиным ворота, и он немножко затосковал. С горы было хорошо видно луга. Витька показал на заросшийся у реки ивняк.

— Ты знаешь, козы иву грызть любят...

— А?

— Иву, говорю, козы любят.

— А-а-а... Черт с ними, пусть любят.

Валё поставил шину на попа.

— Может, не надо, — сказал Витька.

Валё посмотрел, будто не узнал, как на чумного посмотрел. Ну, точно — черт в ступе! Вернее, черт на горе. Ни слова не говоря, толкнул шину вниз... Она раскатилась, красиво подпрыгивая на кочках, и глухо стукнулась в ворота.

— Вот так, коза-дереза! — крикнул Валё.

Витьке стало жутко. Валё же радовался, как младенец.

И полетели одна за другой остальные покрывки. Ворота не поддавались. Покрывки ударялись, издавали «ух» и, немного потанцевав, падали. Когда последняя покрывка не достигла желанной цели, Валё не унялся, пуще прежнего распалился, принялся опять закатывать их по одной в гору. Витьке ничего не оставалось делать, как помогать ему. Отговаривать было бесполезно: Валё забирал азарт, вечный его спутник. Со второго захода первая же покрывка заставила хрустнуть задвижку, вторая распахнула ворота и въехала на бетонированный двор.

На крыльцо выскочил Павлик, погрозил мясистым кулаком, закричал гундяво (вечно у него нос заложен):

— Посмотрим еще, тебе еще попадет!..

Витька успел заметить, что левый глаз у него сильно прищурен.

— Я Сакуре скажу, он тебе еще покажет!.. Мы тебя еще подловим! — доносились снизу угрозы.

Валё не обращал внимания.

— Пойдем! — позвал он Витьку.

Повернулся и, засунув руки в карманы, направился в дом. Витька поплелся за ним. Что будет за эту проделку?.. Отец узнает, на улицу не пустит. Какая уж тут коза! И вечно так: с Валё свяжешься — впутаешься в историю.

Лидия Павловна, классный руководитель, говорит, что таких, как Бедарев, — преступный мир

ждет... «Грехов» на Валё — и своих и чужих, приписанных, — значит много. Все началось во втором классе. Валё обвинили в том, что он воровал пирожки в буфете. Его таскали в учительскую, разбирали на собрании. Валё отпирался, плакал. Наконец завуч нашел к нему подход — остался с глазу на глаз и сказал: «Если признаешься, мы родителям сообщать не будем, если нет, то придется вызывать. Ну... Лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Валё подумал и признался. Тогда завуч заинтересовался, как он это делал? Валё растерялся, молчал... «Не хочешь говорить, пойдем, покажешь». А буфет в школе из досок сколочен, вокруг трубы отопления — пустое пространство квадратиком, небольшое, рука едва входит. Пришли. Валё осмотрелся и раскрыл свой секрет: длинную палку с гвоздем на конце просовывал в эту дырку, накалывал пирожок и вытаскивал. «А кто научил тебя так делать? Нам известно кто, но хотелось бы, чтобы ты сам сказал... Сколько ты ему пирожков отдал?..» — Завучу бы следователем работать. Он кого хочешь на чистую воду выведет. Правда, похож он больше на шпиона: темные очки носит. Сидит на уроке, смотрит сквозь темные окуляры — жуть наводит и ногти обрабатывает. То пилочкой их точит, то шипчиками кусает — узорными, что ли, он их делает. Нет, это же надо — каждый день! Может, быстрорастущие какие?..

В то время Витька плохо знал Валё. Хоть и не дразнил, как другие, но тоже считал его вором. А потом оказалось, все было иначе. Мать Валё работает в столовой. Принесла пирожков, Валё сложил их в портфель, притащил в школу и раздал одноклассникам (он всегда все раздает). В школьном буфете как раз пропали пирожки, вот и сделали вывод. Не учителя причем сделали, а девочки-одноклассницы. Услышали, как тетя Клава разоряется из-за пирожков, пошли и сказали: так, мол, и так. А Валё правду говорить не захотел: боялся — о матери плохо подумают могут, вызовут ее. Отказываться — тоже вызовут. Вот и «признался». Ловко про палку с гвоздем сочинил...

С тех пор все шишки летят на Валё. Жиркины часы потеряли: кто заходил? Валё. Сроду не был, а тут зашел. Зачем? Конечно, стащить что-нибудь. К матери его бегали, в школу ходили. Часы потом дома же, у себя, нашли: за что-то завалились.

А этой зимой Валё украл лыжи... Действительно, украл, и вот чудо — об этом-то никто, кроме двух-трех друзей, не узнал. Было так: сломал он на школьных соревнованиях лыжи, занес обломки в комнату спортивного инвентаря, а там никого... Лыжи — страсть Валё! Зимой не найдешь горки, лыжни, по которой бы он не катался. Пару дней побегал на ворованных лыжах, на третий вернулся назад. Физрук, кстати, подумал,

что давал Валё, как спортсмену, а может, сделал вид, что так подумал. У Александра Николаевича память отличная: он все мировые рекорды наизусть помнит...

— Валё, снова же к твоей матери придут, — осторожно говорит Витька.

Валё замер, присел даже. Задумался. До него, кажется, только что дошло, а уж тысячу раз можно было понять: такие шутки просто не кончаются! Надо сказать, Валё очень мать свою любит. Горя приносит ей немало, но она его никогда не ругает, никогда не кричит — только плачет. У Валё в такие минуты комок к горлу подступает. Он готов убить себя, уничтожить, клянётся, повторяет: все! Последний раз! Больше не обидит мать, не доставит страданий! А мать души в нем не чаёт! И отрадно ей, когда встречает учительницу математики. Надежда Ивановна хвалит Валё, способностям его удивляется, но тут же добавляет: ему бы узду!

— Пошли ворота ремонтировать. С Жиркиным как-нибудь помиримся, — решает Валё.

Между прочим, у Валё с Павликом из-за матери разлад начался. Не из-за матери, а... Ну, в общем, пел Павлик песню:

Мы скоро в бой пойдем
За суп с картошкой.
И повара убьем
Столовой ложкой.

Дурацкие слова, но мать-то у Валё — повар...

Он попросил Павлика замолчать, тот специально стал поддразнивать. Знал: неприятно человеку, а дразнил. Валё уперся в Павлика глазами... Потом хватил кулаком.

А драться с Валё бесполезно: он непобедим. Хоть и не сильный вовсе. Слабей Витьки, Жиркина слабей. Но какой-то он верткий, ловкий больно. Главное, напористый. Только Орлов с Гоголевской может устоять против Валё. Так того боятся и не любят; а Валё не боятся и любят: знают — над ним можно беззлобно посмеяться, он не обидится. Иногда смеются и злобно, с ехидцей, подбивают на какое-нибудь «дельце». Валё часто не замечает подвоха. Что он только не вытворял «на спор»! По снегу босиком ходил, с крыши прыгал, воробьев ел... Вот в апреле сволочь Орлов подзудил его за двадцатник пройти на коленях по луже. Еще не успел лед стаять! Валё прошел, взял этот двадцатник и кинул в эту же лужу. Что он доказать хотел? Кому?! Орлову?! Разве он поймет? Посмеется, и только!..

Валё и Витька сколачивают засов к воротам. Витька мнетса, что-то хочет сказать... Наконец спрашивает:

- Ты пил молоко козье?
- Не-а.
- Вкусное, полезнее коровьего!
- Тебе чего сегодня эти козы дались?
- Да так...

Валё молчит, сосредоточенно трудится.
— А вот если козу купить, представляешь! Молоко бы было, шерсть! А потом...

Валё посмотрел так, будто Витька с луны свалился:

— А шкуру на дубленку?

— Ну!..— говорит Витька.— Козу приобрести было бы хорошо! Сарай у вас есть...

— Лучше крокодила. И поселить его у Жиркиных в «ванной комнате»! А из шкуры портфель Жиркин-старший сошьет!..

Валё любил позубоскальничать над Жиркиными. Теперь же особенно злился оттого, что пришлось чинить их засов.

— Не понимаю,— продолжал он,— как ими милиция не заинтересуется? Он же кладовщиком работает! У него зарплата девяносто рублей! Мне Жиркин говорил.

Витька удивился— то же самое говорил его отец. Только добавил— вот он получает в три раза больше Протасова, не пьет и машину купить не может.

Засов сбили, пошли ставить на место.

— А я серьезно насчет козы...— Витька каким-то шестым чувством угадал: настало время и надо сказать напрямик.— Мы будем с ней в лес ходить, траву косить! Я сам за ней ухаживать буду. Но мне не купят... а тебе... если бы ты

мать попросил... А? Она потом оправдывает себя!

Витька говорил сбивчиво, но очень серьезно. Ему очень хотелось ухаживать за козой.

— Хы... Коза! Ее же надо доить!..

— Я сам буду! Я буду все сам делать! И убирать, и все!

То ли желание Витькино передалось Валё, то ли еще что,— и ему захотелось покосить траву для козы. И сараюшка пустовать не будет. А главное, чертовски захотелось этому хорошему Витьке сделать приятное.

— Я поговорю с мамой.

Добрый Валё парень. Добрее доброго, просто нужен к нему подход. Нет, не то, так все-все говорят. Это у завуча «подход». А к нему надо без подходов, нормально, по-человечески, с открытым сердцем!

...Если подняться по переулку Телецкому или выйти из лесу— справа от татарских могил, на зеленой поляночке, можно увидеть двух мальчишек. Около них бегают маленькая козочка: беленькая, пушистая, с едва проклюнувшимися рожками. Вечером прошел дождь, за ночь земля просохла, лужицы остались только на дороге, в колее. Мальчишки сидят рядом, подставив спины солнцу: плечистый, с тихими глазами, и жилистый, лохматый. Они смотрят на козу Майку. Та беззаботно щиплет травку, иногда погля-

дывает на своих друзей, как бы говоря: «Странно, а почему вы не делаете то же самое? Это так вкусно!»

Плечистый улыбнулся жилистому: вот, мол, чудачка. Тот тоже улыбнулся в ответ, одними губами. Сегодня Валё какой-то задумчивый, молчаливый.

— Козы долго живут? — спросил он.

— Не знаю точно, — ответил Витька.

— Меньше человека?

— Меньше, конечно. Лет десять.

Откуда-то со стороны домов черной тенью выплыл Скороходик. Подошел к мальчишкам, поглядел на них твердо, почти трезво и даже презрительно. Выташил из кармана замусоленный червонец и гордо просипел:

— Вы таких денег сроду не видывали! Вам их в век не заработать!

Сунул бумажку обратно, сжал челюсть и двинулся вперед.

Мальчишки пару раз гоготнули. Дальше не пошло.

Скороходик не оглянулся. Уходил своей единственной тропой туда, к разъезду, где толстая тетя в грязном фартуке торгует дешевой разливухой.

— Чего он так пьет? Хороший, вообще-то, человек, — сказал Витька.

— Спойли. Он же классный столяр был. Делал людям, те подавали.

Около молодого сосняка тошая скороходиковская спина крупно затряслась, он закашлялся...

— Папа говорит, не жилец он, долго не протянет.

— Хы. Сколько помню, все соседи так говорят, а он — ничего, живет.

Валё встал, прошелся, пиная что-то невидимое в траве. Сорвал ромашку, хлестнул себя по коленке, подошел к луже, посмотрел на свое отражение. Постоял, подумал.

— Витька, — обратился он как-то затаенно. — У тебя сестра красивая?..

— Не знаю.

— А чего ты знаешь?

— Вроде ничего... Красивая, говорят.

— Ты бы хотел, чтоб тебе сейчас стало шестнадцать?

— Не знаю, — совсем растерялся Витька. — Нет, наверно.

— А я бы хотел.

— Зачем?

— Сильным станешь, большим, и вообще...

— Это четыре года выкидывать из жизни?

— Да и черт с ними! — Валё резко повернулся, сделал несколько шагов. Что-то давило его худое тело к земле. Сел на корточки, уткнулся лицом в колени.

Витька видел только спину, но многое понял его чуткое сердце.

— Валё, чего ты? Валё?

— Да так. Нервный просто я... Психованный...

Майка подняла голову, посмотрела на Валё и подошла к луже.

— Смотри! Смотри! — вскричал Витька.

Лужа Майке не понравилась: она отпрянула назад и наставила на нее рога. Подумав, настоженно потянула мордочку, с интересом и удивлением поглядела на незнакомое существо в воде, снова недоверчиво отскочила и бекнула. Мальчишки покатались по траве, корчась от смеха: такая уж смешная была эта Майка!

— За мной! — вскочил один.

— За мной! — поднялся другой.

Мальчишки бегали, кувыркались, обдирали о траву ноги и спины и не чувствовали боли. Гигикали, смеялись. За ними носилась их подружка: маленькая беленькая коза с едва проклюнувшимися рожками!..

Хвоистые ветки царапали Скороходика щеки. Он этого не замечал. Стоял меж сосенок, смотрел на опушку и неудержимо, извиваясь всем телом, до слез в глазах смеялся...

БАБКА НЮРА

Александр
КРАШЕНИННИКОВ

Рисунки
В. Бубенщикова

Около середины апреля бабка Нюра Нестерова, несмелая на вид старушка, безбровая и свеглоглазая, стянула пряник. Она любила иногда пожулькать во рту что-нибудь сладенькое, причем не на людях, во время обеда, — от взглядов родни, пусть и случайных, пропадал настоящий вкус, — а одна, в ее маленькой каморе возле туалета. Но все сласти, которые появлялись в доме, хоть конфеты, хоть что, тотчас поедал девятиклассник Сашка, внук бабки. Покупать же заедки к чаю специально для себя бабка Нюра не насмеливалась: сюда, в дом дочери Марии, бухгалтера на здешнем автопредприятии, и зятя Дмитрия Андренча Васина, работавшего там же старшим механиком, она переехала недавно и еще толком не обвыкла.

Так и случилось, что она стянула пряник и спрятала его в каморе в посудный шкаф за образок. Шкаф этот, с крупной тяжелой резьбой по стенкам, побитый годами и переездами с квартиры на квартиру, стоял в каморе еще до бабки и был заполнен всякой старью: линялыми рубашками, ношеной обувкой в полиэтиленовых мешках и трещиноватой фарфоровой посудой. После приезда бабки Нюры в нем же стала жить и зачернелая от времени богородица, привезенная ею же из деревни: зятю, руководящему работнику, не поглянулось, когда икона поначалу была поставлена на тумбочку, открыто всякому глазу, он попросил убрать ее в шкаф. В шкафу, значит, ничего, будто и нет ее. Между этим образком и глиняным кувшином — губастым оранжевым львом, стоящим на задних лапах, — она и положила пряник.

Когда же на следующий день — это было воскресенье — она хотела взять его, пряника там не оказалось. Пропажа встревожила бабку. Не столько сама пропажа, сколько то, что случилось она через день после того, как семья стал известен другой бабки Нюры проступок, куда серьезней пряника. Проступок был в том, что она пошла работать. Когда бабка Нюра продала в деревне свой домишко и переехала на жительство к Васиным, Дмитрий Андренч строго-настрого наказал ей: «Отдыхай, Анна Ивановна. Ты в колхозе наработалась, одна-то без мужика напласталась, отдыхай, сиди дома. И тебе покой, и нам разговоров меньше».

Бабка Нюра долго терпела, отдыхала. Два месяца. Но уж больно маятной оказалась городская жизнь без привычных каждодневных забот, больно уж устала от безделья: не выдержала, тайком устроилась мыть полы в галантерейном магазине.

И вот ведь люди — добро не передадут, а тут, как ни утаивалась она, через неделю Дмитрию Андреичу было доложено. Дмитрий Андреич пришел домой белый от злости, и бабка, прокрадываясь из кухни в свою камору ни жива ни мертва со страху, обрывками слыхала, как он в большой комнате наговаривал Марий: «Позор... уже Малахина знает... бабку погна́ли рабoтать... на машину копят».

А теперь еще пряник...

В воскресенье с утра, как обнаружила, что нет пряника, бабка Нюра задвинула в каморе дверной шпингалет и решила не выходить: будь что будет. К завтраку — а он сегодня отчего-то долго, до одиннадцати, все не мог направи́ться — ее не потревожили, и бабка Нюра поняла: сейчас. Она посидела на стуле, на кровати, от стенки к стенке походила, изводясь, хитря с собой, не желая подглядывать через замочную скважину, но в конце концов скважина оборота. Бабка села на стул возле дверей и стала смотреть в нее. Через дверной проем кухни ей был виден один Сашка — долгоспанный худой парень. Сашка, упирая колени в кухонный стол, безостановочно, ложка за ложкой, возил суп.

Где-то внутри кухни, невидимый, разгонял голос Дмитрий Андреич:

— Дай, думаю, там поорудую ветошкой, на полке с иконой, — говорил он, и бабка Нюра дивовала, слушая: никогда она не видела, чтоб Дмитрий Андреич держал в руках какую-нибудь ветошку. Разве что суконку — ботинки потереть. Откуда было знать бабке Нюре, что в коробке рядом с кувшином Дмитрий Андреич сохранял тайный шкалик — он рассчитал, что Мария никак не догадается искать в таком месте, которое у ней на виду, — и вчера надумал взять шкалик оттуда.

— Глянь — лежит, — продолжал Дмитрий Андреич. — Глазированный. Какие позавчера покупали. Ну что ты будешь делать со старухой! Да скажи ты — я тебе этих пряников... Я тебе всю комнату ящиками заставлю — ешь, пока до смерти не наешься, — Дмитрий Андреич говорил ровно, не гневливо, видать, повторял свои же когда-то сказанные слова, для нее, бабки Нюры, повторял. Но вдруг голос его пошел вверх, раскалился. — Нет, мы, стало быть, живодеры, ее впроголодь держим! Она воровать должна! Чего ей не хватает, не знаю.

Бабке было обидно слушать. Одно заладил: не хватает. В этом ли дело!

— Мошет, мошет, — зашипело на кухне, будто плеснули на горячую каменку: Дмитрий Ан-

дреич, разволновавшись, всегда шепелявил, — мошет, ей пенсион еще отдельный выплачивать?

— Батя, не выступай, — встрял Сашка, заметив, что отец пока придуривается и по-настоящему не вошел в гнев.

— Нет, скажи, Маша, — не обращая внимания на Сашку, продолжал Дмитрий Андреич, — не обидно? Ты для нее все, а она тебе вот что. Нет, ладно бы это между нами, девочками, — о чем и говорить тогда? Лично мне она — хоть грузчиком в винный отдел. Но ведь городишко-то у нас: на одном конце чихнул, на другом уже новость, что пять человек от гриппа померли. Подходит ко мне Букин, тот, член месткома, и говорит: «Мы тебя, Андреич, в лучшие люди за первый квартал хотели, а ты... ну и козу ты нам загнул: бабку, ха-ха!.. С бабкой-то как ты, а?» И доволен! Вот так! Улыбнулась премия!

— Да ладно загибать-то, батя, — опять воткнулся Сашка. — Из-за бабки тебе премию не дали — рассказывай!

— Ты куда лезешь не в свое дело? — зашумел Дмитрий Андреич. — Суп доедай и марш куда-нибудь.

— Марш, марш, одно и знают, что марш, — буркнул Сашка и замолчал.

— Малахина по всему гаражу разнесла — людям в глаза хоть не смогри. Я вчера вместо проходной — через дырку в заборе скользом да к диспетчерской.

«Вон оно как! — бабку Нюру стал донимать стыд. — Гли-ко, что делается. Не зря мужик-от пошумливал вчерась».

— Малахина еще та бабешка, — отозвалась Мария. Скупая на слово, она обычно молчала и подавала голос, когда нельзя уж не говорить. Должно быть, Малахина чем-то сильно насолила ей. — Это еще та шалава.

— Вечером-то иду со смены, а она стоит с улыбочкой. До того мне стало паскудно — вот взял бы и залепил ей чем. Подхожу к проходной — и вахтерша туда же, — Дмитрий Андреич остановился, видно, успокаивал себя. — А все старуха. Ты, Маша, поговори с ней, а то я за себя не отвечаю.

«Гли-ко, гли-ко, — переживала бабка. — Должно, придется отказать заведующей, раз такое дело. Совестно — хорошая женщина, уважительная».

Сашка доел суп и, схватив печенину, убежал на улицу. На его место, весь на виду у бабки Нюры, сел Дмитрий Андреич. Вальяжный, волосы хохлом, подбородок уже третьим кольцом за шею идет. Налил себе супу в Сашкину тарелку, стал есть. Бабке беда как было важно, что теперь скажет Мария. Она подвинулась вперед и притиснула ухо к замочной скважине. Но в кухне молчали. Прошло минут пять.

— Да-к вот, — сказала наконец Мария и снова умолкла. Никто другой, кроме бабки Нюры,

в жизнь бы не догадался, что она хотела этим выразить. Но баба Нюра поняла. «Придется отказать заведующей,— подумала она.— А хорошая женщина...»

Бабка Нюра перестала ходить в магазин, не была там уже целую неделю. По утрам она долго лежала на кровати, не спала. Будильник в изголовье минуту за минутой набирал шесть часов, семь, а она все думала, вспоминала родную Афанасьевку.

Сейчас утро. Вот соседка Спиридониха тащит первое ведро с помоями, теперь она почнет их таскать, пока весь заулок не расквасит. Вот Гришка Норнов бежит от Иришки, от гулящей, морду-то закрывает кулаком, будто эдак никто не узнает его. Вот Никола Меньков гусеничным трактором выволакивает из канавы свою «Беларусь»,— видно, засадил ее вчера. Каждый занимается своим делом, кто какое умеет. А на горюшку, в лесок, уже выбралось неяркое теплое солнце, будто трещинами, пересеченное голыми ветками, в лужах белеет сетчатый последний ледок. Из конюховки, хрумкая по ледку сапогами, идет Митрич... Митрич, Митрич, бобыль ты непутевый, пошто бы не вместе...

Бабка поворачивалась к стенке и водила ногтем по обоев, не желая больше вспоминать.

В семь часов дочь и зять уходили на работу. Бабка Нюра вставала и облаживала Сашку в школу: готовила ему завтрак и собирала учебники. Сашка сердился на заботу и, не слушая бабушку, убегал по утреннику без фуражки. Бабка включала телевизор и садилась перед ним. Экран вспыхивал, снова мутнел, но размаргивался помаленьку и светил, подрагивая. Ожидая передач, бабка смотрела в окно, на прохожих, изредка мелькавших сквозь кусты палисадника: квартира была на первом этаже. К вечеру от этих посидок болела голова, ноги, руки. Вроде бы даже и сердце прихватывало.

— Напасть, эка напасть, что ты будешь делать,— маялась бабка Нюра.

Она вставала и бродила из комнаты в комнату, ища себе заделье. Но какая работа в городской квартире? Обед сварить, мусор вынести, пол вымыть — только-то. На час, на два. Бабка бралась ворошить белье: может, починить что найдется. Но белье у Васиных не чинили: прохудившееся выбрасывали или складывали в шкаф с резьбой — неизвестно для чего. Бабка Нюра вставала у окна и смотрела в пустое, в игольных коллективных антенн небо.

На вторую неделю она не вытерпела, опять пошла к Синицыной, заведующей галантерейным магазином.

Теперь по уговору она стала замывать полы в магазине по утрам, перед открытием. Так бабе Нюре было сподручнее утаиваться от чужих глаз. Время побежало для нее ходче. День, располовиненный на магазин и на дом, был уже

просто длинным днем, а не каторгой, как прежде. Меньше стала донимать по утрам деревня. Бабка, радостно тревожась, затемно вскакивала с постели и тихохонько начинала готовиться к работе. Она повязывала платок так, чтоб волосы при наклонах не падали на глаза, вытаскивала из-под кровати ботинки на резине, удобные для мытья пола, примеривала их. Раза два-три нагибалась посреди комнаты, проверяя себя: как она сегодня. Потом садилась на кровать и ждала, когда уйдут зять с дочерью.

После обеда бабка принималась за домашние дела, и так проходил день: в радостных заботах и хлопотах. Жить стало веселее, проще.

Минуло две недели. Как-то раз перед Первомаем, закончив в магазине уборку, баба Нюра с задков, с черного хода, вышла на улицу. Дня за два до этого похолодало, небо зачернело, пошло к земле и стало просыпать мелкую крупку. Земля побелела, дул северный студёный ветер. Люди на улице были одеты по-зимнему, и бабка не сразу признала в мужике, стоящем возле соседнего дома, Дмитрия Андреича. А когда признала, бросилась за дворовую скамейку, за ее высокую изогнутую спинку. Села на корточки, не находя в себе решимости посмотреть в шелку меж рейками, слабая со страху: «Видал, не видал?» Мимо шли ребятишки, лупили глаза на чёкнутую бабку.

Дмитрий Андреич все же заметил ее, хотя на улице, на виду у всех, говорить ничего не стал. Даже не подошел. Но под вечер, едва ступив на порог, махнул кулаком на камору, закричал блажно, тонко, словно пойманная курица:

— Все! Хватит чичкаться! Я ей теперь устрою. Все! Где она?

Бабка Нюра была на кухне. Стояла у стола, прямо напротив каморы, чистила скумбрию к ужину. Мария еще не приходила с работы. Сашка болтался где-то на улице.

— Здесь я, разуй шары-те. Да не голопань-ко! — вдруг смелая от его крику, отозвалась бабка.

— Рассказывай, где была сегодня?

— Где была, там уж нету меня.

— Больше в магазин не пойдешь. И вообще, домашний арест тебе.

— Ну-ко, ну-ко, — не испугалась бабка. Она не знала, что такое домашний арест. — Ишь чо, смелой какой. Поди-ко, не видала эдаких.

Она кое-как прибрала на столе и ушла в камору, заперлась на шпингалет. Дмитрий Андреич хотя никогда не хулиганил, но покричать любил. Чтоб поменьше его было слышно, она и заперлась.

Дмитрий Андреич прошел в большую — с телевизором — комнату и чего-то наговаривал сам с собой, дергая по полу стулья так, что они взвизгивали, как Спиридонихины поросята.

Бабка Нюра, обозленная его криком, тоже

ходила по каморе, не в силах успокоиться и корила себя за то, что продала домишко. Зло брало и на себя, и на Марию, сманившую ее из деревни, и на зятя, горлана малахольного, и на неведомую ей Малахину, и на всю городскую глупую жизнь, и досада эта пополам с обидой все разрасталась.

Дождавшись, когда Дмитрий Андреич малость приутих, она открыла дверь и крикнула, хмелея от собственной смелости:

— Иди-ко ты знаш куда, полоумной? Иди-ко ты в баню вшей вычесывать. Ходила в магазин и буду ходить — не твое дело. — И замкнула дверь на шпингалет.

За дверью с полминуты молчало: должно быть, Дмитрий Андреич приходил в себя. Потом бабка услышала, как он с топотом подбежал к каморе.

— Ты, бабка, вот что... Я вот что... — Дмитрий Андреич, видно, прибежал без ответа и еще выдумывал его. — Пойдешь в магазин — не видать тебе земляничного варенья.

Больше Дмитрий Андреич не сказал ни слова. Ему и не надо было говорить. Пуще всех сладостей на свете бабка Нюра любила земляничное варенье. Особенно из ягод, набранных возле Афанасьевки. Именно такое варенье и было у Васиных: всей семьей ездили прошлый год в афанасьевские леса.

Бабка Нюра села на стул посреди каморы и замолчала.

Назавтра в галантерейный магазин она не пошла. Лишь за день до праздника она забежала на минуту попроведать продавщиц и повиниться перед заведующей. Полы в магазине были черней, чем в конюховке Митрича.

Прошел праздник, и прошла неделя после праздника. В доме Васиных унялись и забылись скандалы, наладился порядок, и Дмитрий Андреич уже подолгу примирительно беседовал с бабкой Нюрой о деревне Афанасьевке, о городской трудовой жизни, о том, что хорошо бы отставить от проклятуших дел да закатить в эту самую деревню.

Ходил теперь Дмитрий Андреич довольный, веселый, победительный.

Но однажды вечером, почти ночью, возвращаясь с работы, — припоздал из-за срочного ремонта автокрана, — он увидел картину, которая попорила ему немало здоровья: бабка Нюра вылезла из окна своей комнатки. Она вылезла на поставленную внизу табуретку, спустилась на землю и засемила к галантерейному магазину.

● Памятник «Партизанская слава» открыт на донецкой земле, в городе Славянске — на месте, где похоронены командир партизанского отряда М. И. Карнаухов и его боевые товарищи. На открытии памятника присутствовали партийные и советские руководители города, родственники героев, следопыты школы № 5.

● В городе Каневе покомится прах Аркадия Гайдара. Каждый год с Каневской туристской базы отправляются отряды по местам последних боев писателя-бойца, по бывшему партизанскому лесу — не отыщется ли где сумка с потерянными рукописями! Этот туристский маршрут так и называется: «Операция «Сумка Гайдара».

● Новая экспозиция открылась в мемориальном музее-штабе 2-го Украинского фронта в Рышканах [Молдавская ССР]. Она посвящена полководцу дважды Герою Советского Союза Р. Я. Малиновскому, под руководством которого разрабатывался план знаменитой Яско-Кишиневской операции. Экспозицию составили экспонаты, собранные следопытами местной школы.

● В издательстве ЦК ЛКСМ Узбекистана вышла книга «Орленок из Ташкента» — о самом юном летчике нашей страны Аркадии Каманине. Материалы для нее собирали следопыты 59 городов Советского Союза и школьники Узбекистана.

● Спортсмены Центрального яхт-клуба в Ленинграде третий год проводят операцию «Острова мужества». Они прошли по всем балтийским бастионам бесстрашия. Свыше шестисот миль оставили их парусники за кормой. В матросском клубе состоялась встреча следопытов-яхтсменов, которые рассказали о результатах Балтийской экспедиции.

● Казанское театральное училище награждено Почетной грамотой Советского комитета ветеранов войны. Поискный батальон училища совершил пятнадцать походов по местам сражений 146-й Островской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, сформированной в Татарии.

● В средней школе села Петропавловка Киргизской ССР с 1955 года ведет работу краеведческий клуб «Барс». Школьники установили наблюдение за всеми известными городищами, открыты ими и новые, ранее неизвестные. В школе, которая располагает экспонатами со времен кочевников-скифов, только в последние годы побывало свыше тридцати тысяч гостей, в том числе из Польши, Венгрии, Кубы, Коста-Рики...

● Человек подарил... музей

Два года назад восьмидесятидвуухлетний старожил села Фроловка Мирновского района Киевской области Протасий Онিকেвич Коркишко принес в школу первые экспонаты. Это были макеты усадеб двух колхозов. Первый — тот, который строил молодой плотник Протасий Коркишко после революции: с глиняными хатами, крытыми соломой... Второй он помог возводить заново после Отечественной войны.

С тех пор старый плотник сделал множество экспонатов для школьного исторического музея. Собственно, музей и создан его руками. Кто сейчас из мальчишек и девчонок на селе знает, в каких домах жили деды? И вот сделал он хатку-мазанку — точно такую же, в какой жила его семья, когда отец на пана еще работал. Рядом — макет мельницы, и так же будто поскрипывают крылья ее, как в те далекие времена, когда таскал туда Протасий тяжелые мешки с зерном. Телега, нагруженная нехитрым крестьянским инвентарем... Лошаденка тащит деревянный плуг... Трактор, на котором нынешние трактористы работают.

Вся история села, вся жизнь украинских крестьян — в этом музее, который помог создать плотник Протасий Коркишко.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Лава стала заповедником

Лава — река под Ленинградом. Она такая же бурная и стремительная, как Терек: настоящая горная река. Следопыты Ленинградского Дворца культуры имени С. М. Кирова установили, что уклон этой реки больше, чем среднее падение Терека — когда-то она была водопадом. И каньон у Лавы уникален: на поверхности выходят такие горные породы, которые в обычных краях залегают очень глубоко. И растительность, как на теплом юге, — раскидистые вязаи, гигантские папоротники, орхидеи... Словом, настоящий феномен природы!

Юные геологи, гидрологи, ботаники и топографы из Дворца культуры имени С. М. Кирова работали на Лаве по заданию Северо-Западного территориального геологического управления. Это была первая большая экспедиция ленинградских следопытов. Они вели комплексное изучение урочища Лавы. Составлена подробная карта реки, сделан геологический разрез, полностью изучена флора, фауна и гидрологические условия.

По рекомендации краеведческого клуба урочище реки Лавы объявлено заповедной зоной.

● Музей целины

Ленинским декретом о земле открывается экспозиция музея целины, созданного в 81-й школе Барнаула — центра хлеборобного края.

Как начиналась целина? Первые эшелоны с добровольцами, первые тракторы и первые борозды; первые палатки... Фотографии рассказывают, как крепла вооруженность целинного хозяйства, как обживалась целина. А вот первый ее подарок — обоз из грузовиков с зерном первого урожая...

Школьники собрали обширную переписку с известными хлеборобами края, комсомольские путевки первоцелинников, удостоверения отличников социалистического соревнования, Почетные грамоты, дипломы.

Три группы работают при музее — поисковая, оформительская, лекторская. История советского земледелия, история Алтайского края имеет и своих следопытов, и своих пропагандистов.

● Трагедия шахты «Богдан»

На территории шахты № 151 «Богдан» во время оккупации города Красный Луч фашисты устроили концентрационный лагерь. Из Ровеньков, Антрацита, Красного Луча и других городов и поселков везли сюда фашисты патриотов. В шурф шахты было сброшено более двух с половиной тысяч советских граждан, в том числе детей, — они стали узниками концентрационного лагеря и были замучены...

О тяжелых временах оккупации рассказывает рукописная книга «Трагедия шахты «Богдан», составленная по материалам очевид-

цев и сохранившимся документам поисковым отрядом следопытов средней школы № 1 Красного Луча. Около пятисот ранее не известных имен замученных людей были ими восстановлены.

Поисковый отряд школы имеет название «РВС», что означает — разведчики военной славы. Он работает десять лет. За эти годы следопытами пройдено 12 000 километров по бывшим фронтовым дорогам.

● Подарок от гостя

Множество интересных вещей собрали в своем музее школьники Шолгской восьмилетней школы Кировской области. Есть здесь и народные поделки, и предметы старого быта. Раздобыли ребята за много лет и редкие книги: «Соловецкий монастырь» 1855 года, «Хитрая механика» 1906 года издания, известная в свое время книга «Фельдмаршал Суворов и его наука побеждать»... Встретишь здесь и билет члена «Союза безбожников», и кубинские спички, и редкий янтарь — подарок выпускника... Хороший музей, и много сюда приезжает посетителей.

...Гвардии подполковник запаса П. В. Пономарев был в Шолге гостем — не родился, не жил в этих краях. Заглянул в школьный музей. Убедившись, что в Шолге знают цену экспонатам и умеют их хранить, он прислал ребятам шашку, подаренную ему лично Семеновым Михайловичем Буденным.

● Весть о пропавших безвестно

Красноармейск — важный железнодорожный узел Донецкого угольного бассейна. В феврале 1943 года здесь шли ожесточенные бои, в которых принимали участие танкисты 4-го гвардейского Кантемировского корпуса, воины других соединений и отдельных частей подвижной группы войск под командованием генерала М. М. Попова.

Недавно, изучая архивные материалы, следопыты средней школы № 18 г. Родинское Донецкой области обнаружили акт о захоронении советских солдат и офицеров в селе Ровном — в двух километрах от Красноармейска. Из 160 фамилий 67 героев, погибших в конце февраля 1943 года, оказались не учтены: в архиве Министерства обороны СССР все они числятся пропавшими без вести.

Удалось установить некоторые адреса, по которым красноармейцы и командиры посылали родным весточки с фронта. По всем сохранившимся адресам написали теперь следопыты, сообщая семьям и друзьям, что герои погибли, а не пропали без вести.

Снова осень встречать на Урале...

**Николай
ДОМОВИТОВ**

Опять стучат, стучат колеса.
И вновь с откоса на откос
Летит стремительно и косо
Листва, опавшая с берез...
А за окном горит рябина
Холодным медленным огнем,
И осень клином журавлиным
Далекий пашет окоем.

Наследство

Орлице не страшно с грозною
соседство,
Не страшно на камни упасть
от бессилья:
Она оставляет орленку в наследство
Орлиную зоркость,
Орлиные крылья.
Змея, подыхая в степном
бездорожье,
Змеенышу тоже оставит немало:
Змеиную злобу,
Змеиную кожу,
Оставит ему ядовитое жало.
Веселая птица, кончину почуяв,
В гнезде умирает спокойно и тихо:
Хрустальное горлышко,
Песню лесную
Оставит в наследство птенцу
соловья.

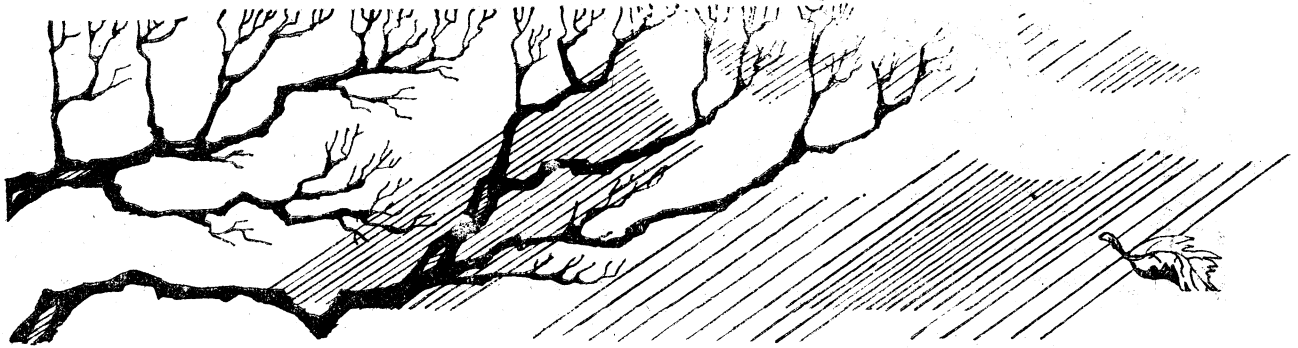
Слепой дождь

Поля потрескались от зноя,
В колодцах высохла вода,
А ты сквозь сито золотое
Идешь, не ведая куда.
И пропадают в листьях мяты
Твои дождинки-янтари.
Ах, дождь слепой,
Возьми меня ты,
Возьми в свои поводыри!

Снова осень встречать на Урале
И на миг, позабыв обо всем,
Видеть мне, как заречные дали
Полыхают прощальным огнем.
Видеть снова, как ежится Кама,
Снова слушать, как в старом бору
Долбит клювом железным упрямо
Старый дятел сухую кору.
И понять вдруг, что четкой границы
Между прошлым и будущим нет,
Что опять это все повторится
Через год...
Через тысячу лет.

**Вениамин
ДРУЖИНИН**

Я снова в том детстве курносом,
Где в избах — ни хлеба, ни дров...
Топор выбивая, береза
Валилась

у рыжих костров,—
А мы все рубили,
рубили,

Слезу рукавичкой смахнув...
Нет, мы не жестокими были
В военную ту весну!
В сугробах

тонула деревня:
Одни старики да мальцы...
А где-то,

как в бурю
деревья,
Падали навзничь
отцы...

Посвежела крышами деревня.
Бродит в травах буйный хмель
земли.

Как мальчишки,
Стайками
деревья
По колено в воду
Забрели.

А над Камой
Радуги подкову
Выковал

на наковальне
гром..

Вот и скрылся дождь русоголовый
Где-то недалеко
За бугром.

Я стою,
Прислушиваюсь к грому,
Мокрую откидывая прядь...
Хорошо
Со столбика парома
Головою в радугу
Нырять!

**Петр
БАЛДИН**

Утро

Просыпается солнышко рано,
Улыбается дымным полям,
Сонным улицам, башенным кранам
И залезшим в бурьян тополям.
И желанному, желтому — рады,
Как весной появлению пенца.
В мир, пропитанный гулкой

прохладой,
Люди сходят упруго с крыльца.
И станки запоют на заводе.
Прогремят трактора вдоль села,
Мерно стрелки будильника ходят,
Завершая дневные дела.
И от дел, в первый взгляд
неприметных,

Ароматнее вызревший хлеб,
И румянее яблоней ветви,
И спокойней открытй ночлег.
И еще, лишь клочками тумана
Ночь сойдет молчаливо-стара,
Запевают легко и гортанно
Петухи по соседним дворам.

**Людмила
ТУРОВСКАЯ**

Зима

О, как искрист невыметенный снег!
Как голубы заснеженные крыши!
Остановлюсь, притихну и услышу
Такой пречистый на морозе смех.

Ну, здравствуй же, подруженька-
зима!
Нет удивленью моему предела.
Опять явилась праздничная, в белом!
За что люблю тебя, не ведаю сама.

Быть может, за синиц и снегирей,
Пустившихся на розыск хлебной
корки,
За детское веселье во дворе
В кругу катка, на деревянной горке.

За глупую привычку перед сном
Бродить по городу до самой
полуночи...
Остановлюсь — и слышу колокольчик
Над тройкою, промчавшейся давно.

Рисунки
Е. Крутских

И храм, и мастерская

Юрий
КУРОЧКИН

Рисунки
М. Тарабукиной

Слово «библиотека» для меня с детства имело особый смысл и значительность. В нем звучало что-то возвышенное и торжественное, как для верующих упоминание о храме. А еще слышалось в нем волнующее ожидание чуда — открытия чего-то неведомого, необычного, но смутно и страстно желаемого. И все это не только звучало и мнилось, но и ощущалось при встрече с Храмом Знания — библиотекой.

С детства же началось знакомство с особым видом библиотек — с личными собраниями. С большими и малыми, значительными и скромными. Знакомство очное и заочное — по каталогам и описаниям.

Это, конечно, тоже кладовые знаний. Но какие же они оказались разные! Как и обычные, бытовые, кладовые — по-разному используемые, играющие разную роль в жизни их владельцев. Встречались библиотеки, которые можно было назвать другом хозяина, библиотеки-помощники, библиотеки-коллекции (в хорошем смысле этого слова), библиотеки, которые можно сравнить с научной работой или творческим созданием, отражающим и развивающим какую-то тему. Встречались и другие, менее уважаемые и совсем неуважительные разновидности, как библиотека-декорация, призванная изображать нечто, чего на самом деле нет: как библиотека-вывеска; как библиотека-склеп, где книги обречены на неприкосновенное захоронение; и даже как библиотека-чулок — замена сберкнижки.

Но в любом из этих типов можно было видеть какие-то индивидуальные черты собрания, позволяющие говорить о нем как о своеобразном духовном автопортрете владельца.

Кроме того, знакомство с личными собраниями убеждало, что сколько-то книг, сложенных вместе, еще не библиотека в высоком смысле этого слова. Беспорядочное скопище нотных знаков — не музыка, тысячи слов — еще не книга, даже

не мысль. Как склад кирпича — еще не здание. И если книга — кирпич, то библиотека — сооружение, оригинальность и значительность которого зависят от зодчего-строителя, и может представлять собой разное — от дворца и до хижины, от легендарных Киеж до дворового курятника.

Вспоминаю книжное собрание Владимира Павловича Бирюкова. Со школьной скамьи осознав великое значение книги, он собирал их всю жизнь. Но не только и не столько нужные лично ему. Он не делал их на нужные и ненужные, считая, что каждая кому-то где-то может понадобиться, пригодиться, особенно со временем, когда она станет не только средством информации, но и реликвией эпохи. Поэтому он не мог равнодушно видеть беспризорную, тем более гибнущую книгу и, как бы ни была тяжела ноша, укладывал в свой походный рюкзак, с которым не расставался даже на совещаниях или конференциях.

И еще при его жизни можно было убедиться в правоте столь необычного взгляда. То, что когда-то многим казалось ненужным, заслуживающим уничтожения, спустя лишь несколько десятилетий стало необходимым людям. В 1935 году «Правда» дала информацию, что шадринский краевед Бирюков передает в дар Челябинской областной библиотеке свое собрание книг и периодики объемом 80 тысяч единиц. Часть книг

позднее, после разделения областей, попала в Курган и там погибла из-за нерадивости местных деятелей культуры. Это был удар, и еще какой! Не всякий вынес бы его, не потерял бы веру в целесообразность своих усилий. Но Владимир Павлович только посуровел и... еще упорнее стал собирать книги, а мне говорил:

— Этот случай — лишнее доказательство того, как важно собирать книги, вон их сколько гибнет...

Над ним посмеивались люди, считавшие себя высококультурными: «Барахло собирает». А он недоуменно спрашивал меня:

— Откуда идет такое непонимание?

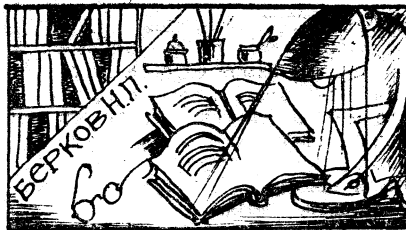
Ему это казалось странным, неестественным для грамотного человека.

Сам он был широко образован, окончил два вуза, имел звание ученого-археолога, его знали как выдающегося фольклориста, историка, географа, этнографа Урала, методиста краеведения и музейного дела. Но, думаю, что не только это помогло ему видеть глубже и лучше, чем другие, а бесконечная любовь к книге и отсюда — понимание высокого значения ее.

Он умел видеть в иной книге то, что не всякий увидел бы. Помню у него выпущенную к юбилею Пермской духовной семинарии справочную книгу о всех питомцах ее. Ну что, казалось бы, нам в ней сегодня? А в ней, оказывается, интересные сведения об изобретателе радио А. С. Попове, писателях Д. Н. Мамине-Сибиряке и П. П. Бажове, о математике И. М. Первушине и десятке далеко не безразличных для нас сегодня имен. А какой любопытный анализ списка учеников провел Владимир Павлович! Питомцы-то шли не только в попы да в дьяконы, а многие использовали семинарию как возможность получить среднее образование, когда других путей к нему не было, как, кстати, это случилось и у самого Бирюкова! Он подсчитал, сколько вышло из семинарии ученых, врачей, медиков, учителей, статистиков, журналистов, и даже сам — бывший семинарист — удивлялся, как много таких было. И сколько биографических справок о них дал Владимир Павлович в разное время!

В начале 60-х годов все свое огромное собрание, в составе которого, кроме богатейшего архива, снова насчитывалось уже около 30 тысяч книг, сдал в государственный архив Свердловской области как справочную ураловедческую библиотеку. И сотни людей из разных городов и краев с нетерпением ждут возможности поработать в ней.

Личное собрание Бирюкова составлялось не для себя — для людей. И стало общественным достоянием.

Павел Наумович Берков — историк, филолог, книговед, член-корреспондент Академии наук СССР, собирал книги конечно же для себя — для работы, ну и, что называется, для души. Но, странное дело, — то, что собиралось для души, рано или поздно становилось объектом исследования, научной работы.

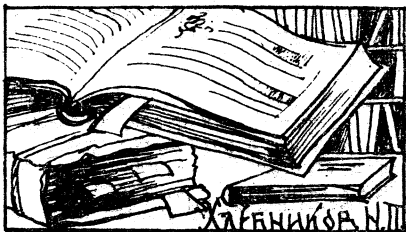
Человек огромных знаний, Павел Наумович был обязан ими книге, служению которой, в свою очередь, посвятил всю научную жизнь. А к науке он относился с глубоким уважением и стремился быть во всем предельно точным. Бывая у него, я с удивлением наблюдал, как он иной раз перепроверял только что извлеченную из памяти справку, не глядя протягивал руку к подручной книге или доставал, взгромоздившись на стремянку, откуда-то из-под потолка — опять-таки почти не глядя. Довольно точно открыв том на нужном месте, разве что перелистав страницу-другую, он подтверждал:

— Ну да, конечно...

Библиотека была его незаменимым помощником, его мастерской.

Но не только ему служила она. К Павлу Наумовичу приходили, приезжали, звонили, писали студенты и аспиранты, профессора и академики, издательства и научные учреждения Ленинграда и многих других городов страны и Европы. И всем им Берков и его библиотека служили безотказно.

Теперь это собрание в Пушкинском доме Академии наук СССР, с которым много лет был связан Павел Наумович. И то, что большинство тех книг есть в библиотеке Дома, дела почти не меняет — сам подбор литературы и порядок ее направляют нередко поиск в области историко-филологических наук — ведь библиотеку составлял человек, заложивший у нас основы библиографической эвристики — науки о поиске в мире книг и рукописей.

...Можно представить себе, с каким наслаждением порывлся бы в этом собрании путешественник прошлого века! Иди нынешний историк-географ, да и любой знаток старой книги и редких документов. Хотя о содержании собрания мы знаем только из краткого описания его в завещании собирателя, но и от одного беглого перечня взволнуется душа книголюба. Вот что содержалось в нем:

«Книг на русском языке 1051 том и журналов 135 томов; на иностранных: английском 80, испанском 10, французском 7, немецком 2, итальянском 1, латинском 1, словарей 7, в том числе один «на неизвестном языке», книг иностранных, не поименованных в каталогах, — 15, рукописная комедия «Горе от ума», тетрадь, заключающая в себе описание сражений на французском языке, статистические таблицы Рио-Жанейро, географических карт 44, дипломы на звание члена-корреспондента Императорской Академии наук и Императорского вольного экономического общества и на орден св. Анны 3-й степени, письма академика Ф. Ф. Брандта, директоров главного управления Российско-Американской компании Муравьева, Чистякова, барона Врангеля и др., памятных книжек 10, писем и записок разных лиц на русском и иностранном языках 2 081 и связок с разными неразобранными бумагами 5. Кроме того, портретов разных лиц 25, картин, писанных масляными красками, 4 и т. д.»

Но в этом интереснейшем собрании уже, увы, не пороешься — его нет. Осталась одна история его, и то смутно видимая.

Едва ли предполагал возможность такой судьбы своего собрания путешественник и ученый, один из директоров Российско-Американской компании Кирилл Тимофеевич Хлебников, когда завещал его родному городу Кунгуру. Собиралось все это многие годы богатой событиями и трудами жизни. Собиралось не из тщеславия и не «для мебели» — книги были его учителями, наставниками, помощниками, друзьями, делившимися с ним в путешествиях разлуку с близкими людьми и с родиной, памятными реликвиями разных лет и мест, разных встреч.

Да и мог ли бы без них купеческий сын из далекого уральского городка, не посещавший университетов и лицеев, стать членом-корреспондентом Академии, видным деятелем по освоению Дальнего Востока, знаменитым путешественником, объехавшим полмира и хорошо известным в обеих частях Нового Света, автором обстоятельных печатных трудов, другом многих замечательных людей своей эпохи?

Жизнь его просится на страницы романов и занимательных книг. Впрочем, так оно и вышло — он стал

персонажем нескольких исторических повестей и романов, о нем написаны историко-географические статьи и очерки, есть и книга, целиком посвященная ему (Б. Н. Вишнеvский. «Путешественник Кирилл Хлебников». Пермь, 1957). Рассказывал он и сам о себе, вернее — о своих путешествиях, в солидных журналах и сборниках. Одну из своих статей он в январе 1837 года послал Пушкину для «Современника», и считают, что только роковая дуэль помешала осуществиться надежде автора увидеть свой труд в этом журнале.

В 1838 году Кирилл Тимофеевич, вернувшись с обеда у своего давнего и близкого друга адмирала Ф. П. Врангеля, неожиданно умер, хотя был еще не очень стар — едва начал седьмой десяток лет. Неизменно аккуратный человек, ревнитель строгого порядка во всем, он заблаговременно позаботился и о завещании, хотя имений и значительных капиталов не скопил, но разумно распорядиться тем, что останется после него, считал необходимым.

Завещание он оформил в виде «Прошения» в правление Российско-Американской компании, с которой был связан всю свою трудовую жизнь, около полувека. О судьбе книг и бумаг он распорядился так:

«Русские и иностранные книги, по каталогу, как наличные, так и подписные по билетам, карты, картины, трубу зрительную и микроскопы прошу переслать (как удобнее) к кунгурскому градскому главе для основания публичной библиотеки на правах, как обыкновенно оные учреждаются, о чем однако ж прошу предварительно испросить соизволения г. министра народного просвещения, представя ему полный список с каталога... Я надеюсь, что кунгурское градское общество не будет невнимательно к желанию моему способствовать образованию нового поколения моих сограждан и назначит для хранения книг особую комнату и, поручив под надзор честному человеку, будет стараться об умножении и содержании в порядке библиотеки... Платье, мебели и другие вещи покорнейше прошу приказать продать и деньги заменить за издержки при смерти моей, на платеж за перевоз книг, на издержки при составлении документов в присутственных местах и за пересылку писем. Из остатков внести за все предполагаемые годы издания Энциклопедического словаря и на десять лет за лучший петербургский журнал для пересылки к числу библиотеки. Если же затем будет оставаться, то прошу назначить также для покупки книг...»

И щедро, и скромно. И предусмотрительно — позаботился о средствах для перевозки книг, о пополнении библиотеки и, помня о традиционном равнодушии городских властей к культуре, об особой комнате для

хранения собрания и о надзоре порядочного человека за ним. Завещалто ведь все самое дорогое, до последней бумажки, в надежде на то, что это может принести пользу его землякам, настоящим и будущим — кто знает, может, кому-то из них захочется повторить его путь или протопить свой, новый...

Кстати, спустя несколько десятилетий один из потомков рода Хлебниковых, Александр Тимофеевич, тоже увлекся романтикой дальних странствий, много путешествовал по свету, объехал несколько континентов, а потом посвятил себя... подземным путешествиям — именно ему мы обязаны изучением и освоением ныне всемирно известной Кунгурской ледяной пещеры. Но довелось ли ему познакомиться с книгами и бумагами Кирилла Тимофеевича и какую роль они сыграли в его судьбе, осталось неизвестным.

Но добротный дар землякам попал не в те руки, которые могли бы способствовать его доброй службе людям. Кунгурские купцы, представляющие городскую думу, приняли подарение с приличествующими случаю изъявлениями благодарности и... тут же забыли о нем. По свидетельству современника, до середины 1850-х годов книги и бумаги лежали сваленными в архиве канцелярии думы, никто не удосужился хотя бы разложить их по шкафам. Разве что любопытствующие чиновники и их жены изредка рылись в привезенных из Петербурга ящиках и извлекали из них что-нибудь «с картинками», а возвращать не спешили.

В одной из статей, посвященных дару Хлебникова, говорилось: «Много книг было расхищено, по всей вероятности, ради картинок при них находившихся. По этому поводу, кажется, возникло дело, и хранители библиотеки должны были внести за утраченные издания деньги... по оценке, едва ли на самом деле возможной при отсутствии каталога». Да и что значили эти копейки по сравнению с утраченными редкостями!.

О бумагах Хлебникова, кажется, и вовсе забыли. А между тем они, несомненно, представляли ценнейший архив, значение которого сегодня трудно переоценить. Здесь должны были быть неопубликованные рукописи Кирилла Тимофеевича (например, черновик статьи, посланной Пушкину) и материалы к ним, дневниковые и научные записи, письма выдающихся мореплавателей и ученых географов, сослуживцев по Российско-Американской компании, среди которых были Д. Завалишин и К. Рылеев. Кстати, у Завалишина при обыске нашли копию его письма Хлебникову, в результате чего и Кирилл Тимофеевич попал в пресловутый «Алфавит декабристов».

Спустя сколько-то лет отцы рода наконец-то решились открыть

общественную библиотеку на базе собрания Хлебникова. В «Статистическом обозрении Пермской губернии» за 1864 год сообщалось о существовании в крае двух публичных библиотек — в Перми и в Кунгуре. Примечательно, что фонд хлебниковских книг уменьшился к тому времени до 875 томов (из 1300). Да и само открытие библиотеки явилось, скорее всего, «мероприятием для галочки» — заботы о ней не проявились никакой, книги продолжали расхищаться и портиться.

О судьбе дара Хлебникова в разные годы писали многие, взывая к общественности и призывая сохранить ценное собрание и сделать его доступным людям. Писал краевед и видный земский деятель Д. Д. Смышляев, земляк и родственник А. И. Хлебникова (газета «Екатеринбургская неделя»), историк и археограф А. А. Дмитриев, но положение не изменилось.

Одна фраза в «Завещании» — «Представя... полный список с каталога» — позволяет предположить, что первоначальная опись все же была. Но она, по-видимому, сразу же затерялась. Не было сделано такой и позднее. Утверждение Б. Вишнеvского в его книге о том, что существовал печатный каталог объемом в 400 страниц, — явное недоразумение.

Вопрос, существовал ли каталог или хотя бы упрощенная опись собрания Хлебникова, интересовал в середине 1960-х годов молодого кунгурского журналиста Валерия Варзакова. И не из простого любопытства — он чуть ли не первым загорелся желанием сохранить память о даре земляка и стал искать его следы. Однако прошло так много времени, что надежд как будто не оставалось никаких. Разве лишь на то, чтобы найти хотя бы несколько хлебниковских книг. Но где их искать? В городской библиотеке старыми книгами, тем более старинными, и не пахло. Разве что в краеведческом музее? Туда он и направился — в бывший воеводский дом, где, кстати, несомненно бывал в дни своей юности и сам Кирилл Тимофеевич.

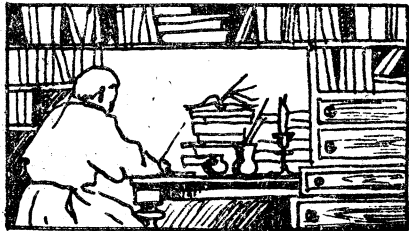
Старых книг там оказалось изрядно, несколько тысяч, но они были свалены в каком-то закутке и тоже без описи. Вот за них-то и принялся Варзаков, решив просматривать все подряд в надежде обнаружить хоть какие-то приметы.

И они нашлись вскоре же — и автографы Хлебникова, и дарственные надписи, в том числе от В. Н. Берха, Ю. Ф. Лисянского, Л. А. Гагемейстера и других видных ученых, путешественников и мореплавателей. За довольно короткий срок выявилось несколько десятков книг, несомненно входивших в собрание Кирилла Тимофеевича.

Конечно, мне приходится здесь рассказывать об этом интересном по-

ушке, о найденных редкостях бегло, скороговоркой, поэтому отсылаю желающих узнать подробности к очерку самого Варзакова «Клад воеводского дома» в № 12 журнала «Уральский следопыт» за 1966 год.

Но Варзаков уехал из Кунгура, не закончив работы, а продолжать ее охотников пока не нашлось.

Наверное, каждого истинного книголюба болезненно волнует всякая весть о судьбе гибнущих библиотек. Но она должна волновать вдвойне, когда речь идет о библиотеке-даре. Здесь возникает обидная этическая ситуация: человек собирал книги, иногда — всю свою сознательную жизнь, почти всегда — ценой немалых трудов, часто — отказывая себе в чем-то, любовно пестовал свое собрание и, понимая его значение и ту пользу, какую оно еще может принести другим, решаете самое свое дорогое, заветное подарить людям. Не тщеславие, не какая-то выгода заботят его при этом, а стремление принести пользу — то доброе человеческое качество, которому учат все хорошие книги. Его дар принимают, иногда даже благодарят, а потом как бы забывают и о нем, и о чувствах и надеждах дарителя, о моральной ответственности за принятое.

К сожалению, и поныне судьбы добротных книжных даров не подчинены какой-то охранительной системе, библиотеки достаточно вольно, без необходимого уважения обращаются с ними, а относятся к ним, как к обычному пополнению книжного фонда. Но ведь есть же разница между партией кирпича и готовым сооружением из него!

Такая система не может не насторожить потенциальных дарителей — тех, кто готов с охотой передавать свое собрание для доброго дела, но невольно задумывается — а есть ли смысл, по-доброму ли отнесутся к его надеждам? Ведь он хотел бы подарить не просто партию книг, а собрание, имеющее свои особенности, которых не имеют книги, взятые в отдельности.

Вопрос этот немаловажный — ежегодно уходят враспыл многие ценные собрания, потеря которых для культуры весьма досадна, о чем мы потом еще не раз вспомним.

И хорошо, что у нас уже есть

хорошие примеры, которые начинают выстраиваться в систему, радующую дальновидностью и показательностью — это судьба собраний И. Н. Розанова, Н. П. Смирнова-Сокольского, А. К. Тарасенкова, заботливо устроенных в московском музее А. С. Пушкина и в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Вот так бы и всегда со всеми книжными дарами — этими благороднейшими из даров!

Наркиз Константинович Чупин (1824—1882), выдающийся уральский краевед и библиограф, начал систематически собирать книги студентом Казанского университета. Его жадность к знаниям была поразительной — он слушал лекции на нескольких факультетах, в богатой университетской библиотеке поглощал огромное количество книг, за короткий срок изучил около десятка языков (а всего к концу жизни он знал более двадцати).

По окончании университета перед ним открывались заманчивые перспективы ученой и служебной деятельности, но он вернулся в свой родной Екатеринбург и удовольствовался местом скромного чиновника в Правлении горными заводами Урала.

Зато теперь он получил возможность рыться, сколько пожелает, в богатейшем архиве Правления, где сосредоточились документы еще со времен Татищева, а также располагать поступившими в его ведение библиотеками горного ведомства и горного училища, где он вскоре стал преподавать. Но, пожалуй, главное, что он получил от своей незаметной и нехлопотной должности, это возможность уделить максимум внимания, времени и сил для спокойной работы над изучением истории и географии Урала.

Через несколько лет о Чупине заговорили как о большом знатке края, особенно литературных и архивных источников о нем. Спустя годы о скромном служащем горного ведомства будут говорить как о человеке, ни до, ни после которого никто так не знал край, как он. Это было достигнуто поистине подвижническим трудом. Есть такое стертшееся от частого употребления выражение — «целиком посвятил себя», так вот к Наркизу Константиновичу его можно отнести без оговорок и преувеличений.

Близко знавший Чупина его земляк Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о нем:

«Он жил каким-то аناхоретом, совсем углубившись в свои архивные занятия. Он не только не бывал в обществе, но почти совсем не выходил из квартиры, где работал над разными материалами с изумительным трудолюбием». В другом месте

Мамин назвал его «талантливым и бескорыстным тружеником с огромной эрудицией и характером аскета».

Основной труд Чупина «Географический и статистический словарь Пермской губернии», выходявший выпусками с 1873 по 1886 год (к сожалению, не оконченный изданием) до сих пор поражает огромностью привлеченного материала. Даже не верится, что это мог сделать один человек.

И тут-то впрямую будет вспомнить, что Чупин «почти совсем не выходил из квартиры». В основном вся громада вместившегося в словарь материала добыта им в архиве и в книгах. Причем не только в специальных трудах, посвященных Уралу, но и в сотнях статей и заметок из разного рода журналов и сборников, из газет — столичных, поволжских, сибирских, из иностранной прессы, за которой он внимательно следил.

Конечно, все, если позволяли возможности, он старался приобретать для своего личного собрания, особенно если этих изданий не имелось в доступных ему библиотеках. Как свидетельствуют люди, близко знавшие Чупина, «ему удалось собрать почти все, что было когда-либо и где-либо напечатано об Урале». Может быть, это и преувеличение, но, наверное, оно недалеко от истины.

Не простым накопительством или коллекционерной страстью объясняется собирательство Чупина. Библиотека была для него мастерской в полном и самом прямом смысле этого слова. И порядок в ней соответствовал особенностям работы и характера большого мастера, не укладывающимся в расхожие понятия порядка как общей для всех системы. Один из современников так описывал эту мастерскую:

«Во всех его комнатах повсюду лежали кучки книг на столах, стульях, под ними, у стен и в углах, некоторые с закладками, загнутыми углами или раскрытыми. Этот кажущийся для посетителей хаос в глазах хозяина был порядок, и даже больше, так как, какая бы ни понадобилась справка, он прекрасно знал, что найдет ее в такой-то комнате, в такой-то куче и в такой-то книге. Кроме того, в той же квартире косяки

окон и дверей были исписаны очень краткими пометками, цифрами, датами, названиями урочищ и т. п. Эти косяки и двери заменяли ему вполне массу записных книжек.

А спрос на справки у него никогда не иссякал, с годами лишь увеличивался. И слова об анахоретстве и аскетизме Чупина не следует понимать в том смысле, что он чуждался людей. Он избегал лишь суеты житейской, отвлекавшей его от любимых им и важных для науки занятий. Каждого приезжего и местного человека, интересующегося Уралом, злободневными проблемами истории, географии, экономики края, он встречал приветливо и помогал ему чем только мог, не считаясь со временем и силами. Близкий знакомый Чупина Д. Д. Смышляев вспоминал:

«К нему шли без всяких церемоний русские и иностранные ученые, путешественники, промышленники, администраторы и просто хорошие знакомые — и всякий уходил от него с запасом новых сведений и с приятным воспоминанием о добродушном, словоохотливом хозяине».

Чупин — один! — стал средоточием справочно-библиографической службы в крае. Он сознавал свою ответственную роль в этом и признавался знакомому писателю С. В. Максимова:

«Я стал как бы справочной книгой для приезжих на Урал и проезжающих в Сибирь». А Максимов называл его «безотказным консультантом для всех».

Библиотека с установленным в ней порядком была основой для работы Чупина, а работа — основой жизни. Поэтому, когда нарушился привычный порядок и библиотека стала как бы чуждой, «несподручной», как говорят мастера про свой инструмент или мастерскую, то нарушилась основа работы, а значит, и жизни. Другой бы, может, это перенес, а Чупин не смог.

Году в 1878 или 1879-м горное училище, при котором Наркиз Константинович имел квартиру, перевели в другое здание. О том, что это значило для Чупина, рассказывает один из его близких знакомых:

«Беспощадный удар был нанесен всем его надписям на косяках и книжному распорядку. Все надписи на косяках и дверях, накопившиеся за двадцать пять лет упорного труда, обречены были пропасть безвозвратно, и вместе с этим пропали для Урала масса труда, времени, знаний Н. К. Чупина. При переносе огромного числа куч книг с открытыми страницами, всевозможными закладками нарушился выработанный трудом многих лет порядок. Новое помещение было так тесно, что нельзя было разместить книги с сохранением расположения, сколько-нибудь похожего на старое. Пришлось

книги сложить в ящики и за неимением даже места для них отправить для хранения на Монетный двор. Это перемещение так сильно повлияло на Чупина, что он сразу осунулся... Удручающее впечатление от новой квартиры порой доходило до ненормального. Труженик науки, самозабвенно влюбленный в Урал, пожертвовавший всем для его познания и популяризации, он никак не мог примириться с тем, что его лишили единственного богатства, которое у него было, — своеобразной творческой лаборатории, и тем самым — возможности работать».

Все это сломило Чупина. Вскоре он умер, еще сравнительно не старым человеком, не дожив и до 60 лет.

Жил он одиноко, семьи не имел, о завещании не позаботился, и библиотека, можно сказать, сиротела. Судебный пристав вынужден был до выявления наследников опечатать ее. Едва ли когда ему приходилось иметь дело с такого рода имуществом. Для верности он поставил на каждой из книг казенную печать ядовито-зеленого цвета (что, кстати, потом весьма пригодилось).

Уральское общество любителей естествознания, почетным членом и одним из основателей которого был Чупин, решило приобрести библиотеку и поручило другу покойного П. М. Вологодскому составить ее опись. Конечно, и для книг, и для общества такое решение — лучше некуда. Дело встало за немногим — за средствами: УОЛЕ, существовавшее на случайные даяния меценатов и незначительные земские субсидии, и так едва сводило концы с концами. Пришлось объявить подписку. Она шла туго и длилась не один год, но все же через несколько лет необходимая (весьма скромная) сумма была собрана, и книги поступили в библиотеку общества. Вначале они, в соответствии с решением совета общества, хранились в отдельных шкафах, а потом... Ну, конечно, потом они постепенно ассимилировались с общим фондом.

Так перестало существовать это замечательное собрание. Книги остались живы, но библиотека погибла...

Собрание Чупина и тогда, и сегодня интересно многим.

Вспомним, например, что у него имелось «почти все об Урале». При чем Наркиз Константинович умел улавливать нужное ему там, где другой и не заподозрил бы (кстати заметить, что в его собрании была литература на 25 языках, а больше таких полиглотов среди ураловедов не встречалось). А библиографические записи его утрачены. И как теперь найти в общей массе также непримечательное с виду издание, в котором, может быть, имеются весьма примечательные сведения об Урале?

А чупинские пометы? Иногда он

ими дополнял, а иногда аргументированно опровергал какие-то места каких-то книг, проводил параллели (как это, например, можно видеть по его примечаниям к библиографическому указателю Смышляева 1876 года). Вот когда без тени иронии можно вспомнить афоризм, что иногда примечания важнее того, к чему они сделаны.

Не будем уже говорить о том, как важно было бы познакомиться с пометами Чупина на полях публицистических материалов «Современника» и «Отечественных записок», которые он бережно хранил, на страницах философских и экономических трудов, чтобы раскрыть духовный мир этого незаурядного человека.

Мастерская большого мастера своего дела всегда хранит много заманчивого. После конструктора — чертежи его задумок, после художника — эскизы и этюды к годами вынашивавшемуся замыслу большого полотна, после писателя — незавершенные произведения, которые могли бы означать новый шаг в его творчестве... Мастерская ученого Чупина тоже могла (должна!) дать исследователям ключи к его несовершенным замыслам.

Но ведь не так уж невозможно восстановить хотя бы часть собрания, если оно целиком поступило в одно место — рано или поздно такая мысль должна была прийти кому-то в голову?

И она пришла. В 1966 году сотрудники научной библиотеки Свердловского краеведческого музея — взявшись за поиски чупинских книг в своих фондах — тех самых, что были унаследованы от УОЛЕ. Конечно, на полное восстановление собрания Чупина надежд почти никто не питал — за восемьдесят лет что-то пропало, что-то было списано как «непрофильное» и «дублетное» (приходится брать эти слова в кавычки, ибо для научной библиотеки, какой титулуется свердловская краеведческая, таких понятий быть не может: одна и та же книга с автографом Карпинского и Ферсмана не могут считаться дублетами!) И все же...

Поисковая группа понимала сложность своей задачи. «Искать пришлось долго и упорно», рассказывает участница поисков С. З. Гомельская. — Протоколы собраний УОЛЕ и материалы Свердловского областного архива помогли проследить судьбу чупинской библиотеки с момента смерти ученого до поступления в библиотеку УОЛЕ».

Такой далекий загляд в предысторию поступившего в УОЛЕ собрания помог выявить главный признак для поисков — тот самый зеленый оттиск казенной печати, которым отштемпелевал судебный пристав книги Чупина сразу же после его смерти. Конечно, этот признак был главным, но не единственным — многие книги не-

сли на себе дарственные надписи их авторов, на некоторых нашлись пометы Наркиза Константиновича, его подпись.

За три года удалось выявить около 650 несомненно чупинских книг — почти половину того, что включала опись Вологодского (но значительно меньше половины чупинского собрания, часть которого попала в Пермь, к Д. Д. Смышляеву). Но впереди еще были возможности новых находок. Как писала та же С. З. Гомельская в 1969 году:

«На очереди просмотр иностранного фонда. Здесь тоже будет немало находок: считается, что у Чупина имелась литература чуть ли не на 25 языках. Одновременно пойдет второй, проверочный просмотр русского фонда, чтобы выявить все пропущенное в начале работы, а затем будет составлен аннотированный каталог».

Пока поисковые работы приостановлены, но нет сомнения, что они будут продолжаться и мы будем иметь и чупинскую библиотеку, и показательный пример доброго дела — возрождения, казалось бы, навеки утраченного книжного сокровища. Может быть, этот пример подвигнет и еще кого-то на подобные дела.

Декабристы на фотографиях

Ссылка декабристов на Урал и в Сибирь для местных жителей стала в какой-то мере даже благом. Опальные дворяне в большинстве своем занимались широкой просветительской деятельностью, под их влиянием развивались новые ремесла, шло разумное освоение природных богатств.

Декабристы первыми освоили в ссылке и фотографию. Об изобретении Дагерра писали тогда очень много. Появились первые самоучители.

Но вдруг все пресеклось. Сохранился необычный документ: «В присутствии Ялutorовского полицейского управления, мы, нижеподписавшиеся, проживающие в городе Ялutorовске, находящиеся под надзором полиции государственные и политические преступники, выслушав предписание господина, состоящего в должности тобольского гражданского губернатора, от 8-го настоящего месяца за № 18, дали эту подписку в том, что обязываемся не иметь у себя дагерротипов и что в настоящее время у себя не имеем. В том подписуемся: Иван Пушин, Евгений Оболенский, Василий Тизенгаузен, Матвей Муравьев-Апостол».

А поводом послужило следующее. Весной 1845 года отставной инженер-поручик А. Давиньон, опытный дагерротипист, отправился со своей аппаратурой по городам Урала, Западной и Восточной Сибири.

Но этот, вероятно, первый профессиональный фотограф в тех краях стал и первым опальным фотографом: им заинтересовалось главное жандармское управление.

В руки жандармов попали портреты-дагерротипы И. Поджо и С. Волконского, отправленные ими своим родственникам в центр. На обороте каждого изображения стоял фирменный знак «А. Давиньон». Он снимал и других декабристов, их жен и членов семей, но при дознании скрыл это и отделался подпиской: «обязуюсь не снимать портретов с упомянутых преступников».

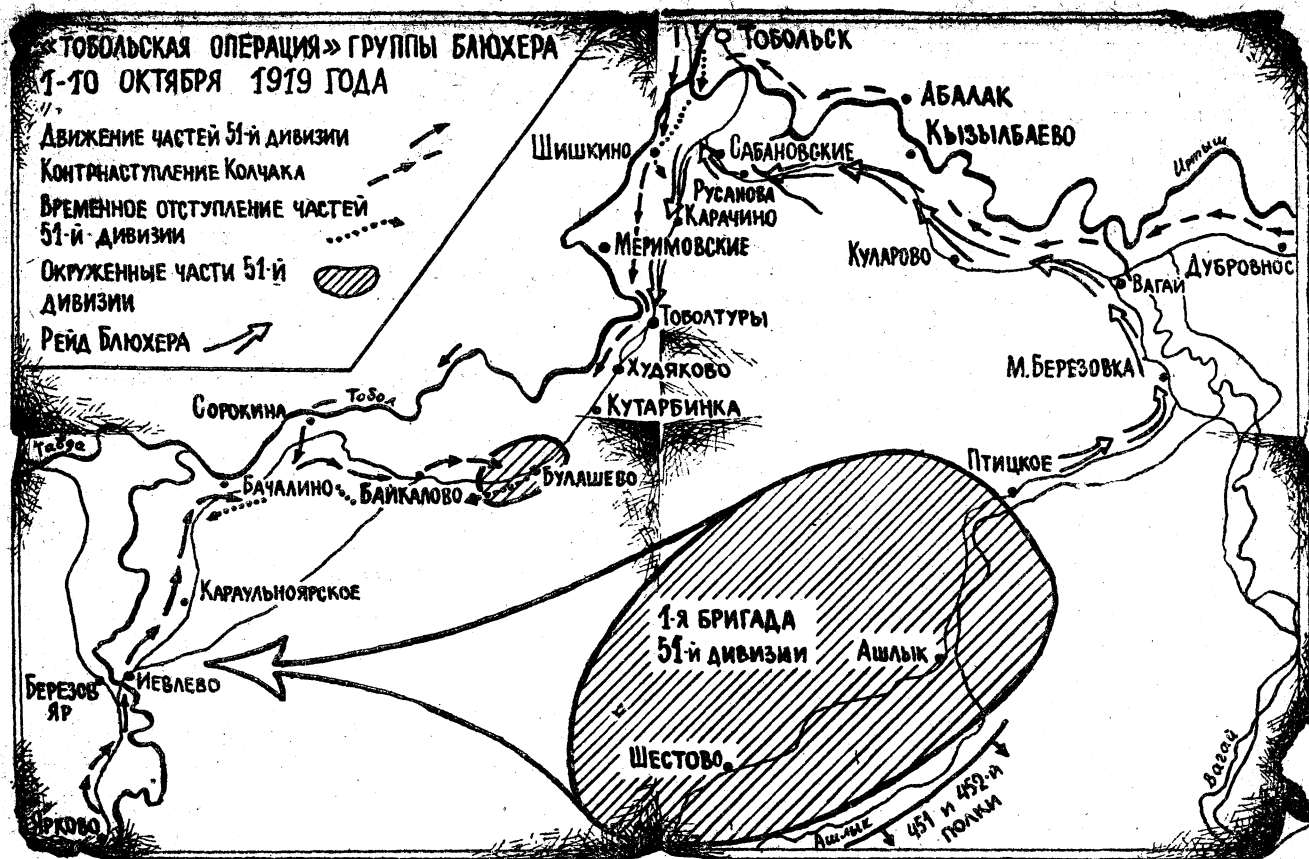
На места же последовало высочайшее постановление: запретить фотографировать «преступников», запретить и им самим иметь дагерротипную аппаратуру.

В 1853—54 годах Е. И. Якушкин (сын декабриста) в поездке к отцу переснял многие рисованные портреты декабристов. Часть их для нас сохранилась именно на фотокарточках, оригиналы погибли.

В конце века фотографией А. К. Кузнецова в Чите был сделан «Альбом по ссылке декабристов» — 45 фотографий.

Евгений
БИРЮКОВ

ИЗ РЕЙДА В РЕЙД

**Василий
БЛЮХЕР**

Сентябрь 1919 года. Перейдя Тобол почти на всем его протяжении, части 3-й и 5-й наших армий наткнулись на внезапно возросшее сопротивление белогвардейских войск. На многоверстном рубеже от Кургана до Ялуторовска Колчак сосредоточил три пехотные армии, добился тройного перевеса в коннице и отважился взять реванш за поражение на Урале...

В самом тяжелом, безвыходном положении оказалась только что сформированная 51-я стрелковая дивизия... Но, зажатая со всех сторон в колчаковские тиски, она не только не была повержена, но сумела вырваться из окружения и нанести белогвардейским полчищам решающий удар.

I.

Первый, один из труднейших периодов боевых действий 51-й стрелковой дивизии долго оставался для меня досадным «белым пятном». Все как-то не удавалось избрать маршрут, чтобы пролегал он по тем местам, где приняла славное боевое крещение легендарная 51-я.

Только нынче в какой-то мере искупил вину перед отцом и его боевыми товарищами — собрался наконец-то наведаться в тобольские края.

В научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника попала мне в руки выдавшие виды газетная подшивка. На одной из первых страниц — передовая статья с заголовком «Красные орлы»:

«Не ищи их, товарищ, на небе, — ищи на земле, ибо они — это солдаты нашей славной Красной Армии.

Они прилетели к нам на Сибирский Север с отрогов Урала... Грозная Мотовилиха, Кыштым, Уфалей, Тагил, Каглинский завод — вот пути перелета к нам Красных орлов.

...Не ищи их, товарищ, на небе, ищи на земле. Они все такие же, как ты, такие же рабочие и крестьяне — учись у них, бери с них пример, всегда будь готов стать воином Красной Армии — армии труда».

Газета «Тобольская коммуна» начала выходить на шестые сутки после изгнания колчаковцев из Тобольска. Правда, из-за несовершенства связи оперативные сводки публиковались почти с двухнедельным опозданием. Возможно, читатели и сетовали на это. А для нас, отдаленных от того времени более чем на полвека, информационные сообщения сохранили свою первоизданную свежесть.

«Наше наступление успешно развивается, — сообщалось в сводке за 28 августа, появившейся в газете лишь 12 сентября 1919 года. — В районе трактовой дороги Тюмень — Тобольск наши части заняли ряд деревень в 70 верстах от Тобольска. На реке Тавде захвачен пароход противника «Александр Невский» с одним трехдюймовым орудием, тремя пулеметами и командой...»

Решительно и инициативно действовали части Второй бригады 51-й дивизии Блюхера. 456-й Рыбинский полк, выиграв тяжелые бои на обоих берегах Тобола, у Березового Яра и Иевлево, стал быстрыми темпами продвигаться вниз по реке. Далее на острие наступления оказался 455-й стрелковый полк: в ночь на 4 сентября он начал форсировать Иртыш близ устья Тобола. Тогда же подошел к Иртышу и 454-й полк под командованием И. В. Боряева, — он переправился через реку на кратчайшем расстоянии от Тобольска и первым ворвался на улицы его подгорной части.

Начдив В. К. Блюхер горячо поздравил своих бойцов: «Благодарю красноармейцев и лиц командного состава за первую крупную победу новой 51-й. Бесконечно рад, что эта победа получена от старых, родных для меня уральцев».

Успех был достигнут, но далеко не решающий. Вскоре наши войска были вынуждены отойти за Тобол.

Белогвардейцы обрушились на части дивизии по многим направлениям. Их речная флотилия отсекла два батальона 454-го полка, были захвачены все его обозы. Вражеские суда, вошедшие в Иртыш с севера, сбили десантами передовые батальоны 455-го полка и 27 сентября вновь заняли бывший стольный град Сибиря.

Как только Колчаку доложили, что Тобольск взят, он оставил все

дела на южном, степном фланге фронта и отплыл из Омска в низовья Иртыша. Адмирал явно предвкушал удовольствие удачной и верной операции... Ставка делалась не только на полное уничтожение 51-й дивизии, но и на выход в глубокий тыл всей нашей армии с последующим ударом в сторону самого Екатеринбурга.

...Собирая по крупицам все эти сведения, группируя их, я более и более убеждался, что из всех соединений 3-й армии, да и, пожалуй, всего Восточного фронта, за полтора месяца тягчайшей «тобольской кадрили» в самом трудном, смертельном положении оказалась только что сформированная 51-я стрелковая дивизия. Но ведь не погибла она, ни на день даже не потеряла боеспособности. Больше того, именно в боях на огромной территории Иртышско-Тобольского междуречья обрела

она свою изначальную громкую славу! Возможно ль?

С той поры минуло целых шестьдесят лет. И я пытаюсь найти объяснение этому факту из истории гражданской войны, ни с каких стратегических точек зрения не объяснимо...

II.

Я ехал на тобольскую землю по еще одной военной дороге отца не с пустыми руками. Давным-давно пытался напасть на след уникальнейшего труда, созданного по следам горячих событий, на третьем году после окончания гражданской войны. Знал его название: «Пятьдесят первая ордена Красного Знамени Перекопская дивизия. История боевой и

мирной жизни за пять лет — 1919 — 1924 гг.» Встречал цитаты со ссылками на эту книгу, но видеть ее не видел. И надо же! Нашел не где-нибудь, а у нас, в Свердловске... На след навел коренной тоболяк, директор областного краеведческого музея А. Д. Бальчугов:

— В «Белинке» нет, и в Тобольске не спрашивайте. А вот в наш областной партархив загляните. Там эту книжицу видел.

Я бережно принял тяжелющий фолиант объемом в 345 страниц большого формата... Отличная бумага. Литографтуры самого высокого качества. Отпечатана книга в бывшей Сытинской типографии тиражом в тысячу экземпляров — разумеется, уже с момента выхода в свет в 1925 году стала библиографической редкостью. Тридцать три года эту книгу как память о боевой молодости хранил бывший политработник 453-го Верхне-Камского полка 51-й дивизии Николай Харитонович Малютин и только в канун 40-летия освобождения Урала от колчаковцев передал ее в дар тогдашнему институту истории партии Свердловского обкома КПСС.

Итак, первый раздел истории боевой жизни дивизии: «На Урал. На борьбу с царскими атаманами и генералами». На странице 43-й сказано: «Обстановка к этому времени сложилась для частей Первой бригады, очутившихся в кольце вместе с 456-м полком, 1 батальоном 454-го полка и 1 дивизионом легкой кавалерии, очень скверная».

Утрачены последние нити связи со штабом дивизии, оставшемся далеко на западе. Несколько дней не поступало донесений от командиров Второй бригады и 455-го полка, чьи подразделения действовали в районе Тобольска. И у самих, куда ни кинь, — всюду клин, со всех сторон обложены врагами. К тому же осеннее ненастье превратило лесные дороги, по которым шло наступление, в сплошное месиво болотной грязи и жижи...

О дальнейшем продвижении на восток и речи быть не могло. Отступать на Тюмень бессмысленно тоже. Попробовать пробиваться на юг? Но идти по болотам равносильно самоистреблению...

В истории дивизии сказано: «Блюхер, учтя тяжелое положение Второй бригады под Тобольском и успешное продвижение колчаковцев в тыл армии, принял новое решение и пустился на рискованную операцию».

На север!.. Надо стремиться туда, где враг не ждет. Бросок на север, к Вагаю, прежде всего давал шансы облегчить положение двух батальонов 454-го полка, попавших в окружение восточнее Усть-Ишима. И не

поворачивать в их сторону, а использовать их как прикрытие в продвижении к Тобольску такой же окруженной Первой бригады...

Начдив не сомневался, что прорыв удастся. А что дальше? Хорошо еще, если 455-й полк дерется там, если не разбит полностью. А если... Опомнятся, придут в себя колчаковцы и зажмут в еще более жесткие тиски. Гибель тогда неизбежна. Пусть и славная гибель — Тюмень будет спасена, будет отведен рассекающий удар врага по тыловым коммуникациям 3-й армии.

...А теперь пусть расскажет бывший боец дивизии Геннадий Васильевич Маладин. Его рассказ переносит нас во Вторую бригаду дивизии, в ее 455-й полк.

Поздним вечером комиссар бригады Степанов вызвал к себе группу молодых красноармейцев.

— Нужны добровольцы для связи с начальником дивизии. Задание опасное и сложное. Кто согласен пойти? — обратился он к бойцам.

Желающих оказалось много. Комиссар остановил выбор на двоих — семнадцатилетних комсомольцах и неразлучных друзьях Геннадии Маладине и Александре Вылегжанине.

Ребята переодели в потрепанную крестьянскую одежду, дали по нагану и лимонке, снабдили продуктами и, вручив пакет с документами, наказали идти лесными тропами, держа направление на юго-восток. Старшим был Маладин. Пакет он зашил на спине старого шабура.

Долго пробирались через лесные чащобы. У речки Борова раздобыли лодку, выплыли в Турганское озеро. Высадился на его восточном болотистом берегу и, вооружившись слегами, запрыгали след в след, с кочки на кочку. К озеру Птичино вышли забрызганные с ног до головы, все в болотной жиже, черные как черти. Не отдыхая, тронулись сухим берегом дальше, забирая все южнее и южнее. И неожиданно натолкнулись на красноармейский дозор.

— Чьи? Откуда? Почему при оружии?

— Из Второй бригады, — наступившись, произнес Маладин.

— К Блюхеру идем! — весело уточнил Вылегжанин.

— К Блюхеру? Из Второй!.. Да вы, пацаны, не с того ли света, случаем? Ведь всю вашу бригаду под Тобольском разбили!..

— Не всю. Бригада фронт держит, — твердо проговорил старший связной и потребовал: — Ведите к Блюхеру! У нас пакет к нему.

Связных проводили в штаб полка, а оттуда на лошадях, под усиленной охраной доставили в расположение штаба бригады. Для ребят истопили баньку, усадили за самовар с морковными шаньгами...

Оперативные документы, принятые Маладиным и Вылегжани-

ным через линию фронта, говорили о том, что Вторая бригада не разбита; два батальона 455-го полка, подчинив себе уцелевшие бригадные команды и службы, организовано отошли к югу от Тобольска, на линию Мамасево — Шинкино, где возобновили неравную, но упорную борьбу с противником. Через день к полку присоединился батальон, попавший в окружение у деревни Новой. Из вражеского тыла он вышел в обновленном составе, имея в боевом наличии семь сотен красноармейцев и триста партизан. И это не все. Они держали связь с тремя полками Третьей бригады.

— Жива дивизия! — с нескрываемой радостью проговорил Блюхер. — Жива и будет жить! Будет и дальше бить и бить колчаковское отребье. Теперь все внимание Тобольску, и только Тобольску!

Для осуществления прорыва на север к утру было решено образовать ударную группу дивизии, на которую возлагалась задача выйти к Сибирскому тракту у устья реки Вагай и повести наступление на Тобольск левым берегом Иртыша через Кызылбаево.

...Ни на западе, со стороны Тюмени, ни на юге, в направлении Юрги и Петровского завода, мощные заслоны колчаковцев, перекрывшие все выходы из болот, так и не дождались ни одной красной роты. Белое командование недоумело: куда же подевалась дивизия красных?!

А объявилась она в первых числах октября на севере, на почти сухом Сибирском тракте, на участке, идущем от Вагая к Тобольску. Противник был застигнут врасплох. Все его карты оказались спутанными.

Колчаковцы, поддавшись панике, несколько деревень по направлению к Тобольску сдали без боя. Ударная группа 51-й дивизии шла на сибирскую столицу, имея около двух тысяч активных штыков и двенадцать легких артиллерийских орудий.

Первое сильное сопротивление колчаковцы оказали лишь 4 октября у деревни Русаново. Шесть часов красноармейцы бросались в яростные атаки. Исход боя решил резервный батальон под командованием С. Д. Горшкова: его бойцы, преодолев топкие болота и заросли колючего кустарника, обошли врага и ударили с тыла. Русаново было отбито. Взяты и соседние с деревней Юрты Иртышские и Сабановские.

III.

Утро 5 октября 1919 года выдалось на редкость ясным. Солнце, взошедшее за Иртышом, высветило сказочный чудо-город, поднявшийся

¹ Конец сентября-1919 года.

на обширном крутояре в каких-нибудь десяти-одиннадцати верстах.

— Кремль Тобольский... — пояснил Блюхеру комполка Боряев, бравший город месяц назад. — В центре — пятиглавый Софийско-Успенский собор. С его звонницы все окрест как на ладони просматривается.

— Выходит, и нас уже засекли?

— Могли, если бинокли наводили.

— В первый раз где переправлялись, Иван Васильевич?

— У Чувашского мыса. А что, еще разок предлагаете за Иртыш махнуть?

— Махнем... Не сейчас. Но обязательно махнем!

Всего лишь год с небольшим минул, как начдив стоял перед таким же выбором. Блюхер провел южно-уральских красных партизан за линию Самаро-Златоустовской железной дороги. Провел подле самой Уфы, в которую тогда съезжались на «государственное совещание» главари продавшегося белогвардейцам Комуча¹. Трудно было удержаться от соблазна пройти боевым маршем по улицам башкирской столицы... Но заход в Уфу в ту пору был явной авантюрой. Удержал главком и себя, и своих не в меру горячих помощников. И так страха нагнали: совещание комучевцев было сорвано, белогвардейская Уфа спешно укладывала чемоданы...

Ну а Тобольск?.. Сам Колчак, как показывают пленные, ныне сюда пожаловал. Игра может стоить свеч... Но начдив все взвесил. Выиграть сражение за город сил не хватит. Разобьют. Бронепароходы — эти плавающие крепости — потерь еще добавят. В считанные дни утратит группа свою ударную силу, не соберешь тогда дивизию в боевой кулак.

— Да... Хорош денек. Что ж, и ознаменовать его надо по-хорошему. Ударим-ка мы теперь на Мамаево, перережем Тюменский тракт и...

— На Тобольск! — поспешил Боряев.

— Придет и его черед. А пока — видит око, да зуб неймет...

Мамаево было занято настолько быстро, что осталась неповрежденной телефонная линия. Командир 453-го полка Ф. И. Ольшевский подключился к проводу и стал ждать.

Был перехвачен разговор полковника Колесникова с командующим тобольской группой войск генералом Франком. Полковник доложил о спешном отводе частей с линии фронта к Шукино, где им предписано быть не позднее, чем через восемь часов. Франк уведомил, что Тобольск спешно укрепляется, переправы через Иртыш взяты под охрану бронепаро-

ходами. Белогвардейские командиры ставили задачу своему 27-му пехотному полку — во что бы то ни стало задержать красных до подхода Воткинской дивизии.

Вслушав Ольшевского, начдив, ни минуты не медля, объявил свое решение:

— Коли так, и нам ясна задача. Надо быть в Шукино ранее Колесникова, чтобы не 27-й полк задержал нас, а мы его убрали со своего пути.

Шукино было взято внезапным ночным налетом. 27-й колчаковский полк откатился вверх по Тоболу и только на рассвете сумел встретиться с подходящими частями Колесникова.

А днем генерал Франк подтянул от Тобольска свежие силы, в том числе три полка из гвардии Колча-

ка — Воткинской дивизии. Под их натиском наши оставили Мамаево и Шишкино и оказались зажатыми со всех сторон на трехверстовом пятатке в районе Шукино. Вместе с подводами, на которых лежали раненые, их насчитывалось до четырехсот...

Появились два гидроплана. Артиллеристы и пулеметчики заставили их держаться на высоте. С воздуха на землю полетели не бомбы — листовки: «Вы окружены, спасения нет, и за каждую минуту сопротивления будет беспощадная расправа», — грозился враг.

В ночь на 8 октября командиры полков и батальонов, входящих в состав группы, собрались на совет.

— Как отнеслись бойцы к листовкам? — спросил начдив.

— Пустяки их на курево.

¹ Комитет членов Всероссийского учредительного собрания.

— Иного не ждал. Что еще доложить можете?

— Патронов на сутки, — угрюмо произнес Борзяев.

— Хлеба нет четвертый день, — добавил Ольшевский. — Две картофелины — весь рацион.

— Знаю. Выход один — завтра же вырваться из капкана. Атакуем на рассвете, направление — Карачино. Зайдем все силы, за исключением батальона Горшкова. Вы, Степан Дмитриевич, опять будете последним козырем.

Пробиться к Карачино не удалось. Белогвардейцы сдержали натиск и сами ринулись на красные ряды. Со стороны Мамаево с духовым оркестром шла колчаковская гвардия; с юга — пехотинцы генерала Колесникова...

До полудня красные отбили шесть яростных атак. Даже раненые дрались, пока руки держали оружие, и единственное, чего просили, — воды и патронов. В критический момент Блюхер взял из батальона Горшкова роту и повел ее в самое пекло боя. Был он в черной кожанке, на околыше фуражки ярко светилась красная звездочка. Бойцы в передовых цепях воспрянули духом и оттеснили белогвардейцев назад, к Мамаево.

Когда, после небольшого затишья, колчаковцы возобновили атаки, Блюхер пустил в ход последний козырь. Две оставшиеся роты Степана Горшкова пошли в обходной маневр по болотам. Коренной уралец, прирожденный охотник, привыкший с юных лет ходить по таежным тропам, комбат вывел своих бойцов за спинами врагов и еще до сумерек подал ракетой условленный сигнал. Неожиданный удар рот Горшкова по белогвардейскому тылу помог пробить брешь в кольце окружения.

Позже, представляя командира 2-го батальона 453-го полка С. Д. Горшкова к награждению орденом Красного Знамени, Блюхер вспомнит бой под Карачино: «Эта победа спасла не только группу 51-й дивизии, но и несколько других дивизий Красной Армии».

К вечеру 10 октября ударная группа смяла заслоны врага и вышла на позиции двух своих других бригад. Исхудалые, заросшие, с воспаленными от бессонницы глазами, участники рейда получили долгожданный отдых. Почти одновременно пробилась, прорубая топорами в лесах дорогу, 451-й и 452-й полки.

Теперь все части дивизии собрались в единый крепкий кулак. Запланированный Колчаком разгром 51-й стрелковой не состоялся.

В середине октября все части Восточного фронта возобновили наступление, и на левом фланге по-прежнему победно шла молодая советская дивизия. Разгневанный «верховный правитель» бжегал из Тоболь-

ска в Омск, его пароход чуть не попал под обстрел нашей артиллерии.

22 октября 1919 года 51-я стрелковая дивизия вторично освободила Тобольск.

«Героям-красноармейцам не страшны ни подчища белых, ни непроходимые болота, ни лишения, ни голод, — приветствовал начдив своих богатырей. — Во имя господства труда над капиталом вы бодро перенесли и готовы в будущем перенести все выпавшие на вашу долю невзгоды, горя единственным желанием скорее прийти к заветной цели освобождения рабочих масс от ига капиталистов. Пусть эта победа будет путеводной красной звездой к новым подвигам и послужит залогом дальнейших успехов в борьбе с отчаявшимся в своих силах врагом».

...Тобольск. Во всей Сибири нет города, который по славе мог бы сравниться с ним. С Тобольском связано имя легендарного воина и землепроходца Ермака. Каждый, кто попадает в стольный град Сибири, спешит встретиться с ним. Побывал, разумеется, и я у памятника казаку-атаману. Остроконечный обелиск из уральского гранита, установленный на высоком и крутом яру, хорошо виден с Чувацкого мыса на Иртыше, где 23 октября 1582 года произошла решающая битва ермаковских воинов с кучумским войском. И там же, на Чувацком мысу, почти три с половиной века спустя — 4 сентября и 22 октября 1919 года — вновь разыгрались решающие бои уже за новый, советский Тобольск. Рядом с памятником Ермаку тобольяки опускали в братские могилы борцов за Советскую власть. На их месте теперь сооружен мемориальный комплекс: огонь славы освещает надгробие и четко выбитые на нем бессмертные имена героев гражданской войны...

Впереди у 51-й дивизии были Новониколаевск и Иркутск, а потом — Каховка и Перекоп. Еще в детстве я заучил наизусть четверостишие, которое очень любил и часто читал нам отец:

И, разогнав крутые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы красные знамена пронесли.

Говорил или нет он о том, кто автор этих строк, — не помню. Но строки те жили во мне. И какова же была моя радость, когда в «Истории боевой и мирной жизни 51-й дивизии» я узнал это четверостишие среди семи других большого стихотворения! Оно было подписано именем, которое в комментариях не нуждается, — Э. Багрицкий. Молодые тобольяки были первыми, кому поведал я о своем запоздалом открытии:

На Колчака! И по тайге бессонной,
На ощупь, спотыкаясь и кляня,
Бредем туда, где золотопогонный
Ночной дозор маячит у огня...

Был я рад услышать, что молодыми не забыты, свято чтутся и по-серьезному изучаются героические дела, совершенные на земле тобольской красными войнами 51-й дивизии. Походы по местам их боев стали излюбленными маршрутами летних экспедиций пионеров и комсомольцев. Зачинателями их явились учащиеся школы № 1 во главе с Ю. В. Маловым. Они впервые прошли по «большому кольцу» боевых действий дивизии, явились инициаторами создания школьных уголков и музеев славы в Шестово, Ашлык, Вагае, Русаново, Карачино, близ которых шли когда-то горячие схватки. За пятнадцать лет немало «витков» по этому кольцу сделали и другие туристско-поисковые отряды...

Свердловск — Тобольск

ЧЖУД-ШИ

В Бурятском филиале Сибирского отделения Академии наук СССР есть единственное в своем роде научное учреждение — отдел биологически активных веществ индо-тибетской медицины. Здесь работают и филологи, и химики. Первые переводят на современный язык древние книги Тибета, а вторые по старинным рецептам создают лекарственные препараты.

Еще в 1866 году впервые на русский язык была переведена главная книга тибетской медицины «Чжуд-ши». Ее изучали многие отечественные востоковеды. Что же она из себя представляет!

Почти полтора века назад Европа узнала о существовании удивительной тибетской медицины и ее основного трактата «Чжуд-ши», но еще много тайн хранят страницы этой древней книги.

«Чжуд-ши» буквально означает «четыре тантры», или четыре главы: основа основ, теоретическая медицина, клиническая медицина, дополнительная основа. «Чжуд-ши» написан в стихах. Это около 14 000 строк. Вокруг «Чжуд-ши» много трактатов, комментирующих его. История создания и распространения «Чжуд-ши» — история тибетской медицины. Вплоть до 1662 года «Чжуд-ши» считался «запрещенной книгой», был известен лишь профессиональным медикам, передавался устно, то есть заучивался наизусть. Первое его массовое издание (ксилографическое)

было осуществлено в 1662 году. Это так называемое датхангское издание. «Чжуд-ши» затем неоднократно издавался в Тибете, в Китае, в Монголии и в Бурятии. Самое последнее ксилографическое издание «Чжуд-ши», по нашим данным, это издание известной печати Агинского дацана «Дэчен-лхундублинг» (1892—1894), которое имеет весьма ясную печать и которое мы готовим к факсимильному изданию. Самый общепризнанный комментарий к «Чжуд-ши» — обширный трактат регента Тибета Дэсрида Санчжай-чжамцо (1653—1705), называемый в обиходе «Вайдурья-о-нбо» (1688—1689), что буквально означает «голубой берилл» (берилл, согласно тибетской медицине, целебен).

Все лекарства, упоминаемые в тантрах, прокомментированы в трудах известного тибетского медика Даргэ Дилмар-гэбши Дандзин-пунцока (XVII—XVIII вв.), который за свое пристрастное отношение к кунжутному маслу получил прозвище Дилмар (тилмар — кунжутное масло). Отношение к «Чжуд-ши» некоторых современных медиков можно определить словами арабского завоевателя XII века Халифа Омара. В одном из покоренных им в Индии городов обнаружили множество индийских книг. Спросили у Халифа, следует ли

их разделить — как военную добычу — среди правоверных. Он ответил: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, они вредны».

Источниковедение индо-тибетской медицины требует участия разных специалистов. Первый пример комплексного изучения древности был подан в Институте гималайских исследований «Урусвати» в 1928—1939 гг. Первым и бессменным директором института, основанного Н. К. Рерихом, был его сын, профессор Ю. Н. Рерих. Коллектив института проводил первый опыт проверки древней медицинской практики современными научными средствами. В отчете института «Урусвати» за 1931 год профессор Ю. Н. Рерих писал: «Мы располагаем интересными данными, оправдывающими исследования в области раковых заболеваний в этой части земного шара, где раковые заболевания встречаются сравнительно редко. Изучение местного питания может принести важные открытия». И далее: «Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима... Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто, благожелательно истолковано языком современности, и что «...истинный творец прежде всего не доходит до отрицания самых поучительных накопленных древнего опыта».

В основе тибетской

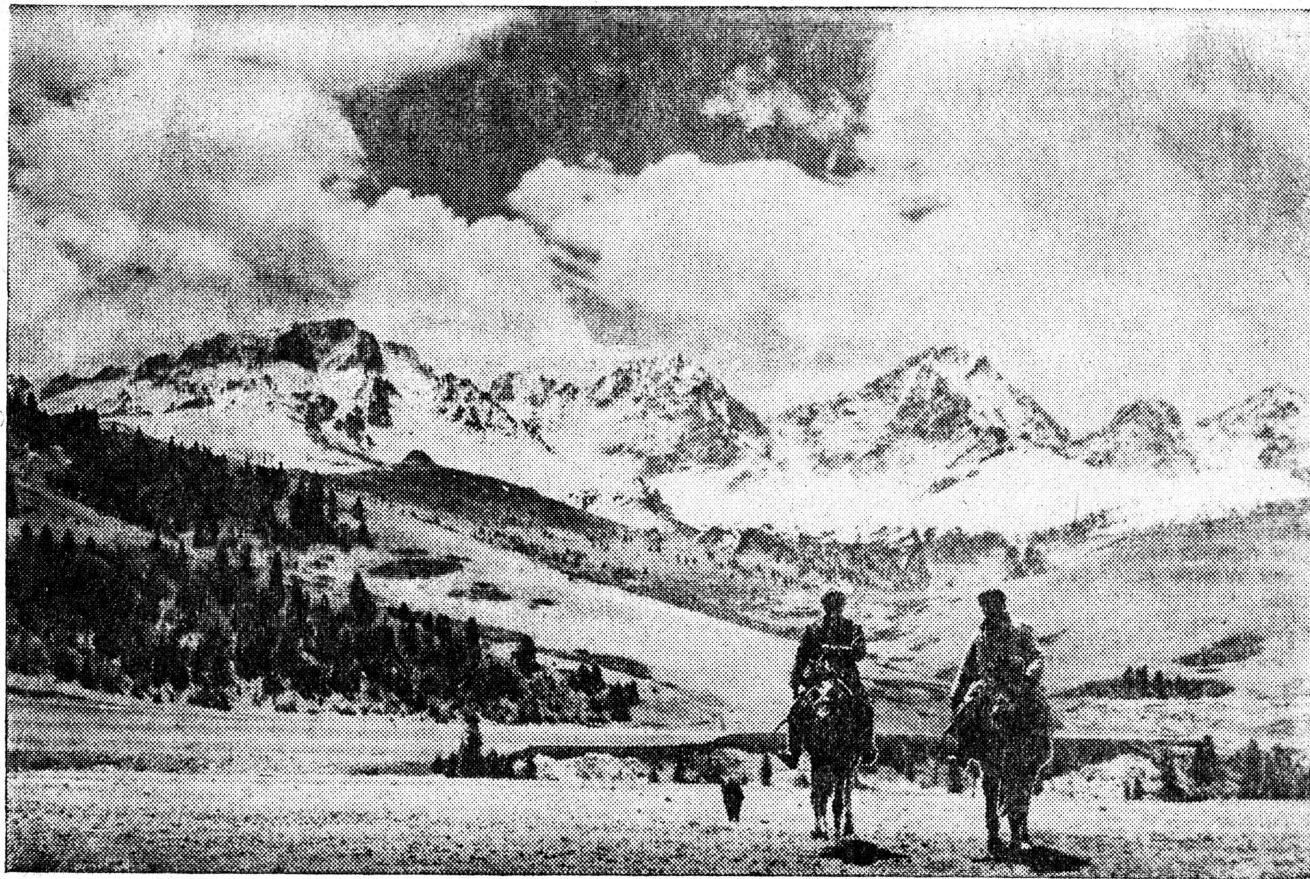
фармакопеи и фармакологии лежит принцип: «На планете Земля нет того, что не могло бы быть лекарством, как в натуральном, естественном виде, так и в соединениях». Этот тезис глубоко материалистичен. В трактате «Шэлпхрэн» (1727) — сочинении по тибетской медицине — описаны 3 490 лекарственных средств минерального, растительного и животного происхождения, из которых ныне лишь очень немногие применяются. А вся тибетская фармакология, согласно «Чжуд-ши», состояла из сорока шести с лишним тысяч элементов...

Стихотворную форму «Чжуд-ши» можно определить как научную поэзию. Все 156 глав «Чжуд-ши» — это вопросы и ответы.

Весь этот поэтический диалог происходит, согласно описанию «Чжуд-ши», на некоем конгрессе медиков, где собрались и сидят отдельно, молчаливо внимая диалогу, четыре группы медиков: буддисты, небуддисты, тиртхики, брахманисты, а посреди них молча восседает верховный медик Буддха Бхайшачья-гуру. Диалог идет между Маносиджа, который чудесным образом выходит из причиски верховного медика и задает бесконечные вопросы четырем братьям Видья-джняны, появляющимся из разных мест его тела и дающим ответы. Все это весьма созвучно с тем конгрессом медиков, который действительно проходил в 520 г. н. э. в медицинской школе Джундишапура, куда прибыли и индийские медики и где, согласно сочинению арабского историка Ибн ал-Кифти (1172—1248), действительно состоялся диалог.

БАЛ-ДОРЖИ-БАДАРАЕВ

**Станислав
МЕШАВКИН**

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА КИРГИЗИИ

Статистика знает все или почти все: народонаселение земли, запасы полезных ископаемых, расстояние от нашей планеты до Марса или Венеры, вплоть до, казалось бы, не поддающегося учету количества растений и животных на Земле. Правда, колебания в последнем случае значительные — от трех, как полагают одни, до 10 миллионов видов, как считают другие. Тут-то и пригодилась спасительная оговорка «почти».

Разумеется, статистика готова ответить на такой простой для нее ответ: сколько озер в СССР? Оказывается, 2,8 миллиона! Жизни человеческой не хватит, чтобы побывать хотя бы по часу на каждом из них. И трудно даже самому себе пояснить, не то что другим, в силу каких причин из всего огромного перечня я

выбрал для себя три — Телецкое, Байкал и Иссык-Куль. Байкал и Телецкое удалось повидать, и вот в жаркий августовский день сижу в «Жигулях», увозящих меня из столицы Киргизии — Фрунзе на Иссык-Куль.

Дабы не сбить читателя с толку, сразу оговорюсь, что попасть на знаменитое озеро не так-то просто, если, конечно, не стоят за спиной такие могучие организации, как «Интурист», просто «Турист», «Спутник» или еще того могущественнее. Не спасло и редакционное удостоверение, предусмотрительно выписанное в Свердловске до Иссык-Куля. Оно стало действительным после разрешающей визы начальника республиканской ГАИ.

Так, еще не ступив ногой на бо-

рег озера, я ощутил, сколь непросто экологические проблемы, связанные с Иссык-Кулем. В озеро впадает 81 речка и ни одна не вытекает. Если реке свойственно самоочищаться, то озеру — напротив, самозагрязняться. Многочисленные животноводческие фермы, промышленные предприятия, коих, к счастью, не так уж много, сбрасывают отходы в озеро. И когда в довершение ко всему хлынул мощный поток «диких» туристов, многие из которых действуют по принципу «что хочу, то и ворочу», пришлось прибегнуть к спасительному шлагбауму на шоссе. Благо, здесь не то, что на Урале или в Сибири, — пост не объедешь, не пройдешь: скалистые горы и глубокие ущелья стоят надежным заслоном.

Честно признаться, с первого взгляда озеро не показалось мне привлекательным. Берега или оголенные, или опоясаны узкой ленточкой облелихи. С трудом выбрали место, чтобы приткнуться машину. Горное солнце палит нещадно, песок нагревается до 55 градусов. По привычке ищешь спасения в тени кустарника, да не тут-то было. Ветки облелихи, унизанные острыми колючками, словно взявшись за руки, отбрасывают назад. Колючки сверху, колючки снизу, все более крепнущее ощущение, что тебя медленно поджаривают на знойном песке — как тут не вспомнить «дикому» туристу одну из своих любимых песен: «Мама, я хочу домой...»

Но стоит окунуться в чистейшую воду — она солоноватая, но пить можно, — ощутить ногами ласковое дно, как тотчас же уходят куда-то усталость и раздражение, тело наливаются бодростью, и начинаешь понимать тех, кто едет сюда за тысячу верст. Право, что касается меня, то, тояко стоя по горло в воде, я сердцем признал правоту рекламных проспектов, воспевających эти края. Противоположный берег, пусть и в легкой дымке, все-таки виден, даль манит, зовет к себе, но вспоминаешь протокольную строчку из справочника — ширина озера 57 километров — и вовремя одергиваешь себя: око видит, а собственными ручками-ножками до противоположного берега не добраться.

И вся эта огромная чаша воды — Иссык-Куль по объему вдвое превосходит Аральское море — заключена в оправу из снежных гор. Восточная речья склонна к метафоричности, к известной изысканности. Один из обрамляющих озеро хребтов носит название Кунгей-Алатау («обращенный к солнцу»), другой — Терскей-Алатау («обращенный от солнца»). Город-курорт на его берегу именуется совсем романтически — Чолпон-Ата, что значит отец звезд. Красота будит поэтическое воображение человека.

Избалованный современным телевидением, которое простым пере-

ключением канала всецело перенести тебя из морозной Якутии на берега знойной Амазонки, незаметно для себя начинаешь мыслить и ощущать категориями кино. Вот и я поймав себя на том, что смотрю на эти места, как на кадры цветного пейзажного фильма, снятого искусным оператором. И впрямь — как в кино. Краски яркие, контрастные, границы их четко очерчены. Голубизна озера сразу переходит в белизну песка, затем идет коричневатость горных склонов, а венчает их снежная шапка. И совсем уж в дальней проекции, но отчетливо просматриваемая — зубчатая ленточка Тянь-Шаньского хребта.

Иссык-Куль в переводе с киргизского означает горячее озеро. Почему озеро, лежащее на высоте 1600 метров над уровнем моря, не замерзает даже в суровые холода? До недавнего времени полагали, что его обогревают подземные источники, которых здесь, кстати, немало. Последние исследования ученых опровергают эту гипотезу. Оказалось, что на большой глубине — а она достигает почти 700 метров — воды достаточно прохладны и температура их ниже ста метров устойчива на протяжении всего года — 3,5—4 градуса. Озеро само по себе является столь могучим аккумулятором солнечной энергии, что его не в состоянии остудить ледяные ветры. Кстати, ученые Киргизии предполагают «приручить» солнце. На берегах Иссык-Куля намечено строительство опытного геотехнического полигона, чтобы солнце обогревало парники и теплицы, приводило в действие кондиционеры, холодильные устройства. По их подсчетам, это позволит сэкономить до 70—80 процентов топлива. Из всех источников энергии солнечная, как известно, самая безопасная. Заставить природные силы работать на защиту охраны природы — не в этом ли проявление высшего разума человека?

Иссык-Куль — огромный, но хрупкий сосуд. За два столетия уровень его значительно понизился, в последнее время процесс происходит еще более интенсивно — ежегодно на 4—5 сантиметров. Основная причина — обмеление рек, по берегам которых некогда росли густые леса — естественные накопители влаги, а сейчас от многих остались лишь островки.

Человек нарушил естественный процесс в природе — человеку и исправлять свои ошибки. Обходится это, правда, в миллионы рублей, ибо давно проверено, что разрушать легче, чем созидать. На сотни тысяч идет счет посаженным в последние годы вдоль рек и озера фруктовым, лиственным и хвойным деревьям. Многогорный лесной пояс протянется почти на 500 километров. Основан заповедник целебных трав.

Иссык-Куль — здравница не толь-

ко для человека. По оценкам специалистов, на озере зимует около 50, а в иные годы до 100 тысяч птиц, в основном уток. Со степных озер Казахстана и Сибири прилетают царственные лебеди. Отдохнув, они весной покидают озеро, чтобы осенью вновь вернуться сюда с молодым потомством.

По свидетельству Семенова-Тянь-Шанского, были времена, когда озеро кишело огромными сазанами. Казаки, войдя в воду с шашками, рубили ими запутавшуюся в зарослях рыбу. Таким оригинальным способом за два часа было «выловлено» около 11 пудов. Времена эти в прошлом. Промысел чебака, голого османа, маринки колеблется ныне от 2,5 до 4 тысяч центнеров в год. Есть и сазан, но уже не в тех сказочных масштабах.

И снова на арену действия выступает человек. Еще в 1930 году из озера Севан вывезли на самолете полмиллиона икринок форели. Эксперимент не удался, его повторили снова. Через несколько лет, во время Великой Отечественной войны, сети вытащили на берег невиданную доселе здесь рыбу, которую отправили ученым «на исследование». У себя на родине севанская форель весит 700—800 граммов, изредка 4 килограмма, а пойманный в Иссык-Куле экземпляр достигал 11 килограммов. Прижился в озере и аральский лещ, широко ведутся опыты по разведению судака и зеркального карпа.

Иссык-Куль — сокровищница не местного, а общесоюзного, может быть, мирового значения. Судьба озера стала предметом обсуждения Центрального комитета компартии Киргизии и Госплана СССР (см. газету «Правда» от 14 января с. г.). Предусмотрено убрать с побережья все животноводческие фермы, кошары, полное биологическое очищение промышленных стоков, благоустройство мест массового отдыха и т. д. За сухими протокольными строчками явно встает забота о сохранении и приумножении природных богатств уникального озера.

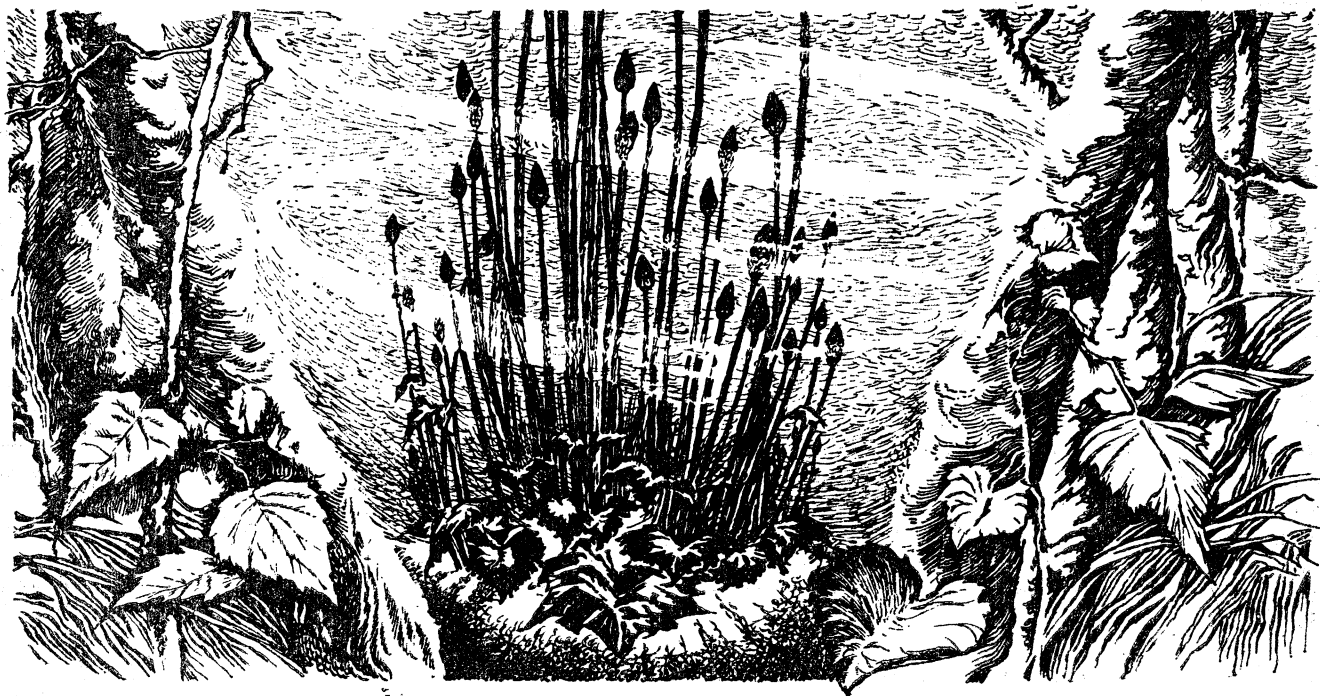

РЕЛИКТОВАЯ РОЩА

Рассказ

Георгий
ЯКОВЛЕВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

— Ну вот, мы почти на месте,— сказал Ладуха, провожая глазами вертолет, который улетал вдоль долины к близкому побережью.

Павлухин вытер рукавом вспотевший лоб и присел на траву.

— Далеко еще? — спросил он.

— Не очень. Километров шесть.

Геолог к тому времени уже вытащил из рюкзака закопченный чайник, по пачке сахара и чая, набрал поблизости сухих веток и разжег маленький костер. Только потом неожиданно добавил:

— Шесть — это по карте, в натуре всегда выходит больше.

Он взял чайник и, осторожно ступая по высокой траве, ушел к ручью, протекавшему совсем рядом, в каком-нибудь десятке метров. Через минуту вернулся, повесил чайник над огнем.

— Жарко,— расслабленно сказал он.— Неплохо бы искупаться. Тут рядышком в ключе есть хорошая ямка, вода студеная.

Он помолчал, предлагая Павлухину оценить всю прелесть купания в ледяной воде, и с сожалением закончил:

— Но это удовольствие мы оставим на потом. Не стоит расслабляться перед дорогой. А пока можно и позагорать.

Он через голову стащил с себя рубашку, и Павлухин увидел, какой геолог загорелый, почти коричневый, с сильными, слегка покатыми плечами и крепкой круглой головой.

Ладуха поймал заинтересованный взгляд Павлухина и усмехнулся:

— Если бы не бегал по сопкам, давно растолстел бы до неприличия.

— Бег ради жизни...

— А как же! Но не только. Тут целый комплекс побуждений. Кстати, если хочешь, я не прочь удовлетворить твое любопытство.

— Потом,— отказался Павлухин, испытывая некоторое удовольствие от этой маленькой мести за то, что Ладуха до сих пор ничего толком ему не рассказал и не объяснил, а на прямые вопросы только отмалчивался или придумывал для себя неотложные дела. Чтобы сменить тему разговора, он спросил: — Это старый лагерь?

— Точно. Лет десять назад тут стояли геологи. Разведка. Искали золото. Дальше увидишь.

Жарко и тихо было вокруг, ни ветерка и ни единого облачка на небе; только на востоке что-то едва туманилось, зыбкое и нереальное, как мираж, да где-то вдалеке пророкотало неуловимо и стихло,— должно быть, пролетел самолет. В сон клонило невыносимо. Сквозь полуприкрытые веки Павлухин осматривал незнакомые места, и мысли его были неспешны и спокойны. Любопытно, как здесь жили геологи десять лет назад? Горы, солнце и воздух. Как это не похоже на города, и как гармонирует этот мир с человеком! Как безнадежно далеко ушли мы от дикой природы и как легко и привычно возвращаемся в ее лоно — при условии, конечно, что мы вооружены последними достижениями цивилизации. И тащим с собой дурные привычки, и бездумно калечим, безмерно истощаем свое пастбище...

— Что, разморило? — услышал он сквозь дрему и поднял отяжелевшую голову. Ладуха протягивал ему эмалированную кружку с дымящимся очень крепким чаем. — Ничего, сейчас взбодримся чайком и пойдем дальше, как по асфальту...

Они так и вышли на лесную дорогу: Ладуха с рюкзаком, Павлухин — с полевой сумкой через плечо, и пошли по еще теплomu, влажному перегною, мягко пружинящему под ногами. Павлухину вдруг невыносимо захотелось разуться и пройтись босиком по этой дороге, потом по росистой траве, потом по воде, чтобы повторилось все то полузабытое, что было в детстве. Он вздохнул и спросил:

— Не пойму, зачем расковыряли дорогу?

— Разве я тебе не говорил? — удивился Ладуха. — Будем разрабатывать это месторождение, время пришло. Пять дней назад тут прошел бульдозер, скоро забросим сюда технику, сделаем доразведку, в общем, займемся вплотную...

Павлухин прислушался к дороге — она благоухала. Ноздри будоражил волнующий полужакомый запах перегноя, тонкий аромат цветущей

черемухи, сладкий привкус грибов и десятки других неопределимых запахов, которыми были насыщены земля и воздух горной долины... Откуда-то из кустов, из-под ног вдруг запрыгали, словно обезумев от горя и ненависти, жесткие, будто косяные, кузнечики, таранившие животы двух пешеходов. Могучий шмель басовито гудел, постепенно нагнетая звук до самых высоких тонов, свивая траекторию своего полета в тугую спираль, чтобы там, в самой последней точке, единым безошибочным ударом намертво поразить самонадеянного «гомо».

«Так оно и есть,— подумал Павлухин.— В данный момент мы враги...»

Бульдозер содрал верхний густонаселенный слой давно заброшенной дороги и разрушил миллионы благоустроенных гнезд насекомых, натоптанные тропки, пастбища и места охоты,— целая экологическая ниша была сметена с лица земли, растоптана мимоходом.

Павлухин отломил сухой прошлогодний стебель травы с метелочкой и, помахивая им перед собой, стал отгонять мошкарку, слишком нахально лезшую в лицо. Он грустно усмехнулся своим мыслям и покачал головой. Если бы природа научилась мстить немедленно и целенаправленно, мы скорее бы поняли гибельность потребительского отношения к ней, вред недомыслия и жадности... Он прихлопнул на животе кузнечика и, зажав его в кулаке, послушал, как тот упрямо царапается, пытаясь выбраться на волю. Кузнечику было жарко и тесно, но он был настойчив и неутомим.

— Ну, лети,— сказал ему Павлухин и разжал кулак.

— Что там? — не оборачиваясь, спросил Ладуха.

— Да так, кузнечик... ничего особенного. Может быть, расскажешь между делом об этом месте?

— Давно пора,— с готовностью отозвался геолог.— Не могу больше злоупотреблять твоей доверчивостью.

Павлухин сдержанно и смущенно засмеялся:

— Ты знаешь, я даже на время забыл, зачем мы сюда прилетели. Ошарашило.

Ладуха недовольно хмыкнул, предупреждая поток восторгов, который, судя по всему, собирался излить на него Павлухин. Но тот, видимо, был поглощен новыми мыслями либо оказался более сдержанным, чем выглядел,— во всяком случае, промолчал. Это приятно удивило геолога, и он снисходительно проговорил:

— Да, недурно спланирована наша планета.

И тут же получил то, чего так опасался.

— Еще бы! — с воодушевлением воскликнул Павлухин.— Теперь я понимаю, зачем геологам романтический ореол. Все привыкают к мысли, что вы тут на каждом шагу подвергаетесь смертельной опасности. Невероятно! Если бы люди

знали правду, они бы бросили опустылевшие города и толпами ринулись в тайгу, чтобы стать первопроходцами, купаться в славе и получать деньги за турпоходы в курортной зоне.

Это было здорово сказано: дифирамбы на оборот. Ладуха пытался сдержаться, но не сумел — сухо и язвительно сказал:

— Тонко подмечено, очень тонко. Но я, видишь ли, всегда считал, что работа остается работой в любом месте. Турпоход, который мы действительно сейчас совершаем, имеет с нею один общий признак: способ передвижения.

Почему-то шутка задела его за живое, и это было неприятно. Он недовольно передернул плечами, лямки рюкзака жалобно застонали. Павлухин пристыженно молчал, и тогда Ладуха примиряюще добавил:

— Тебе ли не знать об этом — немало, наверное, походил!

— Ну, конечно, я же понимаю, — согласился Павлухин. — Но все-таки у вас чаще бывают минуты, которым можно позавидовать.

— Бывают, — неохотно бросил геолог. — Преодоление и прочая ерунда. Может быть, кто-нибудь и находит в этом удовольствие, но я, к примеру, весь день мечтаю только о том, как после работы искупаться в ключе. В общем, разговор не к месту... Ты лучше вот что скажи, все же кандидат наук: почему же ты пошел черт знает куда, черт знает с кем и черт знает зачем?

Павлухин не очень искренне засмеялся:

— Сразу три черта! Можно бы добавить и четвертого: а черт его знает! В конце концов не это важно. Главное — пошел.

— Для меня важно. Постарайся ответить, — настаивал Ладуха.

— Если серьезно, то нам оказалось по пути. Через день я все равно выезжал бы на базу экспедиции.

— Об этом я уже слышал.

— Тем более, стоит ли повторяться?

Но геолог упрямо молчал, и Павлухин, испытывая внутреннее сопротивление, объяснил:

— Терпеть не могу говорить об очевидных вещах! Растение очень необычно, оно мне незнакомо и... кажется, вообще неизвестно науке. Вполне понятное любопытство — что же тут странного? К тому же, — язвительно добавил он, — я был польщен высоким мнением о моей эрудиции: я все-таки океанолог, а не ботаник.

— Сгодится. Что ботаник, что ты — никакой разницы... — Ладуха помолчал. — Ну, а положим, все это искусная подделка?

Павлухин раздраженно пожал плечами:

— Что за ерунда?! Для подделки сделано слишком искусно. Очень сложно, а значит, дорого. Кому это нужно?

— Может быть, ты успел что-то проверить?

— Когда? При такой-то спешке! Просто у растения очень необычный облик: и листья, и почка,

и, наконец, эта шишка с орехами. Признаюсь, один орех я разбил, взял на душу грех. Скорлупа очень прочна, а внутри нет ничего, кроме красноватой пыльцы... Я уверен, это трудно подделывать. Хотя, с другой стороны, существование подобной флоры не согласуется со здравым смыслом.

— Почему? Странная окраска?

— Не только. Существенной другое: если они и осуществляют фотосинтез, то наверняка не с помощью хлорофилла. Кроме того, в растении совсем мало воды: самое большее, несколько процентов. Это очень нетипично для растений и вообще для живых организмов, потому что вода, как известно, универсальный растворитель. И...

— Говори, — поторопил Ладуха.

— Я сделал одну глупость... Собираясь в дорогу, поставил ветку в банку с водой. И через полчаса от ветки осталась только дурно пахнущая слизь. Это уже не лезет ни в какие ворота.

— А, черт! — выругался геолог. — О воде я почему-то не подумал. Нелогично: там было очень сухо...

Дорога, шедшая вдоль борта древней речной террасы, свернула вправо, пересекая ключ, струившийся среди зеленовато-серых валунов хилыми, изнуренными жарой струйками, и пошла рядом с руслом по хрустящему галечнику.

— Ну, принес я тебе веточку, — с непонятной настойчивостью гнул свое Ладуха. — Так ведь можно ввести какие-нибудь химические вещества, и вот тебе объяснение и необычного цвета, и дурно пахнущей слизи. Листья и почки? Какой-нибудь гибрид или мутант. Орешки можно закалить. Как видишь, фальсификация вполне допустима и не очень дорога.

— Да что ты, в самом деле! — в сердцах отозвался Павлухин. — Я же не слепой — могу отличить подделку такого сложного объекта!

— Только не вали все на интуицию, — предупредил Ладуха. — Тут я смело даю тебе сто очков вперед.

Павлухин глубоко вздохнул и смиренно сказал:

— Ну, хорошо. Будем считать, что у тебя очень правдивые глаза. И я поверил тебе на слово.

Геолог засмеялся.

— Какие занимательные пошли нынче кандидаты. Это надо же — поверил на слово! Очень ненаучный подход к вопросу. И у кого! У мужа науки. В конце концов, — притворно вздохнул он, — тут не полюс недоступности, и можно было бы найти кого-нибудь другого.

— Разумеется, в этом нет никакой проблемы, — с предельным безразличием ответил Павлухин. — Так сказать, слепой случай.

— Случай, случай! В том-то и беда, что мы все отдаем на волю случая. Если бы я не притащился в твой институт, был бы тебе случай!

Ладуха неожиданно остановился.

— Стоп! Дальше пойдем без дороги. Вон туда, вверх по склону. Давай немного отдохнем.

— Я не устал.

— Отдохнем, нам не к спеху.

Он осторожно опустил свой колоссальный рюкзак и присел на траву. Дотянулся до куста барбариса, обломил верхушку с молодыми листьями. Пожевал.

— Неплохо, кисленькое. Попробуй.

— Не хочу,— отказался Павлухин. Настроение у него портилось самым решительным образом.

«Какой двусмысленный человек,— с неожиданной острой неприязнью подумал он.— И ведь не успокоился еще, что-то такое про себя готовит: неприятность какую-нибудь или каверзу приберег. По глазам видно, что разговор только начинается. Какого же дурака я сваял!.. Авантюрист! Тащил этот дурацкий рюкзак, не рюкзак даже, а целый дирижабль. Что там может быть? В нем весу, наверное, килограммов сто, не меньше...»

Ему опять припомнились и та бесцеремонность, с которой Ладуха подошел к нему в коридоре института, и та фамильярность, с какой он в первые же минуты знакомства начал обращаться к нему на «ты»...

Ладуха отбросил общипанную веточку и с расчитанным вызовом сказал:

— Я знаю, почему ты мне сразу и безоговорочно поверил. Ты сразу почувствовал, что в этом что-то есть, разве не так? Ведь это бросается в глаза, тут и непосвященному ясно, что пахнет открытием. А у тебя отличный нюх на новенькое. И, скажу тебе откровенно, это совсем неплохо.

В первое мгновение Павлухин опешил от неожиданности, а потом смертельно оскорбился. Теперь ему все стало ясно — по крайней мере, он так считал. Возмущенный до глубины души, он резко выпрямился и, едва сдерживаясь, процедил сквозь зубы:

— Ах, вот оно что... Вот к чему ты клонишь всю дорогу! Какого же черта ты меня сюда притащил! Я тебе кто — мальчик для битья? В конце концов я не напрашивался в попутчики!

Ладуха смотрел на него нарочито равнодушным взглядом, и это тоже было очень обидно.

— Эк тебя! — наконец хмыкнул геолог. Казаюсь, такой поворот в разговоре его вполне устраивает.

— Я возвращаюсь,— вызывающе сказал Павлухин.— Надеюсь, эта дорога меня куда-нибудь приведет? — напыщенность фразы вызвала в нем внутреннюю неловкость, но отступить было поздно.— Я думаю, что смогу пройти тридцать километров и без попутчиков.

— Конечно, приведет,— спокойно подтвердил Ладуха.— К побережью. Но не торопись. Я хочу задать тебе один нескромный вопрос: как ты относишься к славе?

— Как и все,— непримиримо бросил Павлухин.

— Иначе говоря, не чуждаешься.

— При условии, что она заслужена.

— Я тоже отношусь к ней с большой симпатией... Постой, не торопись, выслушай сначала, что я скажу. То, что у нас,— это слава. Слава без всяких натяжек, понимаешь? Известность и слава, которые тебе даже не снились!

— Ясно,— сказал Павлухин.— Я возвращаюсь.

Ладуха поперхнулся и, побагровев, заорал:

— Щенок! Ему предлагают беспроектное дело! В историю на белом коне! С гарантией! А он, видите ли, не хочет. Этакая деликатная натура! Да я тебя только потому и взял, чтобы грязные лапы не мусолили это дело, понял? Чтобы не грызлись корифеи из-за приоритета... Нет, ты постой, Буш! — он, словно клещами, сжал плечо, и Павлухин с изумлением обернулся к нему.— Не уходи, я еще не все сказал. Да ты и не уйдешь!

Павлухину стало жутко. Лицо у геолога было страшным: яростное и жестокое одновременно,— совершенно безумное лицо.

«Что он — пьян, что ли?» — с тоской подумав Павлухин, а Ладуха, не выпуская его плечо, совсем тихо спросил:

— Или ты думаешь, у меня не хватит сил удержать тебя? Ну-ка, смотри сюда!

Он подскочил к березе и, упершись ногой в ее основание, обеими руками потянул ствол на себя. Лицо и плечи его мгновенно налились кровью, вены вздулись черными пульсирующими плетьюми в палец толщиной, мышцы и все тело от перенапряжения начала бить крупная дрожь, рот перекосялся в дикой гримасе.

«Сумасшедший,— со страхом догадался Павлухин.— Но почему — Буш? Откуда он знает мою давно забытую детскую кличку?»

Он, словно в помрачении, медленно огляделся по сторонам, сам не зная зачем: то ли бежать собирался, то ли надеялся на чью-то помощь. Глаза его, будто привязанные, вернулись к дикой, умом непостижимой картине: человек и дерево замерли в страшном равновесии, вершина березы тоже затряслась в резонансе с геологом, и с нее, обломившись, упала сухая ветка; Павлухин вздрогнул и чуть не закричал от неожиданности.

В это время послышался не то стон, не то скрип, и дерево начало медленно сгибаться; изпод лопнувшей коры полезли размочаленные волокна, и береза обреченно застыла, наклонив крону к земле.

Ладуха оставил наполовину сломанное дерево и сел рядом, уронив руки между колен. Лихорадочное, неглубокое дыхание сотрясало его грудь, тело стало влажным и бледным, но от скрытого внутреннего жара почти дымилось. Он устало провел рукой по мокрому лицу и сказал слабым, бесцветным голосом:

— Извини за спектакль. Не думал так... Не подумал, как это для тебя должно быть тяжело. Ну, ладно, ничего страшного, просто немного переоценил свои силы.

Павлухин молча смотрел на геолога. Перед глазами стояла все та же картина: человек со вздувшимся лицом, обняв дерево почти в свой торс толщиной, трясется вместе с ним в страшном иступлении... Он машинально провел ладонью по исколеченному стволу и беспомощно сказал:

— Это не в силах человека...— Потом встряхнул головой и засмеялся.— Ну, это, брат, явная мистификация! Признайся: подпилил дерево?

— Нет,— спокойно и как-то даже печально ответил Ладуха.— Все без обмана: я невероятно силен...

Он сидел, устало опустив плечи, и Павлухину только теперь стало по-настоящему страшно: он одновременно поверил наконец в происходящее и осознал, какое странное существо сидит перед ним. Оно было не просто нечеловечески сильным, оно было сильным сверхъестественно, сильнее любого другого живого существа планеты, за исключением, может быть, двух левиафанов — кита и слона,— но и то только за счет гораздо большей мышечной массы последних.

— Иногда я сам себя боюсь,— тихо сказал Ладуха.— Тридцать шесть лет я был самым обычным, самым рядовым человеком: средний рост, средний вес, хорошее физическое развитие, образован и начитан тоже в меру. В общем, ничего исключительного. И вдруг такое... Но какой-то частью себя я к этому уже привык. Может быть, мы, люди, эволюционно к этому подготовлены? Нет, это не мистика. Должно же быть объяснение. Была какая-то связь, ожидание, предчувствие... Нет, не то, не стоит и пытаться — все равно запутаюсь... И все же до конца с этим примириться невозможно. Оно чужеродное, и его всегда ощущаешь, как чье-то ненавязчивое присутствие.

Он поднял голову, и Павлухин увидел мучительное недоумение в его глазах.

— А может, это болезнь, а? Сломать такое дерево... Это ненормально, от таких перегрузок должны рваться мышцы и сухожилия! Но ты сам все видел собственными глазами. Это не обман зрения и не мистификация. У меня новое тело, совершенно не похожее на мое, и в то же время мое до последней царапины и родимого пятна... Уже четыре дня я в этом состоянии. Можно было бы обратиться к врачам — это первое, что приходит в голову,— но при чем здесь наши эскулапы? Да и не доставлю я им такого удовольствия! Я не подопытный кролик! Я сам хочу во всем разобраться. По какому праву это со мной происходит? Кто завладел моим телом? Для чего это, в чем смысл? И слава здесь совершенно ни при чем. Ты мне обязан помочь, и ты поможешь!.. Это случилось на сопке, куда мы идем, и во всем виновата вот эта штука, смотри сюда!

Он приподнял черные прямые волосы за правым ухом, и Паалухин, наклонившись, увидел что-то овальное, твердое на вид, размером и цветом напоминающее зрелый желудь.

— Всосался, как клещ, и сидит, словно так и надо,— с ненавистью сказал Ладуха.— А попробуешь оторвать или уколоть — больно. Вот что страшно: больно мне, моему телу, это уже часть меня!

Он помолчал и, не поднимая глаз, повторил: — Мы должны во всем разобраться. Что это за сволочь сидит во мне? Зачем? По какому праву?

Молчание затягивалось. Наконец Павлухин кашлянул и спросил первое, что пришло в голову:

— Как это произошло? Ты что-нибудь почувствовал?

— Расскажу в свое время — как. Впрочем, я сам ничего не понял, эти кусты, потом красный туман, потерял сознание или заснул... и начался бред собачий, я и сейчас по ночам просыпаюсь от страха. Когда очнулся, этот клещ уже здесь, и сила дьявольская. Я сразу не догадался, что он всему причина, да я тогда ни о чем таком и не думал — старался уйти подальше...

— А куст?

— Какой куст? Его я сорвал раньше — сразу, как пришел.

У Павлухина наконец-то что-то забрезжило.

— А как у тебя с... головой? Чувствуешь что-нибудь новое?

Ладуха одобрительно кивнул:

— А ты молодец, я в тебе не ошибся. Сразу — быка за рога... Думаю, что умнее я не стал, но кое-какие изменения есть. У меня теперь феноменальная память, человек-счетчик, если хочешь. Могу оперировать любыми величинами в уме: во всяком случае, добрался до пятнадцатого порядка. Бросил, страшно стало, но ощущение такое, что по зубам бесконечность. И еще эмоции... Ну, это ты сам видел.

— Здорово,— сказал Павлухин.— Сила, память и бешеный темперамент. Лекари застонут от вожделения, когда ты попадешься к ним в лапы.— Он и сам тут же поморщился от неуместности сказанного: видимо, от растерянности не заметил, что обыгрывает слова Ладухи.

— Не остри. Не до шуток.

— Ладно, не буду. Есть идея. Но вначале объясни: с чего это ты назвал меня Бушем?

— Ах, это! Вдруг вспомнил, что мы с тобой учились в одной школе.

— Что-то не припомню...

— Еще бы! Двадцать лет прошло. К тому же, ты был года на четыре младше меня, и мы не были лично знакомы. Если бы не этот клещ, я бы тебя не вспомнил до конца своих дней. А вообще-то... Видимо, я и в институте потому к тебе подошел, что твоя внешность показалась мне чем-

то знакомой... Все в этом мире сковано в единую цепь причин и следствий,— не удержался он от сентенции.— Ну, давай идею, не тяни.

— Точно,— сказал Павлухин, поражаясь удивительному совпадению.— А идея простая. Может быть, стимулятор, а?

— Что-что?

— Условно можно назвать так: психомоторный стимулятор.

Геолог разочарованно покачал головой:

— Никак не выходит. Я об этом думал. Возникла бы проблема прочности: нагрузки на мышечную систему невысказанно велики. На скелет тоже.

— Н-да, поторопился... Все оказывается сложнее...

Они некоторое время помолчали.

— Есть еще один вариант, порискованнее,— нерешительно произнес Павлухин.

Новая мысль покорила его сразу и бесповоротно. Он постарался не спешить с выводами, но идея так органически согласовывалась со всем его опытом и с происходящим, была так бесспорна, будто извечно существовала в его сознании.

Он еще раз взвесил слово, словно проверяя его благозвучность, и только после этого произнес:

— Симбиоз.

— Поясни.

— Ты и этот желудь — симбионты. Каким-то чрезвычайно сложным способом вы сосуществуете и взаимодействуете на очень высоком уровне организации. На уровне высшей психической деятельности и в то же время — на клеточном уровне или около того. Как думаешь, а? Такое предположение многое объясняет, хотя, конечно, не все. В итоге-то все тот же стимулятор,— с сомнением добавил Павлухин.— Мышечная система и прочее... И, кстати, какая выгода «желудю»? Не кровь же он сосет, в самом-то деле!

Ладуха поморщился:

— Было бы неприятно, хотя союз получается неплохой... Теперь вот что: я тебе вкратце рассказываю предысторию, и с легким сердцем двигаем дальше... Четыре дня назад я проделал в этом районе несколько маршрутов с «Кроной». Район в геологическом отношении изучен хорошо, геологи, я тебе уже говорил, неплохо здесь поработали, и я ограничился проверкой перспективных кварцевых жил и поиском новых. Много мне найти не удалось, да это к делу и не относится, но две неизвестные жилы я нащупал. Вот с одной из них все и связано. Ее не обнаружили раньше, потому что наиболее доступная ее часть залегала под мощными русловыми отложениями, а остальная — под небольшим пологим надвигом, частично размытым. В общем, тебе это неинтересно. Важно, что я нащупал ее своей «Кроной». Сигнал прослушивается очень слабо, но если

учесть мощный экранирующий покров, золота в жиле около двадцати граммов на тонну. Да и мощность жилы достигала местами трех-четырёх метров. Так что в целом получалась довольно приличная картина. Я жилу хорошо зацепил и за несколько часов проследил до самого конца — вон до той сопки, прямо перед нами, видишь?.. Я прошел почти до самой вершины, пока жила не выклинилась. Но мне и того было достаточно. А на рощу я наткнулся совершенно случайно: собирался устроить привал, шел вдоль склона и из любопытства завернул осмотреть выходы коренных пород — они были метрах в двухстах. Вот там, рядышком, эта роцца и оказалась. Я вначале очень удивился, но подумал: чего на свете не бывает. Без всякой задней мысли, просто из любопытства, отломил одну верхушку с шишкой. Поблизости нашел сушину и рядом с роццей зажег костер. Что меня туда потянуло — не знаю. Не было в этом никакого смысла: роцца ведь находилась внизу, в этойкой большой канаве; там жарче было, чем даже наверху, потому что наверху и ветерок бывает, и вообще просторнее. Все же пообедал я с аппетитом, а потом заснул. Иногда я думаю, что был в беспамятстве, но едва ли это так. Видимо, «красный туман» — это уже бред, который продолжался в течение всего сна.

— Ты можешь его описать?

— Пожалуй, нет. Очень путаный, яркий, странный, иногда страшный, пестрый какой-то, словно калейдоскоп. Я мало что запомнил. Когда очнулся, чувствовал себя очень слабым, но это быстро прошло.

Павлухин выжидающе посмотрел на геолога и после непродолжительного молчания спросил:

— Это все?

— В основном все...

— Сколько осталось идти?

— Километров пять, совсем рядом.

— По карте? — не удержался Павлухин.

— Да нет, обычных, пеших.

Ладуха легко поднялся и взвалил на плечи свой исполинский рюкзак. Павлухину на мгновение показалось, что геолог осел в землю, по крайней мере, по щиколотки.

— Ну что же, пойдём, время не ждёт, — сказал Ладуха, но вдруг остановился и, не двигаясь с места, медленно проговорил: — Да, чуть не забыл. Я обязан был предупредить тебя сразу. Думаю, тебе очень интересно узнать, что у меня в рюкзаке, но ведь ты, конечно, умрешь от любопытства, а не спросишь...

Он помолчал, словно ожидая ответа, но Павлухин терпеливо ждал продолжения.

— Видишь ли, — еще медленнее сказал Ладуха. — Тебя наверняка ожидает то же самое, что и меня, — он провел пальцем за ухом.

— Ну что же, — легко отозвался Павлухин. — Я не прочь стать сверхчеловеком.

— Многие не прочь... Но я хочу, чтобы ты знал... чтобы ты согласился... Мы ведь в конце концов хотим понять — в чем тут дело.

— Говори скорее, чего тянуть.

— Без всякого сомнения, кусты в это время проявляют повышенную активность, и, если нам повезет, мы сможем это уловить. — Ладуха встряхнул плечами, и ляжки рюкзака привычно жалобно застонали. — Я тут прихватил кое-что: магнитометр, радиометр, даже гравиметр, широкополосный радиоприемник, еще кое-какую мелочь и, конечно, «Крону» — все в полевом исполнении. Частью — свое, частью — выпросил под расписку у геофизиков, — не дождавшись ответа, он принужденно засмеялся. — Устроим роцце форменную блокаду, выловим все виды полей и излучения — в чем-то же она себя проявит.

Павлухин яростно боролся с приступом острого недовольства. Но не справился, с трудом вытолкнул из себя:

— Что же ты замолчал? Продолжай. Надо полагать, я сыграю роль подопытного кролика, которая так претит тебе.

— Не городи ерунду, — сердито сказал Ладуха. — Я буду в таком же положении, что и ты. Просто существует вероятность, что контакт не повторится дважды.

«Вот уже и слово найдено: контакт. И ведь приживется», — подумал Павлухин.

— Ладно, пошли, — пытаюсь скрыть неловкость, буркнул он. — Там разберемся.

И они пошли вверх по склону, по-прежнему друг за другом. Ладуха шел скорым упругим шагом, словно никакого подъема не было, словно за плечами у него не висел этот громадный рюкзак; через сотню шагов он вспомнил о спутнике и несколько умерил свой пыл. Впрочем, он все равно шагал в таком темпе, что Павлухину едва хватало сил и терпения, чтобы не отстать, не запросить пощады.

Через полчаса они вышли к дороге. Заброшенная еще с тех времен, когда здесь работали геологи, она была засыпана скатившимися с высокого борта валунами. Собственно, от нее осталась только узкая тропинка, усеянная камнями; в отдельных местах упавшие деревья перегородили ее поперек — то полузасыпанные, то нависшие, как арки, с воздетыми к небу мертвыми ветвями. Тягостное зрелище. Рванный след на теле планеты, оставленный когтистой лапой технологического зверя. Как объяснил Ладуха, это была даже не дорога, в полном смысле этого слова, а так называемая «расчистка».

— Варварский способ разведки, — комментировал он мимоходом. — Обрати внимание на красные камни: это кварц с лимонитом, собственно говоря, руда. В ней есть золото, и ради него выпиливались гектары леса, вместе с плодородным слоем до самых коренных пород сдирались четвертичные отложения. А ведь их мощ-

ность местами достигает восьми-десяти метров... И все лишь для того, чтобы вскрыть такую вот жилу мощностью два, три, реже пять метров и исследовать ее вещественный состав. Нарушается режим циркуляции почвенных вод, отсекаются истоки ручьев, зимой образуются наледи, осыпи ползут, как экзема... Но в свое время эти работы были необходимы и каким-то образом оправданны.

Павлухин по-своему воспринял пояснения геолога.

— Мы, конечно, хозяева планеты, но этим громким званием наделили себя сами, по праву сильного.

— Кто же должен был нас наречь? Всезышний? — насторожился Ладуха.

— Я просто хочу сказать, что мы равноправны, как равноправны дети одной матери. Все животные, все растения, все живое.

Ладуха только хмыкнул и не стал спорить. Он не любил подобных разговоров. Жизнь есть жизнь, и надо мириться с ее порой жестокими законами...

Оба с облегчением вздохнули, когда «расчистка» неожиданно кончилась тупиком, и они пошли по набитой звериной тропе, петляющей вдоль русла ключа среди кустов смородины, барбариса и огромных сочных лопухов. Это был приток основного ключа. Вода здесь едва струилась среди обомшелых валунов. Павлухин не выдержал, окликнул геолога и, опустившись на грудь, погрузил раскаленное лицо в ледяную воду. Он пил торопливо и жадно, пока холодный озноб не поднялся от живота к груди. Ладуха неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал. Когда двинулись дальше, в животе у Павлухина словно болтался снежный ком.

Под ногами у них, как мыльная, расползлась какая-то травка с водянистыми полупрозрачными стеблями, тут же росла целая поляна высоких трав с трубчатыми стволами и белыми цветами, пахнувшими так тонко и знакомо, что Павлухин чуть с ума не сошел, пытаясь вспомнить и этот запах, и связанные с ним обстоятельства...

И тут их путь резко пролег вверх, вода кончилась, и сухое русло ослепительно забелело в полуденном свете солнца, а Павлухину совсем стало не до воспоминаний. Ключ остался где-то далеко справа, и они все круче и круче забирали в гору — по густой траве, по замшелым валунам, среди кустов боярышника и смородины, среди молодых дубков и кленов, увитых лианами лимонника и аралии. Эта дорога вымотала остатки сил Павлухина, но он упрямо лез вверх, лишь изредка поражаясь камню, вывернутому из земли могучей стопой геолога, вообще же — почти не думая; только однажды след медвежьей лапы, оказавшийся рядом, навел его на мысль, что Ладуха и медведя мог бы убить ударом кулака или даже щелчком.

Лес начал редеть. Теперь он весь состоял из одних развесистых молодых дубков, а под ногами шелестел и как-то даже звенел сплошной слой сухих прошлогодних листьев. И еще неожиданнее лес кончился совсем. Пошла осыпь, вся из плоских голубовато-серых камней, стеклянно звеневших при каждом шаге, и эта осыпь, казалось, тянулась к самому далекому небу...

Но они так и не достигли вершины. Через сотню шагов Ладуха сказал:

— Стоп, пришли!

Павлухин с интересом огляделся вокруг.

— Видишь что-нибудь? — спросил Ладуха.

— Пока одни камни.

— И не удивительно. Я тоже не увидел, пока не кнул носом. Пойдем.

Они прошли вдоль склона метров двести по подвижной, как бы текущей осыпи и резко свернули вниз к потемневшим от времени, непогод и лишайников скалам — выходу коренных пород. Тут уже кое-что росло: голубоватый ягель, редкая травка со стрелчатыми листьями, из трещины тянула свое рахитичное тело карликовая береза.

Геолог обогнул останец и вдруг остановился, оперевшись рукой в стенку. Павлухин наскочил на него плечом, и он, поморщившись, пробормотал сквозь зубы:

— Ну и кости у тебя, парень!

— Извини, — растерялся Павлухин.

— Да уж ладно, — не оборачиваясь, буркнул геолог. Потом совсем другим тоном добавил: — Вот дьявол! Все изменилось!

Павлухин обошел его и осмотрелся. Почти от самых ног вниз по склону уходила узкая траншея глубиной метров в десять и длиной не более пятидесяти-шестидесяти. Ее правая почти вертикальная стенка была образована скальными породами, а левая представляла собой передний фронт осыпи, вздымающейся валом у границы какого-то ржаво-бурого хлама, покрывавшего дно этого своеобразного корыта.

— Вот так дела, — растерянно протянул геолог. — Изменилась, совсем изменилась: была черная, стала красная. Это как же понимать? — обернулся он к Павлухину.

Павлухин не слышал. Он с напряженным интересом вглядывался вниз.

«Какая ерунда, — с непонятным облегчением думал он. — Дрянь, ржавая проволока, металлолом... Неужели так вот и происходит что-то такое, и в такой вот чепухе таится открытие?»

Ему казалось, что он совершенно спокоен, что в голове у него царит полная ясность. Он не замечал, как бешено колотится сердце, не признавал, что сам он стоит бледный, почти в прострации, впившись взглядом в багровый клубок, казавшийся отсюда живым.

Возбуждение все нарастало, мысли, перескакивая с пятого на десятое, бесследно проноси-

лись в голове. Позднее он не мог точно вспомнить, о чем думал в те минуты. Сохранились только полустертые обрывки мыслей о бессмертии и вечной молодости. Но об этом он позднее и не любил вспоминать, даже наедине с самой собой.

Еще минута — и его бы захлестнула паника.

Ладуха вдруг нерешительно сказал:

— Ты знаешь, мне что-то не очень хочется туда идти... Такие перемены всего за четыре дня...

Это было так на него не похоже, что Павлухин даже усомнился: тот ли самый перед ним бравый силач? Стряхнув оцепенение, он энергично спросил:

— Что? Изменилось? Может быть, это к лучшему. Может быть, оно цветет, а? Цветы преисподней! Поехали — время не ждет...

И первым начал спускаться в траншею.

— Видишь? — вполголоса сказал Ладуха. — Они все сидят на дайке. Коротенькая такая андезитовая дайка. Я ее проследил — метров сто пятьдесят всего длиной. Материал менее стойкий, чем вмещающие породы, поэтому быстрее выветривается. Но не только поэтому: я думаю, по сильному участию в разрушении принимают и кусты этой рощи. Как бы там ни было, на этом месте образовалась впадина, но она только здесь, где роща, а дальше дайка скрыта под осыпью. Контроль очень четкий. К тому же, смотри: роща противостоит осыпи... А вот здесь я обедал, — непосредственно заявил он и разворошил ногой головешки старого костра. Небрежно пнул консервную банку из-под тушенки; дребезжа, она подкатилась к самым кустам и скрылась среди них.

Здесь, казалось, было еще жарче, чем наверху. В знойном безмолвии стояли двухметровые кусты, стояли сплошным частоколом — взрослому человеку не пролезть. Вблизи впечатление не изменилось: тот же ржаво-бурый цвет и какая-то неопрятность. По два больших обтрепанных листа, свернувшись в трубочки, почти лежали на необычайной голубоватой почве; между листьями торчал высокий, в руку толщиной, стебель, постепенно сужавшийся к вершине и увенчанный маленькой серой шишкой. Между черенками листьев и стеблем таилось по одной почке — видимо, из них вырастут молодые листья, когда старые отомрут. Вот и все.

Павлухин наконец сдвинулся с места и пошел вдоль границы кустов плавным, почти крадущимся шагом. Он внимательно вглядывался в глубину рощи и иногда осторожно трогал рукой растения, приседая и словно принохиваясь.

Тем временем геолог начал разбирать рюкзак и вдруг вскрикнул от острой боли в голове. Бешеный протуберанец швырнул его на землю, на мгновение он увидел побелевшее лицо Павлухина, обернувшегося на его вскрик, и покатился,

подскакивая на булыжниках, прямо к кустам, к голенастым ногам океанолога. Он пытался зацепиться за что-нибудь, но его ничто не могло удержать, — он катился вместе с вывороченными из земли валунами, такими громадными, что была опасность задохнуться под их тяжестью. И в это время океанолог неожиданно ударил его по глазам тупым носком башмака с рифленой подошвой. Ладуха успел догадаться, что этого не может быть, что это начинается бред, но бурная багровая пелена уже заполнила все вокруг...

Он понял, что он лошадь и что на его крупе беснуется и неистовствует опьяненное властью и скоростью маленькое жестокое существо — косматое и грязное, дикое и самодовольное, высокомерно попирающее своих братьев по дому.

«Боже, боже, — горестно думала лошадь. — За что этот примат, волею случая превратившийся в сверхживотное, так безжалостно бьет меня? По какому праву он оседлал меня и гонит неизвестно куда, гонит долгие тысячелетия, жадный и безжалостный, как все победители, — мой враг, мое проклятие, мое вечное бремя... У меня может лопнуть сердце и истрепаться легкие — ему все равно; я могу споткнуться и сломать себе шею — он переседает на другую лошадь. У меня нет сил поспевать за ним, за его невероятным бегом, но он тянет меня за собой. Куда? Зачем? Мне все равно не успеть. Я хочу остаться здесь, в дикой полынной степи. Зачем мне его сомнительное будущее, бег с пеной у рта? Только у него хватит сил и отваги с такой скоростью рваться вперед. Он одинок в своей неутолимой жажде совершенства — и пусть бы оставался в одиночестве...»

Лошадиная мысль вместе с породившей ее печальной головой, круп с сухожилиями и мышцами, — все растаяло в ароматном пространстве степи, рассыпалось прахом и поросло травой...

Ладуха лежал, уткнувшись лицом в эту странную темно-голубую почву, и им постепенно овладевало чувство бессилия. Бешенство и бессиле терзали его душу, потому что, и не открывая глаз, он чувствовал себя проигравшим и поверженным. Стена... жесткая и в то же время упругая стена, которая отбросила его назад. Отбросила не равнодушно, а предварительно поинтересовавшись, что он из себя представляет, и, видимо, убедившись в полной его никчемности.

С трудом приподняв голову, Ладуха увидел перед собой обтрепанные, словно бы вечные, листья и толстый стебель с гладкой, как бы стеклянной кожурой, сквозь которую ясно просвечивала волокнистая сердцевина. На этот раз все окончилось гораздо быстрее, но в голове... в голове у него хозяйничала чужая когтистая лапа, а мозг, словно живой, прыгал и бился в тесной черепной коробке. Ладуха приподнялся на руках и повел глазами вокруг. Справа от него, застряв головой между двумя кустами, лежал совершенно белый

и какой-то даже голубоватый Павлухин; геолог подумал, что живой человек не может быть настолько бледным. Поражало лицо океанолога. Строго говоря, это было уже не лицо, а трагическая маска, гипсовый слепок. Застывшие глаза были широко открыты, но незрячи; в них совершенно отсутствовали живой блеск и выразительность, подмененные отталкивающей слепотой запылившегося стекла или тусклых глаз вареной рыбы.

Ладуха ползком, не отрывая глаз от лица океанолога, попятился от кустов, пока не наткнулся на рюкзак. Здесь он остановился. Куда он хотел убежать?

В душе у него бушевала буря. Мир взбунтовался и каждой мелочью мстит тебе, действует наперекор твоим поступкам и желаниям... Будь у него оружие, Ладуха немедленно открыл бы стрельбу по кустам, а если бы они горели, сжег бы рощу без всякого сожаления,— настолько ненавидел он в эту минуту проклятый хлам, так просто пренебрегший им, его желаниями и волей!

Внезапно вспомнив, он резко провел ладонью за ухом и даже немного успокоился, обнаружив твердый бугорок на прежнем месте.

И все-таки ему здорово было не по себе. Он испытывал три очень сильных чувства.

Во-первых, хотелось уйти отсюда поскорее и уже там собраться с мыслями или с мужеством — это уж кто как понимает.

Во-вторых, чрезвычайно тяжелое впечатление производила на него эта живая мумия, так похожая на океанолога.

И еще — ему было очень страшно, но в этом он так себе и не признался до конца жизни. Во всяком случае, он не сбежал, и уже одно это можно было бы поставить ему в заслугу. Может быть, сыграло роль то, что, лежа лицом к роще, он чувствовал себя в большей безопасности, чем если бы карабкался по склону, повернувшись к ней спиной. Но вероятнее всего, его остановило еле уловимое движение в кустах, воспринятое краешком напряженного глаза; почти механически он поднял лежавшую рядом с рюкзаком кинокамеру и начал съемку.

Эти кадры были единственным из всей эпопеи, чем он заслуженно гордился.

Камера слегка дрожала в его руках, и поэтому кадр незначительно прыгал, в результате чего временами можно было видеть, помимо рощи, еще и голубое небо, и темно-голубую почву. Но в основном фиксировалась одна и та же картина: белое-белое (съемка велась на цветную пленку) лицо Павлухина, которое отнюдь не было мертвым, — оно жило особой и очень интенсивной жизнью, было пластичным, как глина, из которой невидимый скульптор лепил попеременно олицетворение страха, ужаса, боли, после чего, любовавшись мгновение, отправлялся дальше, чтобы

изваять ненависть, страдание и отвращение, а затем, по нисходящей эмоционального накала,— тревогу, недоумение и, наконец безмятежное спокойствие.

Стебли, между которыми застряла голова океанолога, чуть подрагивали, но это подрагивание было столь незначительно, что легко объяснялось энергичной мимикой Павлухина. Их едва заметное потемнение тоже, при желании, можно было объяснить внешней причиной: набежавшим на солнце облаком. Два внутренних листа, по одному от каждого куста, наоборот, вели себя очень активно.

На глазах у Ладухи они развернулись, образовав над торсом лежащего подобие двускатной крыши; их красная плоть стала на вид тугой и мясистой, и по ней пробежала упругая волна. Было похоже, будто листья совершили мускульное усилие; их внутренняя структура проявилась четче, стала хорошо заметна сеть тонких темных прожилок, образующих ажурный скелет.

Через две минуты с небольшим на обращенной к земле поверхности листьев появились шишковидные наросты, которые быстро увеличивались в размерах, выпучиваясь из мякоти, и еще через минуту доросли до размеров горошин, блестящих на солнце, как хромированные. На мгновение все замерло, а затем кусты дрогнули, листья плавно изогнулись и осыпались дождем «горошин». Большая их часть упала на землю и тотчас же рассыпалась серой пылью. Около двух десятков (потом подсчитали точно; оказалось — двадцать три) попали на Павлухина и прямо через одежду прикрепились к его телу: было похоже, будто одежда пришпилена к коже булавами с серебристыми головками.

С этого мгновения и без того неподвижное тело океанолога словно одеревенело, лицо опало и заострилось — на нем отражалось одно только мертвое безразличие. Павлухин даже, кажется, не дышал и, по всем признакам, уже не жил. Около минуты вся эта картина словно бы колебалась в неустойчивом равновесии, а затем «горошины» совсем так же, как и предыдущие, стали пылью и были унесены невесть откуда взявшимся ветром. Только одна, таившаяся в глазной впадине, выползла оттуда и, совершенно как серебристый жучок, двинулась вверх по лбу. Там, под прядью волос, она остановилась, замерла и вдруг с невообразимой скоростью начала расти; вскоре серебристая оболочка треснула и опала, оказавшись прозрачной, как целлофан, а горошина выросла до размеров желудя и покрылась коричневым загаром. И все застыло.

Ладуха еще некоторое время продолжал съемку, и впоследствии, при демонстрации фильма, на экране еще долго светилось теперь уже умиротворенное лицо Павлухина.

Отложив кинокамеру, геолог осторожно приблизился к телу. Он смотрел в ставшее чужим

лицо со сложным чувством суеверного страха, любопытства и отвращения. Пересиливая себя, притронулся к щеке Павлухина кончиками пальцев и с большим трудом удержался, чтобы тотчас же не отдернуть руку. Щека была теплая и живая, совсем нормальная, если не считать ее чрезмерной бледности. Ладуха осторожно похлопал по щеке. Лицо было как ватное. Он потрепал активнее, потом залепил несколько пощечин средней силы. Океанолог не реагировал. Тогда Ладуха вернулся к рюкзаку и отыскал на дне флягу с водой. Воды было достаточно: около трех литров. Он вернулся и едва не вскрикнул.

Павлухин уже сидел, вполне осмысленно осматриваясь вокруг. Лицо его порозовело, и только усики несколько тревожно топорщились на верхней губе, словно прошитые, подчеркивая растерянность и беспокойство. Но внимание геолога привлекло совсем другое,— Павлухин проследил за его взглядом и, оглянувшись, даже привстал от неожиданности: роща стремительно меняла свой облик. Незаметная для глаз жизнедеятельность прорвалась бурным метаморфозом, сменилась вспышкой непривычной для человека активности. Кусты оставались неподвижными, но снизу, от корней, наплывала черная волна, окрашивая каждое растение в траурный цвет. Вслед за волной по всему стеблю формировались попарно расположенные острые почки. Весь этот процесс длился какую-то минуту и завершился, когда листья покрылись бахромой, словно сажей.

Стряхнув оцепенение, Ладуха бросился к киноаппарату, но было уже поздно: роща опять стояла застывшая и немая. Он выругался сквозь зубы и на остаток пленки заснял траншею, рощу и Павлухина рядом с ней.

— Что и требовалось доказать,— спокойно произнес океанолог. Он сидел, демонстративно оперевшись спиной о кусты, и тщательно ощупывал новоявленную шишку. Результатом остался доволен: если прядь волос слегка напустить на лоб, то шишку не будет заметно.— У тебя что-нибудь есть?

Ладуха с досадой пнул ногой рюкзак, наполненный бесполезной теперь аппаратурой.

— Не успел. А сейчас она, конечно, затаилась. Как самочувствие?

— Вполне сносное. Кажется, свершилось, а?

— Страшно было?

— Душно, что-то гнетущее... Меня будто вывернуло наизнанку. Почти ничего не помню, только какие-то смутные подсознательные образы. Бред собачий,— добавил он.

Ладуха понимающе кивнул и признался:

— А меня отбросило. Контакт не состоялся... Ну-ка, помножь 12 647 на 9 673.

— Нет, сначала вот это,— усмехнулся Павлухин. Он поднял лежавший рядом плоский камень и разломил его пополам.

— Сколько я тут валялся?

Ладуха посмотрел на свои часы.

— Около получаса, если часы не стояли во время контакта.

— Стояли?

— Вполне вероятно. Магнитная буря или еще что-нибудь.

— А ты? Имеется в виду прошлый раз?

— Не могу сказать точно, но что-то около двух часов.

— Налицо явный прогресс,— с удовлетворением отметил Павлухин.— Роцца способна к обучению.— Он потрогал ствол растения.— А жарко, ты не замечаешь? Роцца просто-таки пышет жаром, хотя солнце уже клонится к закату. Вполне возможно, излучает избыток энергии в инфракрасном диапазоне.

— У меня есть инфракрасные очки. Проверить, что ли?

— Ничего это не даст,— как-то очень убедительно сказал Павлухин.— Не там ищем. Эта задача нам сейчас не по плечу.

— Может быть, и пытаться не стоило? — враждебно спросил Ладуха.— От первого щелчка лапки кверху? Не повезло, и точка?

Павлухин молча поднялся и с трудом отломил лист и шишку с частью стебля. Руки у него сразу сделались черные, как от копоти. Растение ломалось с лопающимся звуком.

— Не так надо было пытаться,— с сожалением сказал он.— И везение тут ни при чем. Я уверен, что эта проблема не для гения-одиночки. Нужны целые научно-исследовательские коллективы, вооруженные современной техникой. Это какое-то совершенно неизвестное, уникальное для Земли явление. Может быть, только всему человечеству по силам разобраться с этой роцшей.

Геолог скептически усмехнулся:

— Ну, ты даешь, парень! Так вот просто и уйти? А как же мы с тобой? Неужели все напрасно? Получается, что мавр сделал свое дело...

— Получается, что так: «сделал». А волнуешься ты напрасно: свою долю славы получишь обязательно, не бойся. Мы ведь сюда еще вернемся — дело только начинается... Ну что, пойдем? Даю слово, что делать нам тут больше нечего.

— При чем тут слава,— буркнул Ладуха. Он с сожалением окинул взглядом роцшу.— Ты-то, может быть, и вернешься,— пробормотал он.— Но скажите на милость: на кой черт здесь геолог! — И полез вслед за Павлухиным.

Наверху они, словно по команде, обернулись назад. Нет, на этот раз ничего не изменилось. Роцца стояла темная и мрачная, без единого проблеска,— пышущее теплом сплошное угольное пятно, над которым поднималось зыбкое марево.

...Они отошли совсем недалеко, когда Ладуха не выдержал:

— Давай-ка, что ли, пообедаем? Не могу больше, просто умираю с голоду. Вода у меня есть.

Через пять минут над костром висел чайник. Геолог достал из рюкзака четырехсотграммовую банку тушенки, посмотрел на Павлухина, усмехнулся и вытащил вторую.

— Как у тебя с аппетитом?

— Не возражаю.

— Я так и подумал.

Павлухин опять пощупал свою шишку: сон не сон, а факты налицо. Значит, было, случилось. Удивительно, что ему не хотелось сейчас об этом думать. Потом, потом... Слишком он устал от впечатлений, слишком близко находилось это: протяни руку — почувствуешь. Но ощущение беспокойства и даже какой-то тревоги уходило пропорционально расстоянию, разделяющему его с роцшей, и теперь оставалось едва ощутимое впечатление какой-то неудовлетворенности, что ли. А еще вернее, боязни опоздать. Вот-вот, боязнь опоздать — так можно определить это состояние. Боязнь опоздать, даже когда до отхода поезда остается еще несколько часов... Это ощущение, вообще-то, присуще ему органически, не стоит обращать внимания. И все-таки... все-таки что-то тут не так. Где-то он допустил ошибку... Нет, ошибка не в том, что они отправились сюда вдвоем... Вернее, это тоже ошибка, но не она его сейчас беспокоит. Это случилось позже, значительно позже...

Отвлечшись от собственных мыслей, Павлухин заметил на лице геолога желание о чем-то рассказать.

— Как у тебя с идеями? — с видимым равнодушием спросил он.

— Туговато,— откликнулся Ладуха.— Но все же есть одна. Завалиющая.

— Поделись.

— У тебя кризис?

Павлухин с силой потер лоб.

— Да, пожалуй, что так.

— Ну, хорошо,— Ладуха помялся.— Начну, пожалуй, с признания. Дело в том, что я сжег дома один лист и попросил в нашей лаборатории сделать спектральный анализ по стандартному списку элементов. Результаты очень интересные: в листьях содержится больше одного процента германия, а также аномально высокие количества марганца, рения и ряда других элементов.

— Как! — поразился Павлухин.— И ты молчал?

— Я не поверил. Думал, ошибка. Обычно наша лаборатория имеет дело с содержаниями этих элементов не выше кларков. И притом...

— Ну?

— Я побоялся, что ты начнешь проверять. Я не хотел этого, потому что очень спешил. Да ты и не поверил бы в подобное растение, разве не так?

— Но потом-то, потом!

— Потом — забыл, как-то не пришлось к слову... Извини.

Они некоторое время помолчали: Павлухин — насупившись, геолог — с демонстративным смирением.

— Ну как, переварил? — наконец спросил Ладуха.

— Уже. Ваяляй дальше.

— Так вот. Исходя из этого факта, нужно заключить, что роцца — неземного происхождения. Белок и вообще вся органика на основе углерода подменены в этих кустах чем-то совершенно иным... Факт второй. Тебе, конечно, невдомек, что сопка, по которой мы идем, представляет из себя жерло древнего вулкана, забитое туфами и брекчиями...

— Нашел с чем связать, — с неулегшейся досадой перебил Павлухин. — Ты бы еще пришельцев сюда приплел.

— Не торопись, я все объясню. Третье. Об этом я тебе уже говорил: роцца строго контролируется андезитовой дайкой. Эти факты — костяк, на который без страха можно нанизывать домыслы. Представь себе: древние, как наша Галактика, растения, вечные странники, путешествующие от звезды к звезде в виде спор и засеивающие пригодные для жизни миры. При этом, что очень важно, споры прорастают вблизи очагов повышенной вулканической активности. Спрашивается: почему? А чтобы потом, при извержении вулкана, они могли отправиться дальше, к новым планетам, которые можно колонизовать.

— Очень красивая выдумка, — одобрительно сказал Павлухин. — И очень фантастическая. Но я, к примеру, затрудняюсь для планеты с кислородной атмосферой предложить какую-либо форму органической жизни не на основе углерода. К тому же даже при самом мощном извержении достичь второй космической скорости в условиях Земли им не удастся, разве не так?

— Если мы чего-то не знаем, это не значит, что оно не существует. Откуда тебе известно, какие механизмы они используют дополнительно, чтобы покинуть пределы планеты? К тому же весьма вероятно, что Земля нетипична в ряду других обитаемых планет.

— Тогда объясни, для чего им симбиоз с абригенами. В частности, с людьми. Разве он эволюционно оправдан? Неужели на каждой планете, которую они заселяли, были существа с подобной нервной организацией, со сходной биохимией?

— А что здесь такого? Кислородные планеты в конце концов! Очень вероятно, что нас много во Вселенной.

— Вот так всегда: то типичное, то нетипичное! Все зависит от того, что выгоднее в данный момент. Где же логика?

— В случае симбиоза растения получают не-

оспоримые преимущества, — не слушая, продолжал Ладуха. — В таком виде они разносятся на огромные расстояния и даже могут попасть в космическое пространство. Вот именно! Неужели ты еще не понял? Люди с такими придатками, вероятнее всего, и станут космонавтами — ведь это универсальные усилители интеллекта и физической мощи. Человечество в конце концов убедится в преимуществах и безопасности симбиоза, систематизирует порядок контактов; симбионты станут нормой, расселятся по всей планете, люди будут толпами валить в роцци. Вот тебе новая раса — сильная, умная, долговечная.

— Так уж и долговечная...

— В космос полетят симбионты — это несомненно. Они быстрее считают, они сильнее и выносливее обычных людей. А этим растениям только того и надо: на каждой пригодной планете — новые роцци. Непрерывающаяся экспансия, победное шествие по галактическим тропам. Как, а?

— Я тебя уже похвалил, но могу и повторить: очень недурно, но... слишком уж все по-человечески логично и целесообразно. А вдруг они враждебны человеку? Что, если они используют его тело, как некоторые виды ос используют парализованных ими насекомых? В качестве непортящегося запаса пищи? Может быть, все преимущества, о которых ты говоришь, мнимые, и за ними кроется колоссальный ущерб для человека-партнера. И еще одна загадка: в роцце наверняка перебивала масса самых разных животных. Если каждое из них вступало с нею в контакт, то, спрашивается, как далеко разнесены споры, почему раньше не встречались подобные роцци и, скажем, сверходаренные медведи? Такое явление люди заметили бы, тем более что роцца стоит достаточно долго.

— Да, много тысячелетий или даже несколько миллионов лет. Я думаю, с плиоцена, если исходить из того, что она появилась здесь, когда в этом районе еще существовала вулканическая деятельность. Вообще же... Несмотря на объективную критику, гипотеза мне очень нравится, и я готов даже поступиться своей долей славы, лишь бы она оказалась верной.

Ладуха выплеснул из кружки остатки чая и с удовольствием растянулся на земле, подложив руки под голову. Было ясно, что мысль о славе все еще волнует его честолюбивую душу. Обосах он, разумеется, думать не собирался.

— Герои мифов и сказок, конечно, не в счет? — лениво спросил он.

Павлухин пожал плечами.

— Слишком много трудностей на первых же шагах, — сказал он. — Мы самонадеянные глупцы. Схватиться вдвоем за такую проблему, когда до конца второго тысячелетия нашей эры осталось каких-нибудь десять лет! Надо подумать над формой сообщения, чтобы нас не приняли за сума-

сведших. Слава богу, у нас есть неплохие доказательства! И с эскулапами придется примириться, хочешь ты этого или не хочешь.— Он неожиданно оживился.— А мы с тобой удачная пара. Представляешь, как это будет звучать? Ладухо-павлухинский феномен, ладухо-павлухинский рефлекс или что-нибудь в этом роде...

Хорошо было лежать в тени после обильной еды и неторопливо философствовать...

Но что-то вдруг заставило океанолога прервать это философствование. В ту же минуту подспудная тревога и недовольство собой обрели четкие границы. Связь был зыбкой и слишком окольной, но он чувствовал, что она есть в действительности,— обостренное чутье не могло его обмануть.

— Интересно,— сказал Павлухин настолько равнодушным тоном, что геолог сразу же настоился.— Интересно, почему ты умолчал об одном очень любопытном факте?

— Умолчал? — удивился Ладуха.— Не думаю. Я все рассказал.

— Да нет, не все. Видимо, в плане воспоминаний контакт подействовал на тебя не лучшим образом. Ведь ты был в роще не один?

— Ах, вот ты о чем...

— Вот именно. Почему ты не сказал про собаку?

— Забыл, честно говорю, забыл! Точнее, не придал этому никакого значения. Верно, был со мною пес Шарик, увязался от бульдозеристов, которые чистили дорогу. Редкостный, скажу тебе, балбес!

— Ну и как?

— Что — «как»?

— Как он себя вел? Неужели непонятно? Ведь был же он здесь во время контакта? Может быть, и с ним роща вступила в контакт? Может быть, и он изменился? Поумнел, стал сильнее?

— Не знаю... Нет, не думаю. Вероятнее всего, он убежал сразу же после еды. Я встретил его уже на обратном пути. Такой же балбес, как и был... Постой, постой, а откуда тебе известно про Шарика?

— А, ерунда,— рассеянно отозвался Павлухин.— По консервной банке, что валялась там, у костра: то ли слышал, то ли читал, что только собаки так тщательно вылизывают консервные банки и при этом прикусывают края.

— Ну, ты даешь! — восхитился Ладуха.— С одного взгляда! Заработала у тебя интуиция — дай бог. Теперь мне сто очков форы дашь.

— А в роще ты за ним никаких странностей не замечал?

— Ничего не было. Обнюхал кусты, как водится, поставил отметины, и все.

— Так, так,— задумчиво проговорил Павлухин.— Вполне современный пес — ничем его не удивишь. Ну, ладно, с Шариком мы еще разберемся. Видимо, он и по сию пору у бульдозери-

стов, так что в любое время можно его проверить, хотя ясно, что контакта с рощей, по всей вероятности, у него не было. Но если его не было... Если его не было, то вывод может быть только один. Ну-ка, расскажи мне об устройстве «Кроны», — вдруг потребовал он.

— А в чем дело? — недовольно спросил геолог.

— Потерпи немного. Потом объясню.

— Пожалуйста... Начать с теории?

— Не обязательно. Меня интересует устройство. Как можно короче и популярнее.

— Пожалуйста,— повторил геолог.— Можно и популярно... Принцип действия «Кроны» основан на анализе магнитных свойств пород и интенсивности их вторичного гамма-излучения. При этом «Крона» выдает диаграмму, которая в результате дальнейшей дешифровки позволяет определить типы магнетических пород в принятой классификации. Вторая, более важная задача, которую решает прибор, это непрерывное фиксирование количества определенного химического элемента в руде, как находящейся на поверхности, так и погребенной под четвертичными отложениями; в этом случае вводится определенный коэффициент... Извини, здесь популярно не получится. Могу только сказать, что вся сложность решаемой задачи заключается в выделении нужного элемента в многокомпонентной руде.— Павлухин нетерпеливо махнул рукой.— Настройка на элемент производится заранее, при помощи сменных блоков интегральной части прибора и калибровки датчиков. В комплекте: датчики, блок усиления и предварительного анализа, блок интеграции и блок совпадений, микро-ЭВМ, блок питания... и мелочь, которая недостойна упоминания. Общий вес четырнадцать с половиной килограммов, выполнен в ранцевом варианте. Назвать цену?

— Достаточно. Еще один вопрос: «Крона» работала, когда ты подошел к роще?

— Да, некоторое время. Я ведь прослеживал дайку. У меня не было времени дешифровать диаграмму, но макроскопически — это андезиты.

— Черт с ними! — нетерпеливо сказал Павлухин.— Черт с ней, с андезитовой дайкой. Это артефакт.

— Что-что?

— Артефакт, и не меньше! Именно то, что может быть создано только разумом и ничем иным. Собирайся быстрее и пошли.

— Куда — «пошли»? — изумился геолог.— Нагородил тут всякой чепухи! Или объясняй, в чем дело, или я никуда не пойду.

— Спешить же надо, как ты не понимаешь! Можем опоздать!

Он глянул на упрямое лицо Ладухи и безнадежно вздохнул:

— Ладно, попытаюсь как можно короче. Может быть, я и не прав, но по всему выходит, что

с точки зрения кустов единственным критерием целесообразности контакта является разумность партнера. Если Шарик по-прежнему балбес, то это предположение можно будет считать полностью доказанным... Вопрос: каким образом роцца узнает, что мы разумны, а Шарик нет? Психическое зондирование? На первой стадии слишком нереально. И не только, если можно так выразиться, из-за технических трудностей. Это уже второй этап, наступающий после опознания разумного существа. Может быть, это далеко не первые контакты? И они обучаются? Вполне возможно и почти доказано. Но есть и еще один путь. В самом деле, ведь и собаки, и люди — это позвоночные теплокровные млекопитающие существа, обладающие вполне соизмеримыми массами. Но кусты выбрали именно нас, сапиенсов, и я уверен, что за всю историю своего существования они не вступили в контакт ни с одним млекопителем, хотя и те способны передвигаться на задних конечностях, ни с одним живым существом Земли вообще, кроме человека. В противном случае мы бы рано или поздно услышали о существовании сверхмонстров. Я считаю, что точно так же, как и мы их, они отличают нас по тому, что мы создаем артефакты. Возьми «Крону»: изготовить ЭВМ природе не под силу. Возьми твой нейлоновый рюкзак: при господствующих на Земле физических условиях природа не способна создать нейлон. А наша синтетическая одежда, а радиоприемник? Все это артефакты, которые могут быть созданы только целенаправленной деятельностью разумных существ. Конечно, вполне возможно, что кусты фиксируют разумность по биотокам. Или по массе головного мозга... Хотя нет: у некоторых крупных животных тоже довольно массивный мозг. К тому же такое предположение логично только с точки зрения антропоцентризма... В общем, это неважно. Главное в том, что каким-то образом они регистрируют нашу разумность и отвечают контактом, симбиозом, не обратив внимания на который попросту невозможно. И после каждого контакта роцца меняет свой облик — это тоже сигнал.

— Не понимаю: почему ты делаешь такой резкий вираж — пять минут назад высмеял пришельцев, а сейчас сам пытаешься свалить все на их бедные головы! Да и вообще, что за муха тебя покусала? Никуда эта роцца от нас не денется. Столько стояла — и еще постоит.

Теперь и Павлухин заметил, что совершает массу ненужных лихорадочных действий: то хватается за рюкзак, то затаптывает костер.

— Ты так ничего и не понял! — закричал он. — Мы можем опоздать! Опоздать совсем, навсегда, нам никогда этого не простят!

— Кто не простит? — тихо спросил Ладуха.

— Человечество! Человечество не простит нам нашего скудоумия, нашей щенячьей самонадеянности!

Он задохнулся и теперь молча, почти с ненавистью, смотрел на геолога.

— Вот теперь рассказывай, — спокойно проговорил тот. — Вкратце. Я постараюсь понять.

Павлухин с тоской посмотрел на далекий горизонт и, едва сдерживая себя, опустил перед Ладухой на корточки. Будь она проклята, его гипертрофированная эмоциональность!

— Слушай внимательно, — сказал он настолько мягко, что в его голосе послышались просительные нотки. — Было два контакта, так?

— Так.

— Третьего может не быть.

— Это почему же?

— После каждого контакта роцца менялась, так?

— Совершенно так.

— Теперь я скажу прямо: это пришельцы.

— Что? — от неожиданности Ладуха расхохотался. — Ты многим рискуешь — ведь пришельцы нынче не котируются!

— Тихо! — Павлухин с невероятной силой сжал его плечо. — Потом досмеешься. Это пришельцы, ясно? Я в этом уверен. Роцца — это библиотека, информарий, оставленный ими на Земле двести тысяч, а может быть, и десять миллионов лет тому назад в надежде, что мы подрастем. Да, раньше этого срока они появиться не могли, так как им уже были известны общие принципы нервной организации гоминидов — бесспорных претендентов на роль носителей разума. Ведь в ином случае столь тонкое и точное взаимодействие при симбиозе было бы невозможно. Роцца не очень бросается в глаза и не очень замаскирована — она как раз в таком месте, чтобы свести к минимуму вероятность случайного и слишком раннего обнаружения. Второе: у кустов другая биохимия, чтобы сразу стало понятно ее неземное происхождение. Третье: первоначально она, возможно, не отличалась по внешнему виду от земной растительности или отличалась очень мало. Это письмо к человечеству; в клетках, генах, молекулярных структурах этих кустов записана информация, которую нам хотели передать пришельцы.

— Не слишком ли все по-человечески логично и целесообразно? И потом, пришельцы... Нас же засмеют!

— Слушай дальше, — нетерпеливо перебил Павлухин. — Роцца может быть десять миллионов лет, и только на наших глазах произошло два контакта. Без всякого сомнения, контакты были и прежде. Хотя, я думаю, большую часть времени роцца проводит в спячке, в виде спор, и лишь на непродолжительные сроки периодически прорастает кустами... Система должна быть с обратной связью — мы сами видели ее реакцию на контакт. Предположим, что своими превращениями она как раз и сигнализирует об этом событии своим хозяевам. Неважно, каким образом.

Может быть, в сумме эти кусты составляют антенну радиопередатчика или генерируют какой-либо иной вид волн. Но может быть и проще: в программу роши вложена способность решать вопрос о целесообразности дальнейших контактов на основе результата предыдущих.

Голос у Павлухина сорвался. Вид у него сейчас был совершенно неистовый. Бледные щеки, яростно блестящие глаза, нетерпение, гонявшее его по небольшой площадке, посреди которой сидел Ладуха.

— Ты хочешь сказать,— вкрадчиво проговорил Ладуха,— что именно в эту самую минуту наши «желуди» передают информацию о нас... кх-м... самого интимного свойства?

— Ничего в этом нет невозможного! — не сдержавшись, закричал Павлухин.— Понимаешь ли ты, что в эту самую минуту, или через час, или через день, роша может рассыпаться на споры, развеяться по ветру, затаяться еще на несколько тысяч лет?! И все только потому, что ее не удовлетворили умственные способности двух тщеславных кретинов, по которым она судит обо всем человечестве! И она будет ждать эти новые тысячи лет, пока человечество не поумнеет, но нам-то что от этого! Мы с тобой, не кто-нибудь, а мы, мы сами можем прозевать, испортить, провалить такое событие! Понимаешь, что мы должны душу вон, а исправить свои ошибки!

— Теперь понимаю,— сказал Ладуха.— Может быть, ты и ошибаешься, но рисковать в таком деле нельзя. Может быть, передадим по рации? В восемнадцать ноль-ноль у меня сеанс связи с базой.

— Куда передадим: в Академию наук? Кто нам поверит? Вертолет придет за нами только послезавтра — слишком долго ждать. Ты лучше скажи, когда отправляется из поселка рейсовый самолет?

— Последний рейс в девятнадцать ровно. Может, вызвать вертолет по санзаданию?

— А ты пойдешь на это? Нет уж, как-нибудь доберемся без обмана. Дорога есть. Бросай к чертовой матери свой рюкзак со всем барахлом и побежали. Теперь нам ничего не стоит одолеть каких-то тридцать километров за два часа. Возьмем только куст и кассету с фотопленкой...

И они побежали. Бег их был легок и стремителен — сначала вниз по склону, потом по дороге, петлявшей вместе с ключом,— путь их пролегал через глухую тайгу к побережью океана, где был поселок, крошечный аэропорт и люди.

Что значили какие-то три-четыре часа по сравнению с тысячелетиями, которые ждала роша, — мгновение рядом с вечностью,— но всю дорогу перед мысленными взорами двух бегунов с тихим траурным шорохом рассыпались в пыль вечные кусты — хранители древней тайны...

Проверьте вашу память

Последняя «глава» нашего рассказа (см. выпуски «Калейдоскопа» в № 6—9) — самая короткая: включая сноски, она содержит всего 47 названий НФ произведений.

Выделите эти названия, к каждому указав автора. Ответы заключительного тура должны быть отосланы не позднее 1 февраля 1980 года.

ТУДА И ОБРАТНО

Сюжет для романа¹

V. Десять лет спустя...

Поселенцы. Вечные...

Охота на крупную дичь. Проблемы охоты: умение ждать, стрельба по живой мишени...

Изменение настроения. Очень просто: зачем вспоминать сосны?! Мечты — личное дело каждого. «По газонам не ходить»... Мертвое прошлое!

И вот однажды — Малыш:

— Слушайте, слушайте!.. Я знаю!.. Слушайте все: фургон, проникший в скалы! Честное слово!..

Надежда: что там?!

Ошибка невозможна: пропавшая машина времени! Клин клином: вставить палку в колеса, и снова в путь?!

— Прости меня, Длинный Меч: нам, пожалуй, пора идти! Может быть, мы уже уходим...

Ответ:

— Чужие люди — красивые люди! Во веки веков — и да будет так!

И грянул гром... Прыжок в послезавтра, обратным ходом — иные времена. Себе навстречу...

Как здорово вернуться!..

Потомки делают выводы: когда вымерли динозавры, все началось с Евы...

¹ Дальнейшему хранению не подлежит.—По использовании уничтожить...

Строки из писем...

Исследование фантастических идей и ситуаций, их описание и анализ, даже первоначальный сбор материала — все это, разумеется, далеко от завершения в нашем фантастиковедении; думается, что немалотрудное это дело представляет интерес для всех, кто перерос чисто потребительское отношение к фантастике. Вероятно, именно поэтому читатели внимательно следят за обзорами ответов на вопросы наших викторин: проверяют приводимые нами данные, уточняют их, дополняют новыми фактами.

В этом выпуске «Калейдоскопа» мы помещаем отрывки из двух таких писем.

Марки, марочки...

В прошлом году, напечатав подборку о филателии в фантастике («Уральский следопыт», 1978, № 8), вы просили присылать сведения о произведениях, которые не вошли в обзор. Хотим сделать небольшое дополнение.

Речь идет о романе Михаила Гребенюка «Вестник далекой катастрофы» (журнал «Звезда Востока», 1970, № 5), который оказался обидным участниками викторины-77.

Между тем, его герой, мосье Жюстен, «имел два увлечения: он был астрономом-любителем и заядлым филателистом». Однажды, «разобрав посылку с марками арабских княжеств, полученную от фила-

телистической фирмы Ивер, мосье Жюстен поднялся на чердак, в свою домашнюю обсерваторию». Открыв эстероид, он, по праву первооткрывателя, присвоил ему имя Ивер. «Мосье Жюстен получил диплом от общества астрономов-любителей и полную серию марок французских колоний выпуска 1906 года от благодарной фирмы Ивер». А филателистические фирмы Англии, Швейцарии и ряда других стран были ввергнуты в траур...

Владимир КАРАБАЕВ
и Равиль КАДИКОВ,
студенты (Уфа).

Фантасты и Атлантида

К «Калейдоскопу» об Атлантиде («Уральский следопыт», 1978, № 10) могу добавить довольно интересный вариант, при котором:

1) Атлантида действительно была, причем на существующем сейчас материке (Антарктида);

2) катастрофы (то есть быстрого уничтожения) не было;

3) атланты постепенно переселились на другие материка (в связи с похолоданием и оледенением Антарктиды);

4) следы (скульптуры) атлантов видели ученые еще в нашем веке (1911—1912 гг.).

Все это — в повести И. Забелина «Найти и не сдаваться» (в его книге «Записки хроноскописта»).

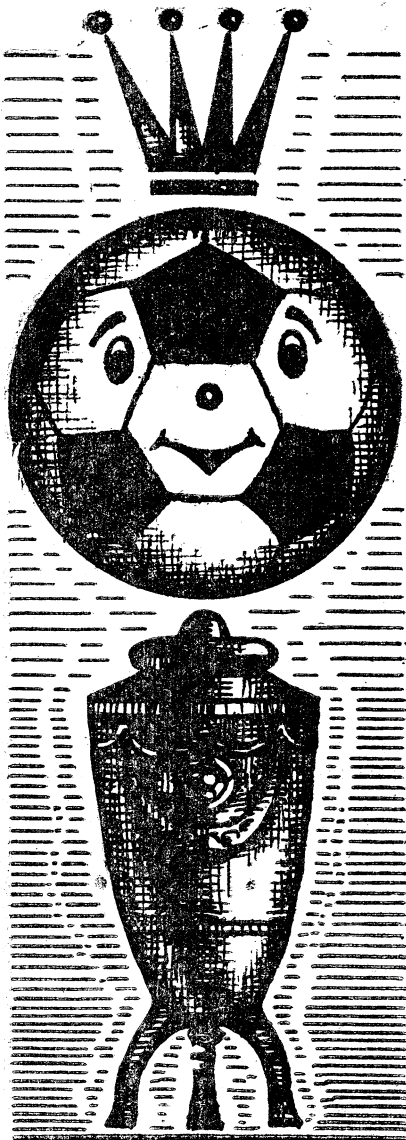
Вот видите, читая новые книги, все еще продолжаешь искать ответы на вопросы викторины (иногда даже прошлогоднего тура), отмечать интересные детали — «хороший вопрос можно бы составить»... Так, наверное, не только у меня. И мне кажется, чем больше появится таких читателей НФ, тем больше будет польза, принесенная викторинами...

О. КИТАЕВА
(Свердловск)

В городе на Оби

Во второй половине мая в Новосибирске состоялось выездное заседание советов по научно-фантастической и приключенческой литературе правлений союзов писателей СССР и РСФСР. С основными докладами выступили Е. Брандис и Л. Исарова. НТР и фантастика, переориентировка фантастики с проблем технических на проблемы морально-нравственные, состояние и перспективы дальнейшего развития фантастики в нашей стране, творчество писателей-сибиряков, — обо всем этом заинтересованно говорили участники совещания, среди которых были Д. Биленкин, Е. Войскунский, Г. Гуревич, В. Колупаев, С. Снегов и другие писатели из самых разных городов Сибири, Урала, Дальнего Востока, гости из Казахстана, Якутии, Тувы.

В эти же дни в Новосибирской областной юношеской библиотеке прошло обсуждение серии «Библиотека советской фантастики», выпускаемой издательством «Молодая гвардия». В гости к читателям пришли В. Щербаков, Б. Лапин, М. Клименко. Ребята спорили о прочитанном, доказывали, фантазировали; писатели отвечали на вопросы, рассказывали о своем творчестве, о научных достижениях и прогнозах...

ПОЧИТАЕМЫЙ

«КОРОЛЬ»

**Григорий
КАЕТА**

*Рисунки
В. Чеботарева*

«Королевой спорта» нарекли легкую атлетику. И не без оснований.

Но если есть «королева», то должен быть и «король». Кто же он? Футбол. В списках ФИФА (Международная федерация футбола) он занимает первое место. На высокий титул футбол может претендовать и по тому факту, что он ведет самый старый турнир в мире — розыгрыш Кубка Английской футбольной ассоциации, начало которому положено в 1871 году.

Родившись в XIX веке в Англии, «король» постепенно завоевывал страну за страной. В 90-х годах прошлого века он пришел в Россию. В 1897 году при кружке любителей спорта в Петербурге организовалась первая русская футбольная команда; а год спустя был сыгран первый матч между командами Санкт-Петербургского кружка любителей спорта и Санкт-Петербургского кружка футболистов. Вот с этой игры и началось летоисчисление отечественного футбола.

После Петербурга футбол прописывается в Одессе, в Киеве, в Москве. Сравнительно долго этот вид спорта пробирался на Урал. Организованный футбол в Екатеринбу-

рге появился лишь в 1913 году: на первенстве города чемпионами стали футболисты гимназии. Екатеринбургцы проводили и международные встречи — с командами Перми и Уфы.

И все же путь «короля» еще много лет оставался тернистым. Его поклонникам с трудом приходилось отстаивать право на существование, защищаться от насмешек. «Публику развлекали господа спортсмены, — писала в свое время газета «Петербургский листок», — игрой в ножной мяч... Записалось человек двадцать. Суть игры состоит в том, что одна партия играющих старается загнать шар — подбрасывая ногой, головой, всем, чем угодно, только не руками — в ворота противной партии. Площадь для игры была покрыта сплошной грязью. Господа спортсмены в белых костюмах бегали по грязи, то и дело шлепая со всего размаха, и вскоре превратились в трубочистов...»

Несмотря ни на что, энтузиасты держались крепко и со всей смелостью пошли на международные встречи с лучшими командами Европы. Матчи с англичанами, немцами и венграми кончались поражением русских. Разгром сборной Рос-

сии командой Германии на Олимпийских играх 1912 года со счетом 0:16 в стране называли «футбольной Цусимой».

Неудачи объяснялись просто... Двери русских футбольных клубов распахивались лишь перед представителями привилегированных классов; да и эти клубы не имели ни средств, ни собственного инвентаря, держались на подачках меценатов. Рабочий люд довольствовался «диким» футболом.

В корне изменилось положение после Октябрьской революции. Уже в первые годы Советской власти, в войну, разруху и голод, прошли товарищеские матчи клубных футбольных команд городов Советской России. Рабочие клубы приняли футбол.

Выносливость, сила, ловкость, железная воля — вот какие черты стали преобладать в футболе. Если прежде в игре зрители находили повод посмеяться над игроками, то теперь азарт и волнение делали их болельщиками. Хорошо высказалась в двадцатые годы одесская «Вечерняя газета»: «Одни смотрят так: футбол — это костыли, это ссадины и кровоподтеки, как татуировка, и, между прочим, спорт — не то джиу-джитсу, не то ножной бокс. Другие на дело смотрят иначе: для них футбол раньше всего спорт, не только красивый, но и умный — «шахматы ног». Для советских футболистов поле, действительно, шахматная доска, а игроки — фигуры, где каждая держит свою позицию. Поэтому Селин, которого прозвали «королем воздуха», перекрещивает поле, как ферзь; поэтому Бутусов — тура, а вратарь Соколов, лучший из виденных вратарей, — настоящий «король поля».

1922 год особенно знаменателен для советского футбола: это год первого официального чемпионата страны. Список чемпионов СССР

возглавила сборная Москвы, победившая в финале харьковчан со счетом 8:0. В том же году начата летопись международных встреч советских футболистов — команда Замоскворецкого клуба выиграла у финского ТУЛа со счетом 7:1.

Кстати сказать, команда ТУЛ была первой иностранной соперницей футболистов Урала. В 1927 году свердловчане увидели международную встречу по футболу, победителями в которой вышли гости из Финляндии.

Хорошей рекламой для пропаганды футбола на Урале стали уральские олимпиады, способствовавшие техническому совершенствованию спортсменов. На Урало-Кузбасской спартакиаде 1931 года уральцы одержали крупную победу, обыграв сборную Западной Сибири.

В тридцатые годы родилась традиция проведения матчей трех, а позже — четырех городов РСФСР: Свердловска, Челябинска, Горького

и Иваново. Сначала победителями были футболисты Иваново, считавшиеся одними из сильнейших в стране; однако они были вынуждены сойти с пьедестала и уступить его свердловчанам.

Свердловский футбол имел высокий авторитет в футбольном мире. Команда города неоднократно становилась чемпионом Урала, обладателем Кубка и чемпионом РСФСР. Футболисты Свердловска по праву входят в число старейших участников игр на первенство страны.

Памятным для отечественного футбола был год 1929-й. Состоялась первая ретрансляция футбольного матча в СССР, радио пополнило ряды поклонников популярной игры тысячами и миллионами болельщиков.

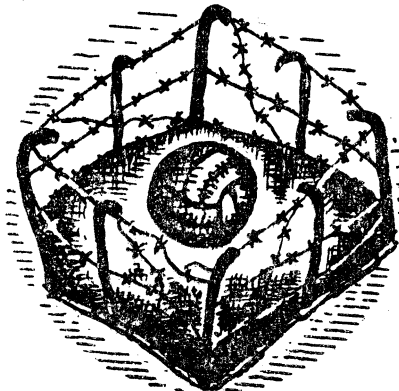
Война прервала спортивные соревнования. Футболисты, как и ты-

сячи других советских спортсменов, сменили бутсы на солдатские сапоги, майки — на защитные гимнастерки. В это суровое время отечественный футбол вписал в свою историю страницу, какой не знал мировой спорт. Футбольное поле оккупированного Киева увидело матч-войну.

Захватив столицу Украины, фашистские оккупанты пожелали создать видимость «нормальной мирной жизни», для чего задумали провести ряд футбольных матчей. Разыскав известного вратаря-динамовца Н. Трусевича, не успевшего выйти из окружения с группой товарищей, немцы приказали ему собрать команду и выставить ее против сборной немецких военно-воздушных сил. Выбора для наших футболистов не было: отказ грозил смертью. И они решили дать фашистам футбольный бой.

Голодные, ослабленные спортсмены провели несколько тренировок и вышли на встречу. Этот поединок впоследствии назовут матчем смерти. Несмотря на угрозы, на прямое избиение, наши футболисты добились победы со счетом 5:3. Николай Трусевич, Алексей Клименко, Иван Кузьменко, Михаил Свиридовский, Николай Коротких, Федор Тютчев, Михаил Путистин, Василий Сухарев, Владимир Балакин, Михаил Мельник и Макар Гончаренко показали себя истинными патриотами и спортсменами. Расстрелянные после матча Н. Трусевич, И. Кузьменко, А. Клименко и Н. Коротких посмертно награждены медалью «За отвагу». Оставшиеся в живых отмечены медалью «За боевые заслуги». Мужественным футболистам установлен памятник у входа на стадион «Динамо» в Киеве — первый памятник футболистам в мире.

Победный 1945 год команда московского «Динамо» ознаменовала триумфальной поездкой на родину футбола. У ведущих команд Велико-

британии она выиграла два матча и два сбега вничью. С этой победы западные специалисты прекратили разговоры о «второсортности» русского футбола.

В послевоенное время летопись нашего футбола пополняется все новыми и новыми яркими страницами.

Год 1945-й. Проводится первый послевоенный чемпионат СССР по футболу.

Год 1946-й. СССР становится членом ФИФА.

Год 1949-й. Состоялась первая в стране трансляция футбольного матча по телевидению.

Год 1955-й. Сборная СССР выигрывает у чемпиона мира — сборной ФРГ.

Год 1956-й. Наша сборная стала впервые олимпийским чемпионом.

Год 1960-й. Советские футболисты стали обладателями Кубка Европы.

Год 1975-й. Киевское «Динамо» выигрывает европейский клубный турнир — Кубок обладателей кубков, а затем — европейский «Суперкубок».

По неофициальной, но авторитетной классификации еженедельника «Франс футбол» сборная СССР по сумме результатов за 1956—1976 годы занимает второе место на континенте. На чемпионатах мира 1958, 1962, 1970 годов она входила в восьмерку лучших команд, а в 1966 году была среди четырех сильнейших.

Немало побед имели за все эти годы свердловские футболисты. В 1946 году динамовцы завоевали Кубок РСФСР. Вторая свердловская команда — армейцы — так же неоднократно участвовала в первенстве страны по футболу. Ее итог с 1946 по 1959 год: 279 матчей, 145 побед, 51 ничья, 83 поражения.

Футболисты Уралмаша играют в чемпионатах страны с 1947 года. За десять лет они провели 922 матча — 387 побед, 212 вничью, 323 пораже-

ния. Счет всех матчей 1269:1101 в пользу уралмашевцев.

Говоря о футболе, естественно, надо говорить о тех, кто его творит. Отечественный футбол знаменит многими выдающимися игроками, но самую большую славу, по мнению специалистов, завоевали наши вратари. За рубежом даже существует понятие «советская школа вратарей».

Список стражей футбольных ворот открывает москвич Николай Соколов, начавший играть еще до революции. Он знаменит отличной ориентировкой на линии ворот и точным выходом на перехват мяча.

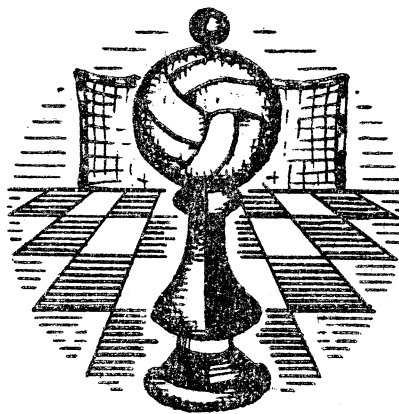
«Человек-угорь» — так прозвали французы другого московского вратаря — Анатолия Акимова — за особую гибкость и пластичность в игре.

Одним из лучших, а по мнению некоторых специалистов, лучшим вратарем всех времен считается Лев Яшин. Он был новатором вра-

...Проглядываю правые ворота. Защищает их Алексей Хомич. По фигуре понимаю, что это он. Вижу, идет атака на наши ворота... Удар! И сразу взрыв аплодисментов после того, как метнулся Хомич. А что произошло — не знаю. То ли Хомич пропустил гол, то ли взял мяч. Чему аплодируют? Пришлось прибегнуть к маленькой уловке: убираю свой микрофон за спину и, пользуясь тем, что за шумом стадиона не слышен мой голос, кричу центру защиты Михаилу Семичастному, нашему капитану: «Миша, что?..» Он отвечает: «Хома взял!» После чего я эти два слова расшифровываю примерно в такую фразу: «В блестящем броске из правого верхнего угла Алексей Хомич забирал мяч. Отличный бросок, ему аплодирует Лондон!..»

Советским футболистам аплодировали многие стадионы мира. И в нашей стране «короля спорта» почитают миллионы — ряды его армии все растут.

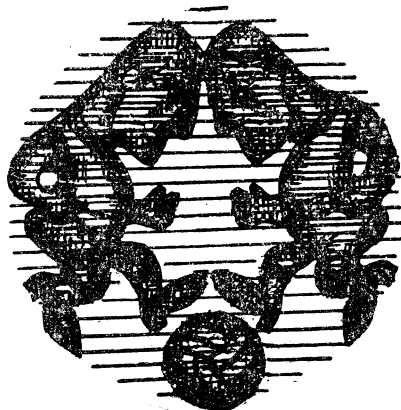

тарского дела, и никто другой не умел организовать, объединить, зажать партнеров так, как Яшин.

Алексей Хомич получил от англичан прозвище «Тигр» — за необыкновенную прыгучесть, смелость и стремительные броски за мячом.

Небезынтересно привести воспоминание известного радиокомментатора Вадима Синявского о матче советской сборной с английской командой «Арсенал» в ноябре 1945 года:

«Утром, глянув в окно, я не увидел противоположного дома. А улочка была не больше двадцати метров шириной. Туман... Настоящий, лондонский, чертовски густой. Первый тайм мы проигрывали — 2:3. В конце второго тайма, когда счет уже стал 4:3 в нашу пользу, новая волна тумана, похожего на сгущенное молоко, навалилась на поле так, что я уже видел не игроков, а месячные тени.

ПАМЯТНИК-САТИРА

Ирина
ЛЕГОНЬКОВА,
Аркадий
КОНТОРОВИЧ

● Относительно короткое царствование Александра III (1881—1894) оставило неизгладимо гнетущий след в сознании передовых слоев общества и всего населения России. По указанию его сына Николая II в 1909 году на Знаменской площади Петербурга (ныне площадь Восстания) был установлен памятник Александру III. Это место было выбрано не случайно.

Создание Великого Сибирского железнодорожного пути, соединившего Петербург с Владивостоком, приписывалось Александру III. А Знаменская площадь, обращенная к Николаевскому (ныне Московскому) вокзалу, была началом Великого Сибирского пути.

Во Владивостоке — конечном пункте этого пути — также предполагалось поставить монумент Александру III перед вокзалом.

В 1900 году прошел конкурс на лучший проект памятника. Победителем был признан скульптор Павел Петрович Трубецкой.

Он был сыном обедневшего князя Петра Сергеевича Трубецкого, женатого на американке. Скульптор родился в 1866 году и умер в 1938 году в Италии, почти всю жизнь провел за границей. В Россию приехал в 1897 году по приглашению занять место профессора в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Но профессорская деятельность Трубецкого в этом училище свелась к тому, что за два года он посетил его... лишь три раза.

Трубецкой был мастером небольших статуэток и бюстов, выдающимся анималистом, прекрасным портретистом, автором различных жанровых композиций. Импрессионист, он, однако, не отрицал принципов реалистического искусства. Реалистический подход Трубецкого к своей работе весьма отчетливо проявился в памятнике Александру III.

Вся работа по сооружению памятника Александру III широко освещалась в печати, оживленно комментировалась, большой интерес вызвала личность его автора.

Благодаря своему княжескому титулу, а также широкой известности за границей, Трубецкой имел возможность проявлять самостоятельность в работе над памятником. За-

частую он даже игнорировал указания специально созданной для руководства сооружением памятника комиссии под председательством академика Бориса Борисовича Голицына. В эту комиссию, кстати, входили вице-президент Академии художеств (позднее — министр просвещения) граф Иван Иванович Толстой и художник Альберт Бенуа.

«Он решениям комиссии не подчинялся, постоянно обходил указания, которые ему давали как князь Голицын, так и я... — вспоминал впоследствии бывший тогда министром финансов Сергей Юльевич Витте. — При сооружении памятника делал некоторые фантастические выходки, которые стоили громадных денег».

Трубецкой жил и работал в специально построенном павильоне недалеко от Александрово-Невской лагвы. При мастерской была и конюшня, в ней находились лошади, служившие натурой для скульптора. Привели ему и лошадь, на которой ездил сам царь.

Для изготовления фигуры царя понадобился натурщик. Объездив ряд военных частей, Трубецкой отобрал 18 кандидатов, из которых комиссия выделила наиболее достойного. Им был фельдфебель Павел Пустов. Однако вскоре выяснилось, что этот имевший царственную осанку фельдфебель никогда не ездил верхом. Поэтому сестра на лошадь ему помогали три человека, которые держали натурщика и лошадь, пока они не привыкли друг к другу. Трубецкой лепил по 8—10 часов в день. Лошадь приходилось менять, так как она уставала стоять. Фельдфебеля Пустова Трубецкой отпускал лишь когда сам не мог держаться на ногах от усталости. Нередко скульптор подбадривал натурщика словами:

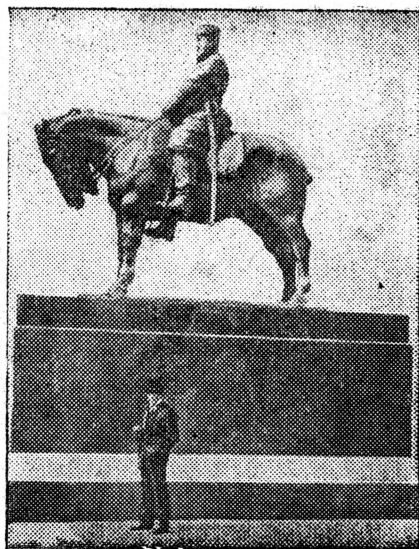
— Я не устаю, и ты терпи, Павел.

Впрочем, фельдфебель не очень унывал, так как перед каждым сеансом не забывал положить в карман шаровар бутылку водки для поднятия духа.

Работа над памятником продолжалась около пяти лет. За это время Трубецкой создал четырнадцать моделей, две из них — в натуральную величину памятника.

На заседании специальной ко-

миссии модель памятника подверглась критике. В ответ на это Павел Трубецкой выступил с таким ироническим заявлением:

— Благодарю вас, господа. До сих пор у меня не было окончательной уверенности в моем произведении. Но теперь я успокоился, так как памятник вам не нравится. Должно быть, я сделал хорошую вещь. Если б она вам понравилась, я был бы этим огорчен.

Выступая так, Трубецкой хорошо знал, что проект памятника горячо поддерживает... сама императрица.

Окончательная модель монумента была завершена и отлита в 1906 году. Затем Трубецкой уехал за границу. Коня отлили на Обуховском заводе, а фигуру Александра III — в специальной мастерской. Собрали памятник на месте его установки — в закрытом павильоне, специально построенном для этой цели на площади.

Памятник был открыт 23 мая 1909 года под пушечный салют Петропавловской крепости, военную музыку и колокольный перезвон Знаменской церкви. На площадь было стянуто свыше тысячи полицейских, шесть отрядов конной полиции, эскадрон и четыре взвода конных жандармов, а также несколько воинских частей.

Трубецкой не присутствовал на торжественном открытии памятника — он опоздал.

В течение нескольких дней после открытия памятника, опасаясь возникновения беспорядков, на площади дежурили городовые, не разрешавшие горожанам собираться группами.

Вскоре в городе распространилось трехстишие:

На площади — комод,
На комод — бегемот,
На бегемоте — оборот.

Для такой оценки памятника были все основания.

Огромный конь из породы тяжелосов, с обрубленным хвостом, упрямо наклонив голову, стоит на постаменте. Не лучше и восседающий на нем Александр III — бесформенно тучный, с одутловатым лицом и тяжелым взглядом из-под насупленных бровей. Он выкатил жирную грудь, толстые ноги в больших сапогах неуклюже свисают по крутым бокам коня. Создается впечатление, что тяжелосовый всадник не под силу даже могучему коню, который пытается освободиться от узды.

Скульптура была выполнена в две натуральных величины.

Своеобразный, выразительный и реалистический памятник привлек к себе внимание, вызвал противоречивые отклики.

Весьма любопытно мнение самого скульптора об идейном содержании монумента. На вопрос друзей по этому поводу Трубецкой ответил:

— Не занимаюсь политикой. Я изобразил одно животное на другом.

Памятник Александру III — острая карикатура на русское самодержавие, на тупого царя-висельника и алкоголика. Вызывает удивление, что такой памятник мог быть установлен на одной из центральных площадей столицы России. Для царской семьи и официальных кругов решающее значение сыграло большое портретное сходство, которого удалось добиться скульптору, а также массивная, спокойная фигура всадника и могучий конь, что олицетворяло неизбежность самодержавия...

Через три года городская дума обсуждала вопрос — снести или оставить памятник на месте? У Николая II даже родилась идея перенести этот памятник в Иркутск, а в столице установить другой...

И. Е. Репин, сравнивая «Медного всадника» с памятником Александру III, писал:

«Подумайте, и через несколько тысяч лет — когда жизнь изменится до невообразимых нами побед культуры над животным прозябанием — этот гениальный медный всадник все так же будет взлетать, в гармонии со всем светлым, к желанным идеям человечества; а другой — с тупой ограниченностью самодовлеющей тьмы — все так же будет стоять за все отжившее, невежественное... В этом слитке бронзы стоит перед нами реакционное чудовище в солдатском облачении, навеки нерушимое наизамяне — давилы-невежды — вся эпоха».

Бенуа подчеркивал, что сила воздействия монумента «обусловлена не просто удачей мастера, но глубоким проникновением художника в задачу. Александр III на Знаменской площади не просто памятник какому-то монарху, а памятник, характерный для монархии, обреченной на гибель».

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Памятник Александру III оставался на прежнем месте. Его постамент нередко использовали в качестве трибуны на митингах. В дни революционных праздников в первые годы Советской власти монумент закрывали декоративными конструкциями из фанеры.

В 1927 году Демьян Бедный написал четверостишие, которое было помещено на постаменте:

Пугало

Мой сын и мой отец
при жизни казнены,
А я пожал удел
посмертного беславья:
Торчу здесь пугалом
чугунным для страны,
Навеки сбросившей
ярмо самодержавья.

После этого среди ленинградцев за памятником Александру III прочно утвердилось название «Пугало».

Во время реконструкции площади Восстания в 1937 году памятник был снят и передан Русскому музею.

В начале Великой Отечественной войны тяжелую бронзовую скульптуру во дворе музея засыпали песком, обшили досками и устроили накат из бревен. Это сделали обессилевшие сотрудники музея. Они носили в мешках и ведрах песок с трех стоявших на Мойке барж. Укрыть тяжелую статую в специально вырытом для нее котловане во дворе музея они не смогли.

Крупнокалиберный снаряд упал во двор музея. Толстые бревна наката были раскиданы по сторонам, доски разбиты в щепы, взметнулось облако песка, даже показалось пламя, но монументу ничего не сделалось, он остался невредим.

Памятник Александру III по-прежнему находится в Государственном Русском музее, а одна из моделей монумента экспонируется в Музее городской скульптуры.

Фотограф «Товарищ Маузер»

Среди старых большевиков Урала одной из самых колоритных фигур был Петр Захарович Ермаков (1884—1952).

«Товарищ Маузер», такой была его подпольная кличка, принимал активное участие в революции 1905 года. В партию большевиков его принимали по рекомендации Свердлова. Петр Ермаков дважды сидел в тюрьме, два года провел в ссылке.

В 1912 году Ермаков возвращается в Екатеринбург, но на работу его нигде не берут: числится в черных списках. Пришлось стать агентом знаменитой фирмы «Зингер» — продавать в рассрочку швейные машинки. Это дает повод для посещения многих квартир, в том числе и конспиративных. У бойкого коммивояжера было и другое дело: он разносил денежную помощь семьям политзаключенных.

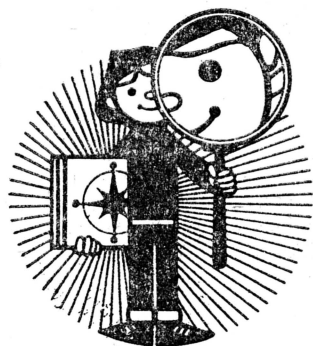
Потом Ермаков вдруг открыл на Опалихе (так называли тогда жилой район Верх-Исетского завода) фотографию. Из заказов предпочитал миниатюры — они очень подходили к липовым документам подпольщиков. Но фотозаведение вскоре привлекло внимание жандармерии. Дело пришлось свернуть, и Ермаков уезжает в Кунгур, где стал работать в фотографии Д. Долгушева. Сохранился ряд снимков той поры: они сделаны Ермаковым по всем правилам тогдашней светописы.

1917 год застал Ермакова в Екатеринбурге. Здесь его выбрали командиром отряда Красной гвардии.

Дальнейший боевой путь П. Ермакова описан в книге А. И. Медведева «По долинам и по взгорьям».

На снимках: автопортреты П. З. Ермакова 1910 и 1917 годов.

Евгений БИРЮКОВ

М И Р

НА ЛАДОНИ

Плавучая электростанция

В Японии осуществляется программа использования волновой энергии в практических целях. На северном побережье Японского моря в районе Юра, где более 50 суток в году наблюдается активное движение волн высотой более трех метров, проходят

испытания плавучей электростанции.

Электростанция «Каймэй» оборудована 11 турбогенераторами мощностью каждый 200 киловатт (установка их полностью завершится в 1979 году). Водоизмещение «Каймэй» — 500 тонн, длина — 80, ширина — 13 и высота борта — 5 метров. Электроэнергия будет передаваться по подводному кабелю на прибрежные предприятия.

Спящий лев Эйзенштейна

Помните сцену расстрела царскими войсками демонстрантов из фильма Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»?

Бегущая в ужасе толпа. Кровь. Коляска с ребенком скатывается по каменным ступеням... В гневе вскакивает... мраморный лев.

Эйзенштейн в быстрой смене кадров смонтировал три скульптуры: льва спящего, льва, поднявшего голову, и вскочившего рычащего льва. И для нас, кинозрителей, они слились в единый образ.

В Крыму, у подножия Ай-Петри, раскинулся Алушкинский дворец-музей, построенный в прошлом веке руками крепостных для крупного сановника М. С. Воронцова. На спускающейся от дворца к морю лестнице и сегодня можно видеть этих знаменитых львов.

И спит сном младенца уже второе столетие мраморный лев, которого знают во всем мире — часто не догадываясь об этом! — миллионы зрителей фильма, признанного одним из десяти лучших кинолент, созданных человечеством.

Анатолий ТОКМАКОВ.

Фото автора

Современная робинзада

Сколько времени можно прожить на необитаемом острове? Ответ на этот вопрос пытался дать один югославский журнал, пославший экспедицию из 30 человек на необитаемый остров Корнат в Адриатическом море. Добровольные робинзоны пробыли там десять дней, питаются только тем, что могла им предоставить скудная флора и фауна каменистого, без единого деревца, острова. Участники экспедиции ловили рыбу и раков, собирали растения и корни. Некоторые из робинзонов потеряли в весе до 20 килограммов.

По мнению ученых, руководивших экспериментом, получены довольно интересные данные и наблюдения.

Под парусом через пустыню

Спортсмен-любитель из Франции Пьер Магнан решил пересечь пустыню в Иране на парусовозе. Он сам смастерил оригинальную колесно-парусную конструкцию, которая состоит из сварной стальной рамы, посаженной на колеса с резиновыми покрышками, и 10-метровой мачты с парусом площадью 70 квадратных метров.

Используя силу ветра, капитан с несколькими членами экипажа собирается преодолеть 3000 километров песчаной и каменистой пустыни, а заодно побить рекорд скорости в этом виде парусного спорта, который пока равняется 120 километрам в час.

Вода в порошке

Кому на ум придет покупать морскую воду, приготовленную искусственным путем? Ведь моря и океаны покрывают 369 миллионов квадратных километров поверхности земного шара. Бери ее сколько угодно бесплатно и перевозки в любое место земли. Однако, оказывается, смысл в изготовлении и продаже искусственной морской воды есть.

В США, например, уже 28 специализированных фирм занимаются производством искусственной морской воды для заказчиков, которыми являются крупные зоопарки, научно-исследовательские институты, государственные и частные аквариумы, рыбные рестораны — то есть те, кому нужна чистая морская вода, а не загрязненная промышленными отходами.

Искусственная морская вода продается в виде порошка, который легко транспортируется, а растворяется в обычной воде из-под крана.

Полюс полюсу рознь

Подсчитано, что в районе Северного полюса полярная ночь длится на 23 дня меньше, чем полярный день. А у Южного полюса полярная ночь на 14 дней короче полярного дня. Таким образом, северная полярная область выигрывает девять дней добавочного освещения солнцем.

Рисунок С. Ашмарина

Марки Васнецова и Билибина

Давно стали библиографической редкостью изданные еще до революции русские сказки с иллюстрациями известного художника Ивана Яковлевича Билибина. В 1969 году Министерство связи СССР выпустило серию большеформатных красочных почтовых марок, посвященных творчеству художника-сказочника.

И. Я. Билибин был автором рисунков на почтовых миниатюрах еще в 1914 году — серия благотворительных марок в пользу жертв первой мировой войны была издана по его рисункам. А марка в этой же серии номиналом в 10 копеек была издана с рисунком знаменитого русского художника, автора картины «Три богатыря» Виктора Васнецова.

На снимках: благотворительные почтовые марки, изданные в 1914 году по рисункам И. Я. Билибина и В. М. Васнецова.

Наум ШВАРЦМАН

Шахтеры славят

Бажова

Зимой 1979 года в поселке имени Бажова города Копейска Челябинской области был открыт памятник Павлу Петровичу Бажову.

Еще в 1954 году, в День шахтера, в поселке на средства, заработанные на субботниках и воскресниках, был воздвигнут памятник знаменитому уральскому сказочнику в сквере перед Дворцом культуры. Авторы его скульптуры М. Меньшиков и

П. Трофимов, архитектор М. Семенов. На мемориальной доске было начертано: «Работа штука долговечная. Человек умрет, а дело его останется». Памятник украшали барельефы на темы произведений П. П. Бажова.

Но этот монумент был не фундаментальным. В городе было принято решение — к 100-летию писателя соорудить новый памятник.

На Кусинском машиностроительном заводе Челябинской области фигура писателя была переведена в чугун, постаментом послужила глыба уральского гранита.

Чертово Городище

От станции Исеть, что под Свердловском, тропа уведит в сосняк с брусничником. Тяжесть подъема сгибает.

Вдруг — чудо! — лес как бы откидывается, и останавливаешься в изумлении: из земли выступает серая отвесная высоченная скала. Взгляд вверх — и гранитное чудоюдо, повинное движению облака, начинает клониться на тебя... Невольно отступаешь в почтении. Это — Чертово Городище.

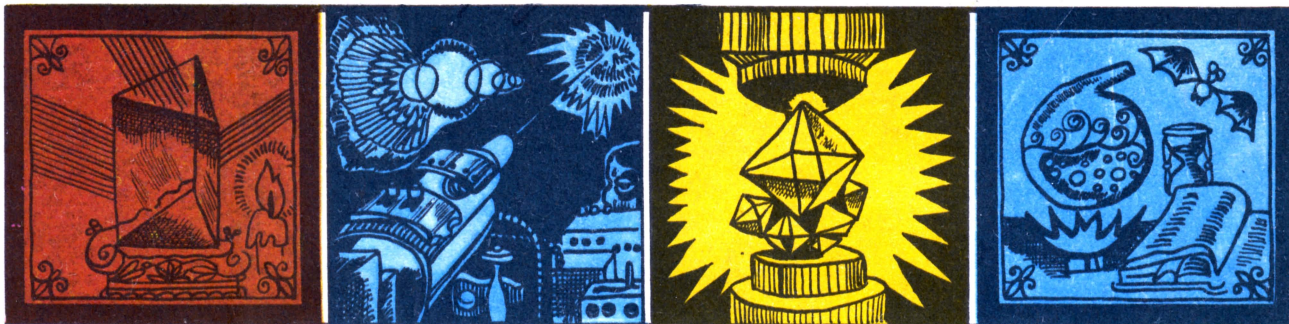
Говорят, что ощущение истины богаче знания ее. Не всем известно происхождение таких скал: миллионов триста лет назад изверглись в земные складки мощные гранитные потоки, да так и застыли там. Вода, ветры, время унесли более слабые породы, и причудливые нагромождения как бы выступили из земли памятником тех невообразимо далеких времен.

Я поставил палатку неподалеку и ночью пришел к камню. Даже в темени он давал тень и, казалось, дышал, остывая. Быстро светало. Камень росил. Он жил! И не серый он, Чертов Камень, а седым-седой! Я поднялся по старенькой, но крепкой лестнице на верхнюю площадку. Какая ширь! Зелень леса, голубизна неба сливались в синь, проникающую в леса, воды, сердце...

**Юрий
БОРИСИХИН**

Фото Н. Перевышина

Читайте в 1980 году

Своей повести «КРУШЕНИЕ ЛЕХИ БЫКОВА» свердловский писатель БОРИС ПУТИЛОВ предпослал в качестве эпиграфа пушкинские строки «В начале жизни школу помню я...» В повести предстает школа суровых военных лет: тревожные сводки Совинформбюро, голодные ученики, умирающие от дистрофии, и не менее голодные учителя, холодные классы... Но звучали в промерзших стенах пушкинские стихи, жила в ребятах вера в Победу, в Человека, на последние деньги, выклянченные у родителей, покупали билеты на оперный спектакль. Военное время — как на фронте, так и в тылу — четко высвечивало хорошее и плохое в человеке, не оставляя щелочки для компромиссов. И вот такую бескомпромиссную войну во имя добра на земле ведут уральские мальчишки. Пуская нередко в ход кулаки, ибо не знают они еще иных путей... Но они уже твердо усвоили главное — злу надо противостоять, с ним нельзя не бороться.

Нравственная тема — тема воспитания, формирования в человеке лучших черт — будет занимать центральное место в публикациях отдела прозы. Как всегда достаточно полно будет представлен и раздел фантастики. Наиболее крупное произведение этого плана — повесть ВЛАДИМИРА ФИРСОВА «СРУБИТЬ КРЕСТ». И здесь, пусть иными художественными средствами, но затрагивается все та же извечная тема: борьба добра и зла. Герой повести, землянин, воспитанный на идеалах коммунистического содружества, попадает на планету, где властвует кучка фанатиков, держащая в трепете весь народ. Герою повести приходится добывать свободу в «рыцарском поединке».

«ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ» журнала познакомят читателей с публикациями поэтов Урала, нашей страны. Учитывая все возрастающую долю стихов в редакционной почте, мы намерены опубликовать тематические обзоры творчества наших читателей.

РЕДАКЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖДЕТ ВАШИХ ПИСЕМ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ, ЗАМЕЧАНИЯМИ, СОВЕТАМИ. НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В НАШЕМ ТРАДИЦИОННОМ РАЗДЕЛЕ «ЧИТАТЕЛЬ—РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ—ЧИТАТЕЛЮ»

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ
«СОЮЗПЕЧАТЬЮ» ПОВСЕМЕСТНО
НАШ ИНДЕКС 73413.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 4 РУБ. 20 КОП.

АДРЕС СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО АГЕНТСТВА «СОЮЗПЕЧАТЬ»:
620151, Г. СВЕРДЛОВСК, ПР. ЛЕНИНА, 39

